

М а т ь я н а
Т Р О Н И Н А

У З Г Н А Н И Е Р А И

РАЗРУШИТЬ
ВСЕ ЛЕГКО,

А ВОТ ПОПРОБУЙ
ИСПРАВИТЬ!

Annotation

Олег и Рая счастливо женаты много лет, их брак казался идеальным. Но вот погибает лучший друг и партнер по бизнесу – Никита, и все меняется в одночасье. Друга едва успели похоронить, как вспыхивает страсть между Олегом и молодой вдовой Анжелиной. Рая брошена, унижена и совершенно разбита, а окружающие почему-то на стороне «несчастной» вдовушки. Теперь остается только одно – мечь. Но интрига закручивается еще интереснее, когда Олег передает весь свой бизнес любовнице и раскрываются тайны прошлого Анжелины.

- [Татьяна Тронина](#)

-

Татьяна Тронина

Изгнание Раи

В ресторане было тепло, тихо, уютно; мягко переключалась разноцветная подсветка под потолком, и оттого помещение напоминало какой-то дивный сказочный сад. Цветы и лианы, вьющиеся вдоль стен, только усиливали это впечатление.

Поначалу Рая чуть не уснула, убаюканная теплом и световыми переливами вокруг, поскольку до этого сильно продрогла, одевшись не по погоде, в легкий плащ. Утром было тепло, сияло солнце, казалось, в город пришла настоящая весна... А вечером март напомнил о своем непостоянном характере: небо заволокли тяжелые сизые тучи и полил противный холодный дождь напололам со снегом.

Поэтому начало вечера ускользнуло от сознания Раи – она сидела за столом, одурманенная теплом, и не обращала внимания на происходящее. Вероятно, муж заметил отрешенное выражение на лице Раи и постучал костяшками пальцев по столу. Рая вскинула на него голову.

– Дорогие мои, – с улыбкой произнес Олег, встретившись взглядом с женой, и поднял бокал шампанского. – Хочу напомнить, что мы сегодня собрались отметить день рождения Никиты. Тридцать три года – не юбилей, конечно, формально, но дата знаковая, особенная. Я это на себе прочувствовал еще зимой, когда отмечал аналогичное событие. Ощущение того, что в сознании происходит какой-то перелом... Переход от молодости к зрелости! По-новому начинаешь смотреть на мир вокруг, на людей. И себя воспринимаешь как-то иначе. Так вот, Никита, я тебя поздравляю с новым этапом жизни, самым лучшим, как мне кажется. Когда еще полно сил, но уже появилась некая мудрость, что ли. Желаю тебе новых свершений! Новых подвигов и побед!

– Ура, – коротко произнес Никита. – Спасибо, друг. Сегодня не пью, сам понимаешь, за рулем, мне еще вас развозить, кстати, так что воспользуюсь апельсиновым соком.

– Я тоже из солидарности с тобой пью сок! – потянулась с бокалом к Никите его жена, Ангелина.

– Ну, а я не откажусь от шампанского, – спохватилась Рая, поднялась со своего места, потянулась через стол – чокнуться с Никитой и с другими, то есть с Ангелиной и своим мужем Олегом.

Они почти всегда собирались узким кругом. Раньше и того меньше сидело за праздничным столом: Рая, Олег да Никита. Но года четыре назад Никита женился, и в компании появилась Ангелина.

Рая так и не смогла к ней привыкнуть. Может, дело в возрасте? Ангелина была младшей в их тесной дружной компании. Всем по тридцать три нынче, а той – двадцать пять только. Другой мир! Потом, у Раи с Олегом детей не было, а Ангелина родила сразу, через несколько месяцев после заключения брака, – девочку. Сладкого белого ангелочка Серафиму. Ангелина – белые кудри до пояса, и дочка тоже – с нимбом из светлых локонов над ясным лобиком. В именах, во внешности Ангелины и Серафимы заключалось тоже нечто кукольное и ненастоящее, киношное даже. Как можно быть на самом деле такими хорошенькими и милыми? А вот можно – одним своим внешним видом отвечали юная мать и ее крошечная дочь.

– А где сейчас дочка? – вырвалось у Раи.

– Серафима сейчас с мамой, – охотно ответил Никита. – Ей за счастье с внучкой возиться. Тяжело, правда... На днях возил маму к доктору – сказали, придется коленный сустав менять.

Почему Рае ответила не Ангелина, а Никита? Это и было третьей возможной причиной того, что у Раи не ладилось с женой друга мужа. Ангелина и вела себя тоже как-то странно, словно маленькая девочка, ровесница своей дочки. Капризничала, манерничала, вечно у нее возникали какие-то проблемы, с которыми она не справлялась и потому ждала помощи от окружающих. Вот и сейчас Никита ответил Рае за жену, потому что Ангелина сидела в данный момент с милой рассеянной улыбкой и даже головы к Рае не повернула... А Никита, чуткий человек, не хотел допустить, чтобы Рая попала в неловкое положение из-за его жены.

Рая знала Никиту уже пятнадцать лет. Никита и Олег – однокурсники, учились в одном вузе. Олег считал Никиту лучшим другом; к тому же они являлись компаньонами. У них было общее дело: сеть продуктовых магазинов в городе. У Олега – семьдесят пять процентов, у Никиты – двадцать пять процентов бизнеса.

Оно и немудрено, Олег всегда шел первым. Он – главный. Умница, красный диплом, смелые идеи, разумная осторожность плюс отвага. Еще Олег умел общаться с людьми, находил к каждому собеседнику подход. Мягкий, открытый, добрый, спокойный. Душой компании, рубахой-парнем Олег при этом не был. При всей своей открытости он не обладал широким кругом знакомств, не стремился к постоянному общению.

К тому же Олег был внешне привлекателен: все в нем было правильным, соразмерным – рост, фигура, лицо. Он располагал к себе и своим видом, и своими манерами, никогда не суетился и почти не злился. Олега обожали дамы в возрасте, он казался им идеалом мужчины, они умилялись, восхищались им и твердили Рае: «Раечка, как же вам повезло с супругом!»

Рая, несмотря на долгие годы брака, так и не привыкла к мужу, чувствовала себя вечной новобрачной, восторженной и немного напуганной из серии: «Как, и это все мне? Но за что?! Чем я заслужила?..»

Никита же всегда казался Рае каким-то... жалким, что ли. Так нельзя говорить, но... Думать-то не запретишь сама себе, свои чувства не отменишь, впечатления не отредактируешь? Да, Никита всегда казался Рае жалким. Слишком худой, слишком суеливый. И неряшливый какой-то. Есть же люди, которые постоянно умудряются в чем-то испачкаться, зацепиться карманом за дверную ручку, порвать одежду о торчащий гвоздь, и где они только умудряются его найти... С неудачной стрижкой (сколько бы парикмахеров ни сменили!), вечно примятыми прядями на затылке. В уголки губ забился кетчуп, между зубами намертво застряла веточка укропа.

Учился Никита в институте, как помнила те годы Рая, не то что бы плохо, нет. Но сессии сдавал тяжело, с боем. Ночами корпел над заданиями, допускал небрежности. В отличие от Олега, справлявшегося со всеми учебными сложностями легко и быстро.

Тем не менее эта непохожесть ничуть не мешала дружбе Олега и Никиты.

Какое-то время Рая, наблюдая за Никитой со стороны, думала, что тот никогда не найдет свою «вторую половинку». Никиту девушки просто не замечали! И тут вдруг Ангелина – воистину ангел во плоти. А потом и доченька появилась на свет, такая чудесная. Олег радовался

за друга – и на свадьбе, и потом... А уж рождение маленькой Серафимы вызвало у Олега даже слезы. Они все тогда втроем – Никита, Олег и Рая – стояли под окнами роддома и ревели в три ручья. От радости и переживаний за Ангелину.

...Официантка принесла горячее. Олег с Раей заказали себе щедрые ломти стейков, Никита со своими проблемными слабыми зубами захотел мягкий люля-кебаб, Ангелина попросила себе какую-то лапшу со множеством ингредиентов.

– Острая какая, – растерянно заметила Ангелина, пробуя лапшу. – Я не могу такое есть. Прямо огонь!

– Да? – удивился Никита, подцепил у нее своей вилкой с тарелки лапшу (родные люди, единое целое практически, чего стесняться), при этом капнул соусом себе на колени, но, как всегда, не заметил... Пожевал лапшу, задумался на мгновение. – Да нет, не слишком.

– Попроси поменять, – предложила Рая Ангелине. – Что-нибудь другое закажи еще.

Но Ангелина продолжала неподвижно сидеть, с недоумением и грустью разглядывая содержимое своей тарелки. Кажется, она ничего не собиралась предпринимать.

– Официант! – махнул рукой Олег, указывая на тарелку с лапшой. – Принесите что-нибудь не такое острое, пожалуйста. Невозможно есть.

Официант рассыпался в извинениях, унес тарелку.

– Друзья мои, – встал Никита. – Ответное алаверды, так сказать... Рая, Олег. Хочу поблагодарить вас. Вы всегда со мной, сколько лет... И вы всегда вместе. С детства, да? Я завидую вашему союзу белой завистью и хочу, чтобы наши отношения с Ангелиной оказались бы столь же долгими и крепкими. Ура вам. Мы вообще, все четверо, удивительный пример дружбы и любви, верности...

– Ура. Прекрасен наш союз, он, как душа, неразделим и вечен... Да, ты еще про Левушку забыл сказать, – приобнял его за плечо Олег, но не успел договорить.

– Ага! Вот они где! – вдруг раздался рядом торжествующий голос.

– Вот и он, кстати, легок на помине! – хитро произнес Олег.

Все обернулись: к столу энергичной, пружинящей походкой приближался Лев. Как есть лев – мощный, сильный, огромный, полный природной энергии. Великан с абсолютно белыми волосами;

тем он напоминал альбиноса. Одетый так, словно только что с рыбалки: брюки из грубой дерюги защитного цвета, потрескавшаяся кожаная куртка, потерявшие цвет и вид башмаки. И как его только в приличные места пускали?.. Но – пускали, и охотно, с почтением, охранники и швейцары всегда с готовностью и даже радостью распахивали передо Львом двери, верно, профессиональное чутье им подсказывало, что это серьезный человек, а не какой-то бомж с вокзала.

Лев – однокурсник Никиты и Олега. Льва, наверное, нельзя было назвать в полном смысле *лучшим* их другом, но и обычным приятелем этим двоим Лев тоже не являлся. Так что друг, просто друг. Таинственный и далекий, появляющийся лишь время от времени.

– Сюрприз-из! – басом пропел Лев и сграбастал в объятия Никиту, выскочившего к нему из-за стола. – Подарочек тебе, новорожденный ты наш, прямиком из Милана. Вот коробочка. Потом посмотришь...

– Но откуда... Ты даже не предупредил... – затрепыхался в его крепких объятиях Никита.

– Олежка знал. Олег, дружище! – настала очередь Олега обниматься со Львом. – Я, Никитушка, проездом. Еле время выкроил. Через час уеду, не хочу в аэропорт опоздать.

– Мы как раз за нашу дружбу собирались выпить. Всего час ты с нами? Эх, жалко... – вздохнул Никита.

– Дела, все дела. Я как Фигаро – то тут, то там. Ну-ка, а это кто у нас, – Лев мягко поднял к себе Раю за запястья, принялся ее разглядывать сверху вниз. Нагло и беззастенчиво, но в то же время совершенно не обидно. Потому что кто ж обижается на природу, на зверя. На льва...

– Привет, – сказала ему Рая. – Рада тебя видеть.

– Ты ж моя красавица, царица ты Шемаханская, – принялся целовать ее Лев. Губы у него были твердые и мокрые. От Льва пахло как-то странно – сопревшим сеном, дегтем каким-то. Он весь был странный: загорелый до красноты и с белыми волосами, и с этими прозрачными холодными глазами, напоминающими лед. Рая не особо любила Льва, всегда инстинктивно сторонилась его. Чужой, непонятный... Вот и сейчас она попыталась потихоньку освободиться от его лап.

– Так, а это кто там. Ангел наш... – Лев принялся пробираться к Ангелине, испуганно смотрящей на него.

– Лев, ну перестань, – нервно пропищала Ангелина, пытаюсь отмахнуться. – Ай, раздавишь. И давай без поцелуев...

Конечно, Лев не стал ее слушаться, поднял к себе, обнял, расцеловал в обе щеки. Пунцовая от смущения, недовольная, Ангелина села обратно в кресло, надула капризно губы.

– Как доченька? – ласково спросил Лев, садясь рядом с Никитой. – Сколько ей?

– Три исполнилось, все хорошо, сейчас с бабушкой, моей мамой... Ты-то как? – ответил Никита.

– Ничего, тоже хорошо. Торгую, как и раньше. Оливки и оливковое масло по-прежнему пользуются популярностью. Так, мне вот это и это, – Лев, подозревая официантку, ткнул в меню. – Только побыстрее, пожалуйста, у меня самолет.

– Куда ты сейчас? – спросил Олег.

– В Питер, потом в Ригу, потом обратно в Милан. И вот что, братцы, давайте выпьем. За Никиту.

– Я за рулем, ни-ни-ни! – замахал тот руками.

– Ну, бра-ат!

– И не проси.

– Ну Ники-итушка...

– Лева, даже не начинай, – засмеялся Никита. – Вот шампанское, вот водка, если хочешь.

– Водки – выпью. Я-то не за рулем сегодня, меня такси повезет.

Они болтали, старые друзья, а Рая разглядывала их, в который раз удивляясь. Такие разные, что держит вместе этих людей?

– Женился? – спросил Олег Льва.

– Нет. И не собираюсь. Вот еще. Так – все женщины мои, да, Раечка?...

– Лев, ты, получается, бабник? – спросила она с интересом.

– Хо-хо-хо, а то ты не знала...

– Левушка! Если уж удалось нам наконец с тобой раз в сто лет встретиться, я тебе хочу деловое предложение сделать, – особенным, серьезным голосом произнес Олег. – Короче. Не хочешь ли ты с нами объединиться?

– Со мной и Олегом, – кивнул Никита.

– Да, – подтвердил Олег. – У нас есть возможность открыть еще пару «точек», то есть продуктовых магазинов, и твоя продукция там

была бы очень кстати. Возможно, мы смогли бы даже сделать ребрендинг всей сети и назваться магазинами органического питания... Сейчас у меня семьдесят пять процентов, у Никиты – двадцать пять процентов бизнеса, но все можно переиграть, как ты понимаешь.

Лев склонил голову набок, задумался.

– Заманчиво, ох как заманчиво... Сейчас в большой моде все натуральное и правильное, без химии, – пробормотал он. – Но... Братцы, мы ж друзья. А друзья не должны давать друг другу займы, не должны затевать общее дело. Ведь поссориться можно, потерять дружбу! Не-ет, ради денег я не готов своими друзьями жертвовать.

– Почему поссоримся, мы с Олежкой вон уже сколько лет компаньоны! – напомнил Никита.

– Нет, нет, не хочу рисковать... – улыбнулся Лев, показав белые, ровные, очень крупные зубы.

– Ладно, не торопись с ответом, подумай, – добродушно произнес Олег.

Возможно, у Льва на самом деле были какие-то иные причины отказываться от «тройственного» союза... Но он сделал это, как принято сейчас говорить, в комплиментарной форме. Станный человек Лев. На вид – ну ладно, не зверь, не лев, а мужик мужиком, неандерталец, и повадки какие-то грубые, словно этот человек и не подозревает об этикете, а на деле не было никого тоньше и деликатнее Льва. И опаснее. Может, Рае казалось, но от Льва исходила какая-то сила. И сразу становилось понятно: этот человек знает, что хочет, он не позволит манипулировать собой и никому ничего просто так не спустит. Наверное, было бы страшно иметь врагом человека, подобного Льву. Растерзает до косточек...

Рая как-то поделилась своими мыслями с мужем, но Олег отмахнулся: «Не придумывай, детка. Я знаю Левушку с юности, с первого курса. Нет в нем ничего такого... Ну а на вид да, он брутальный, «альфа», девушек это притягивает. Может, ты в него влюбилась?» «Нет. Он не в моем вкусе, – честно призналась Рая (с мужем они всегда были откровенны друг перед другом). – А ты заметил, что Ангелина всегда на него смотрит с каким-то ужасом?» «О, наша Ангелина – это вечный ребенок, чистая душа... – добродушно, с

нежным удивлением произнес муж. – Она ничего не понимает в жизни, в людях!»

Рае не нравилось, что муж отзывается об Ангелине с восхищением. Но Рая не ревновала Олега к этой особе. Она знала, что для Олега дружба – это святое. И семья – тоже. Скорее, в восхищении Олега Ангелиной нечто отеческое, покровительственное, хотя разница в возрасте между ними и не особо значительная.

Никита, как замечала Рая, тоже никогда не ревновал Ангелину ко Льву и не относился всерьез к ужасу, с которым та глядела на Льва. Вероятно, Ангелина, эта вечная девочка, опасалась Льва – как стихийного бедствия, что ли. Избегала любого контакта с ним, боясь, как бы тот не сломал, не повредил ее хрупкую оболочку.

Ей, Ангелине, все было больно, все плохо. Маленькая недотрога. И как только она пережила роды... Помнится, это был долгий кошмар какой-то: с трудностями, проблемами, плохими прогнозами врачей. С экстренным кесаревым.

И именно тяжелые роды Ангелины не давали Рае думать совсем уж плохо об этой юной женщине. «Все проще, все гораздо проще, – подумала Рая, краем глаза наблюдая за Ангелиной. – Я завидую ей. У нее есть ребенок, а у меня – нет!»

Чтобы отвлечься, Рая уставилась в окно. Там, на улице, всюду разбушевалась непогода. Летел снег, и одновременно лил дождь. Прохожие бежали мимо, прячась под зонтами, на их лицах, подсвеченных желтым светом фонарей, застыли гримасы недовольства и отчаяния.

– Раечка... – ласково позвал ее муж. – Что ты там увидела?

– Ужасная погода, – отвернулась от окна Рая. – Еще шампанского?

Официант, до того прятанный где-то там, в кустах неподалеку, выскочил и подлил ей в бокал шампанского.

– В Италии, наверно, тепло? – со вздохом спросила Ангелина Льва.

– Италия разная, ангел мой, – пожал плечами Лев. Он говорил и одновременно ел: официантка как раз принесла ему стейк. – В Неаполе тепло было, днем достаточно одного свитера, а в Милане сегодня утром плюс тринадцать. Ночью, я слышал, обещают ноль.

– Все равно в Италии лучше, – пробормотала Ангелина. – Ненавижу наш климат.

Рая, расправившись со своим стейком, отправилась в дамскую комнату. Там она застряла надолго: пока мыла руки, поправляла прическу, прошло довольно много времени. Мимо, к кабинкам, проплыла немолодая тучная дама, вся в бархате и люрексе, бросила на Раю неприязненный взгляд – его Рая поймала в зеркале.

Она привыкла к подобному. К тому, что люди относятся к ней по-разному. Одним она нравится, и некоторые находят ее даже похожей на певицу Эми Уайнхаус, безвременно ушедшую из жизни, а у других она почему-то вызывает ненависть. Беспричинную, с первого взгляда.

Рая пожалала плечами и вышла из дамской комнаты. Она попала в узкий коридор. Одним концом он выходил в зал, другим – упирался в гардеробную. У гардеробной, наполовину скрытые пальмами, стояли Лев и Ангелина.

– ...похоже на тебя.

– Я знаю, детка, – Лев обернулся, увидел Раю, подмигнул ей. – Как насчет покурить, а?

– Нет, – коротко ответила Рая.

– И вот охота – выходить на улицу в такую погоду. Я вот замерзла, хоть и топят здесь, – зябко поежилась Ангелина, гардеробщик накинул ей на плечи короткую шубку из стриженной норки. Рая и Ангелина вернулись в зал. Через пять минут у стола появился Лев.

– Ну все, братцы, я такси вызвал. Прощаюсь со всеми. Еще на посошок!

Выпили, Лев начал прощаться. Обнял в числе прочих и Раю. От Льва сейчас разлило крепким алкоголем и табаком, эти «ароматы» перебивали природный запах Льва. Рая с трудом удержалась, чтобы не поморщиться, целуясь с ним.

Потом Лев ушел, и они опять остались вчетвером.

– Дикарь, – с добродушной улыбкой произнес Никита. – Отказался от выгодного предложения!

– Ничего, еще передумает, – тоже с улыбкой произнес Олег. – Ну что, давайте переходить к сладкому? – и махнул рукой.

Свет в кабинете сразу стал приглушенным, вплыли вереницей официанты с бенгальскими огнями, впереди несли торт.

– С днем рожденья тебя, с днем рожденья тебя... – запели они.

И за столом песню подхватили – Олег, Ангелина и Рая, – обращаясь к Никите:

– С днем рожденья тебя, дорогой наш Никита!

Взрыв хлопушки, водопад конфетти. «Виновник торжества» принялся неуклюже резать торт.

– Раечка, еще шампанского?

– Да, не откажусь.

Официант сновал вокруг, подливая всем в бокалы.

– Нет-нет, мне сок...

Наконец уgomонились, сели с торжественными лицами.

– Ангелиночка, скажи ты.

– Да, моя очередь теперь, – поднялась Ангелина с бокалом оранжевого сока в руках. Шубка соскочила с ее плеч вниз, на кресло, но она даже не обратила на это внимания. – Дорогой мой муж, любимый Никита. Ты знаешь, я обещала тебе подарок в конце вечера. И вот... пора. Время для главного подарка. – Она сделала паузу, тихо засмеялась, и от этого смеха у Раи мурашки по спине побежали. – Никита. Скоро ты второй раз станешь отцом.

Тишина, треск свечей, потом чье-то громкое дыхание... Затем крики, смех.

– Bravo! – это Олег.

– Ура! Дорогая моя, золотая... – застонал Никита.

– Ура! – дребезжащим голосом подхватила Рая и почувствовала, что глаза защипало от слез. Она искренне радовалась беременности Ангелины, с одной стороны, с другой – почему-то вдруг тоска напала на нее.

– Какой подарок, какой роскошный, необыкновенный сюрприз! – стонал Никита, обнимая жену. – Чудо! Я мечтал об этом! Ах, не могу... Налейте. – К нему тут же подскочил официант, наполнил бокал пенящимся напитком. – За такое грех не выпить. За тебя, ангел мой. За вас *двоих*.

Он выпил залпом бокал шампанского.

– А может, там не один, а двое, – сказал Олег.

– Олeжка! – закричала Ангелина возмущенно. – Я и в первый раз еле разродилась, а с двумя...

– Шучу, шучу! – смутился Олег.

– Хоть и говорят, что беременность и роды – нормальный физиологический процесс, но... – Ангелина недоговорила, села. Никита заботливо набросил ей на плечи шубу. – Никита.

– Да, мое золотце?

– Вот зачем ты выпил? – с укором произнесла Ангелина. – Ты же за рулем. Как мы теперь поедem домой, а? Кто Олега с Раей до дома довезет?

– Ну не сдержался. Прости, – произнес тот виновато.

– Такси вызовем, что такого, – пожал плечами Олег.

– Это такси... – поморщился Никита. – Я обещал, я вас и доведу.

– Никита, может быть, закажем услугу «трезвый водитель», и... – осторожно начала Рая, но тот не дал ей договорить:

– Нет. От одного бокала ничего не будет, сами понимаете.

– Вдруг тебя остановят...

– Паспорт покажу, с датой. Что они, не люди, что ли? Должны понять. Я же не бутылку водки выпил и за руль сел, а всего лишь бокал шампанского.

– Ладно, ладно, не кипятись, – остановил его Олег.

– Это же невозможно – всего бояться, из-за любого пустяка переживать, – бубнил Никита. – Мы ж тут еще долго сидеть будем, вон, даже еще торт не попробовали. К тому времени как соберемcя уходить, все уже выветрится.

– А вкусный торт, – заметила Рая, пробуя угощенье.

– Очень вкусный! – подхватил Олег, облизывая ложку. – На настоящем сливочном масле, это не маргарин какой-то... Я вам как профессионал говорю, в продуктах разбираюсь.

– Да, похоже, не обманули, – согласился и Никита, тоже попробовав десерт. – Отличное качество.

О выпитом Никитой бокале шампанского все постарались забыть.

– А сколько уже? – вдруг с любопытством спросил Олег.

– Ты о чем? – повернулся к другу Никита. – А, понял. – Он обратился к жене: – Ангелиночка, какой срок? Мы же тут все свои...

– Пока очень маленький срок, – призналась Ангелина, пробуя торт. – Как мне моя гинеколог сказала, это еще совсем зернышко. Погоди... – Она достала из сумочки листок, протянула его Никите. – УЗИ сделали вчера. Видишь, во-от здесь эта точка...

– Вижу, – дрогнувшим голосом произнес Никита, держа снимок перед собой. Потом протянул его Олегу и Рае. – Вы тоже его видите?

– Почему его? – спросила Ангелина.

– Я надеюсь, что это будет мальчик. Сын. – Никита положил ладонь себе на грудь, слева – туда, где сердце.

– А если девочка? Я хочу еще девочку! – упрямо произнесла Ангелина.

– Вот Серафима-то обрадуется сестричке или братику! – заметил Олег.

– Ой, не знаю, действительно ли обрадуется... – вздохнула Ангелина. – Такой характер. Три года, а уже все прекрасно понимает и говорит четко, предложениями. «Р» произносит!

– Вундеркинд, а не ребенок! – восхищенно подтвердил Никита.

Рая слушала все эти разговоры и заставляла себя улыбаться. А внутри у нее все сжималось от тоски, наверное, еще и выпитый алкоголь усиливал чувства.

Она всегда хотела ребенка, и давно, в юности, представляя свою будущую жизнь, не мыслила ее без детей. Была твердо уверена, что когда-нибудь они с Олегом станут родителями. Тем более что оба они были здоровы.

Почему же так получилось, что два человека, связанных узами брака, здоровых, любящих друг друга и, главное, детей, мечтающих о них, до сих пор оставались бездетными?

Рая сама себе не могла ответить на этот вопрос. Наверное, проблема в том, что они с Олегом были знакомы с детства, росли в одном дворе, потом ходили в одну школу. Они не знали других отношений, других людей. Первые и единственные друг у друга.

Начав свои отношения всерьез, когда им было по шестнадцать, они оба панически боялись, что Рая забеременеет. Особенно после того случая, когда у Раи однажды случилась задержка. Испуганные, сами почти дети еще, вдруг представили, что тогда произойдет, какие будут последствия. А как же школа, а как же мечты о высшем образовании... Что скажет мама Раи, что скажет мама Олега, Любовь Петровна? Да это кошмар, конец всему, никакого будущего, одни пеленки и бессонные ночи, в ближайшие годы! К счастью, опасения не подтвердились, тревога оказалась ложной. Но с тех пор Рая и Олег предохранялись всеми возможными способами, доходя в своей осторожности порой до абсурда. Страх и страсть с самого начала переплелись в их жизни воедино. Они привыкли постоянно думать о предохранении, чтобы без проблем отдаваться страсти.

После школы они поступили в разные институты. Олега интересовала экономика, Рая мечтала о карьере переводчика. Пока учились, часто встречались и тоже осторожничали. Остаться без образования, усложнить себе жизнь им обоим не хотелось.

Завершив образование, Олег и Рая не сразу нашли себя, свое место. Оба долго искали подходящие варианты, где они смогли бы применить свои знания... Ну какие тут дети! Потом оказалось, что надо делать карьеру, чтобы более-менее прилично зарабатывать, ведь дети – это лишняя статья расходов, не так ли? Разумные люди сначала создают себе стартовую площадку и лишь потом всерьез думают о потомстве.

Тут оказалось, что Рае не совсем комфортно работать с людьми, переводить на разных встречах и совещаниях. Она легко и красиво могла передать смысл сказанного – от одной стороны – другой, ее переводы всегда являлись образцом логики и точности, но люди... С людьми Рая испытывала всегда проблемы. Она – не мизантроп, нет, к окружающим Рая не испытывала никакой недоброжелательности, но она определенно интроверт, как показала жизнь.

Наконец она нашла более-менее приемлемый для себя вариант: стала переводить книги. Труд не самый высокооплачиваемый, но зато не надо сидеть в офисе, терпеть начальство и коллег. Все вопросы решались по электронной почте, не тратились деньги и время на дорогу... А график можно выбрать себе любой: хоть днем переводить, хоть ночью, и выходные тоже можно себе назначить. Многих людей столь свободные условия не устраивали, не все могли держать себя в жестких рамках и постоянно нарушали дедлайн. Балансировали в двух направлениях: «Куда спешить, время еще есть» и «А-а, опять аврал, не есть, не спать, срочно все надо сделать!» Рая же, как показала жизнь, сама себя могла прекрасно организовать.

Подобный вариант занятости, позволяющий к тому же работать дома, был бы идеален для молодой мамочки. Сиди себе с ребеночком, а в свободные промежутки, когда тот спит, например, переводить, и из дома выходить не надо.

Рая тогда в первый раз всерьез заговорила на тему детей с мужем. Олег отнесся к ее желаниям очень серьезно. Он сам, как признался, тоже считал, что уже пора. Но... Но у него, оказывается, возникла возможность открыть свой магазин (продуктовый). То есть самому

стать хозяином своей судьбы. И бизнес нынче – дело рискованное. Да, продуктовые магазины в городе всегда востребованы, а аренда помещения, а наемные работники, налоги... Конкуренты! Попробуй, посоревнуйся с огромными торговыми сетями, захватившими все пространство вокруг. В любой момент можно прогореть и остаться еще с долгами.

Рая с мужем согласилась: да, надо еще немножко подождать. Неразумно рисковать в подобной ситуации, кто знает, может, самим завтра есть будет нечего, а тут ребенок...

С магазином дело пошло, потом Олег задумал открыть целую сеть магазинов, но один бы он это не осилил и взял себе в компаньоны своего лучшего друга Никиту.

Пока общее дело строилось-налаживалось, тоже время шло. Никита женился, родилась Серафима, а желание стать матерью становилось у Раи все сильнее и сильнее. Наверное, уже даже превращалось в манию.

Тогда почему Рая мучилась, но никак не пыталась воплотить свои желания в жизнь? Почему терпела? Наверное, потому же, почему многие вокруг терпят то, чего нельзя терпеть. Годами существуют в тяжелых условиях, не меняя их. Терпят неверного либо пьющего супруга, злого начальника, неудобную квартиру. Словно не замечают уже начинающуюся болезнь и потому не спешат к врачу. Рая не стремилась изменить что-либо, потому что терпение вошло у нее в привычку. Да и у Олега точно так же, судя по всему, ведь муж – ее идеальная, зеркальная половинка. Много любви, но и много страхов тоже...

А Рая последние годы буквально бредила детьми. Ах, какая хорошенькая девочка росла у Ангелины и Никиты! Чудо, куколка, умница. Радость в чистом виде. Причем, что интересно, Никита оказался прекрасным отцом: он возился с дочерью все свободное время, говорил с ней непрерывно, не ленился ей отвечать на первые, пусть и наивные еще вопросы. Никита часто брал дочь с собой на работу, и это не было ему в тягость. Он говорил, что дает отдохнуть жене. Домохозяйка – это тоже труд, причем нелегкий. А маленькая Серафима вела себя на людях спокойно. Ее обожали все: и работники магазинов, куда с инспекцией являлся Никита, и поставщики, и налоговые службы, и многочисленные проверяющие...

Олег тоже обожал дочку друга. Считал ее необыкновенным ребенком, открывающим сердца у всех окружающих. Однажды даже признался Рае, что боится, а вдруг *их* ребенок окажется не столь милым. Глупости, бред, конечно, опасаться, что собственное дитя проиграет чужому, но... А кому, как не супругам, признаваться друг другу даже в самых нелепых своих страхах?..

Но Рая неожиданно поняла мужа. У белокурой кудрявой Ангелины, словно сошедшей с рождественской открытки, – белокурая хорошенькая девочка. А кто родится в паре темноволосого Олега и темноволосой, длинноносой и очень специфической внешне Раи? А уж кому-кому, но Рае было известно, каково это: быть непохожей на всех, странной внешне. И это не про уродство или некрасоту, вовсе нет, это про слишком яркую, необычную внешность. Каковую очень даже тяжело носить ее обладательнице. Под такую внешность и характер нужен особый! Все детство и юность дразнили «вороной»... Вот Рая и превратилась в осторожную трусиху, напрягающуюся от внимания извне, – всю свою юность промучилась, лишь недавно научилась подавать себя. И наконец перестала обращать внимание на то, что скажут или как посмотрят окружающие.

... Торт доели, сидели сытые и расслабившиеся. Никита рассчитался за вечер, оставил щедрые чаевые официанту.

Что ж, братцы, пора.

– Пора, – слабым голосом согласилась Ангелина. – И зачем я столько съела... теперь мутит.

– Тебе плохо, детка? Может быть, еще посидим, закажем чего-нибудь? – встревожился Никита.

– Ай, перестань, скорее бы домой, – плаксиво отмахнулась та. – Сливочный крем, сливочный крем ваш... Проводи меня в туалет.

– Да, детка, конечно...

Ангелина с Никитой ушли, Рая осталась наедине с мужем. И она сказала, глядя прямо в глаза мужу:

– Вот теперь уже точно пора.

– Да, поздно уже...

– Я не об этом. Я хочу ребенка.

Олег помолчал, не отводя глаз, а потом тихо ответил, взяв жену за руку:

– И я хочу. Давай сделаем это. Давай станем родителями. И плевать на все, на налоговую, кризис, санкции, трудности с поставщиками, бестолковых продавцов и магазинных воришек... Мы же не ради них живем, а ради себя. Пора. Ты бесконечно права: нам пора.

Рая улыбнулась ему:

– Я люблю тебя. Ты даже не представляешь, как я люблю тебя.

– И я тебя люблю. Всю жизнь, одну тебя. С самого детства, как вышел во двор и увидел тебя играющей в песочнице. Такая серьезная девочка была, из-под панамки один нос торчал, помню.

– А ты – карапуз с хохолком. Встал напротив, насупился. И смотрел, и молчал...

– Я влюбился в тебя с первого взгляда. И на всю жизнь. Ты у меня первая и единственная, я могу поклясться.

– Верю. Не надо. – Рая засмеялась и провела ладонью по его щеке.

Тут появились Ангелина с Никитой. Рая с Олегом выбрались из-за стола; все оделись и один за другим вышли на крыльцо.

Погода к этому моменту совсем не улучшилась. Даже наоборот: дождь со снегом превратился в ледяной колючий ливень. И холод – как зимой. Часы с подсветкой, что на доме напротив, показывали половину первого ночи.

Рая в своем легком плащике, едва сделав пару шагов, начала задыхаться от холода.

Никита крикнул:

– Стойте здесь, под навесом, я сейчас подъеду.

Машина Никиты через пару минут уже стояла напротив. Олег помог сесть Рае и Ангелине, затем сам сел впереди, рядом с водителем.

Рая с трудом пристегнулась замерзшими, негнушимися пальцами. «О чем я думала, когда одевалась, словно сейчас май? Даже перчаток не взяла!»

Никита тронул машину с места. «Дворники» упрямо счищали ледяную корку с лобового стекла.

– Только тихонько, на цыпочках... – пробормотал Олег.

– Да, знаю, – вздохнул Никита.

Машина не ехала, а буквально кралась. С черепашьей скоростью добрались до перекрестка, остановились на светофоре. У Раи в

сумочке зазвонил телефон. Не глядя, достала его, прижала к уху:

– Алло.

– Раечка... Раечка, где же вы?

– Любовь Петровна звонит, – прикрыв микрофон, сказала Рая мужу.

– Что-то срочное? – обернулся обеспокоенно Олег.

– Любовь Петровна, у вас все в порядке? – спросила Рая.

– Да, но я Олегу не могу дозвониться...

– Дать ему трубку?

– Нет, нет, пусть он сам мне позвонит, завтра утром, – сказала свекровь. – Сейчас-то уже поздно... Я ему весь вечер звонила, а у него не отвечает.

– Наверное, звук отключил, – сказала Рая, глядя на Олега. – У Никиты сегодня день рождения. Сидели в ресторане, отмечали. Вчетвером. Вернее, впятером, Лев еще к нам подъезжал, ненадолго.

– День рождения? Да? Ой, забыла... Передай Никите от меня поздравления и пожелания любви и счастья. Ему очень, очень повезло, что он нашел себе такую чудесную жену, и доченька у них славная...

– Да, Любовь Петровна, обязательно передам, – терпеливо ответила Рая.

– У тебя-то как дела? – спохватилась свекровь.

– У меня все отлично, сдала книгу на прошлой неделе, сегодня утром сообщили, что это самый лучший перевод за последние двадцать лет...

– Ты умничка, Раечка, просто умничка! – истово воскликнула та. – Ну все, не буду отвлекать, пока.

– Пока! – Рая спрятала телефон, сказала Олегу: – Позвони завтра своей маме. – Потом обратилась к затылку впереди сидящего водителя: – Никита! Любовь Петровна тебя поздравляет и передает привет тебе, Ангелине и Серафиме.

Ангелина ничего не ответила, свернувшись калачиком рядом, а Никита, напряженно глядя на дорогу, произнес рассеянно:

– Да, спасибо.

Олег так и сидел, обернувшись назад, лицом к Рае. И у него было при этом какое-то странное, особенное лицо. Вдохновенное? Словно только что он открыл некую грандиозную истину и теперь пытается ее осмыслить.

«Значит, ты чувствуешь то же самое? – подумала Рая. – Как все просто, оказывается. Надо только решиться».

«Ты права, – чуть улыбнувшись, кивнул Олег. – Мы все делаем правильно».

«Я люблю тебя».

«Я люблю тебя», – ответил взглядом Олег и отвернулся, стал глядеть вперед.

Рая опять вспомнила тот день, когда впервые увидела Олега еще совсем мальчишкой. Какой тот был смешной и серьезный. Потом вспомнила, как они переглядывались – уже в школе, на переменах. Как танцевали на школьной дискотеке в шестом классе и целовались в седьмом. Как в девятом, оставшись дома одни, стали близки впервые. И дальше только бесконечная любовь, ненасытная и страстная. В последнее время любви стало чуть меньше, конечно, но ее поток и не думал иссякать.

«Любовь Петровна, наверное, обрадуется, – подумала Рая. – Она деликатный человек, никогда не теребила меня – когда внуки, когда внуки, но уверена – она обрадуется. Она мне как мама. Она – наша мама!»

Никита ехал медленно, очень осторожно. Судя по всему, дорога была скользкой. Рая вспомнила свою маму, ушедшую из жизни десять лет назад, внезапно и нелепо.

Мама являлась заядлой дачницей, все выходные и отпуск проводила за городом. Сажала овощи, фрукты, ягоды, потом делала из своего урожая заготовки, щедро раздавала их потом всем. Еще любила ходить в лес по грибы.

Однажды ушла и не вернулась. Телефон разрядился, как назло. Нашли ее спустя три дня, уже мертвую. Упала в какую-то яму, сломала ногу, выбраться не смогла.

Кошмарный сон какой-то. Молодая еще, полная сил женщина – и такая нелепая случайность. Рая долго не могла в себя прийти после смерти матери, плакала все время. И еще у нее в голове не укладывалось: как можно было умереть за три дня? Неужели человеческий организм настолько хрупок?

Если бы не та случайность, мама была бы до сих пор жива и сейчас, наверное, порадовалась бы решению Раи и Олега. Вот мама точно хотела внуков, надеялась в них увидеть свое продолжение.

Любовь Петровна – ровесница маме, но они такие разные. Открытая несдержанная мама и тихая, всегда вежливая свекровь. Рая знала, что Любовь Петровна не сразу приняла ее, всегда смотрела с сомнением, именно что терпела. Но потом, со временем, расслабилась, выдохнула, стала считать Раю *своей*.

Рая закрыла глаза. Шампанское еще бродило в крови, будоражило, но одновременно Раю и в сон клонило. Потом машина свернула, ускорила. А потом случилось нечто странное, в первые доли секунды Рая даже решила, что это ей сон снится – машина как будто подпрыгнула и полетела. Потом ударила – тряхнуло настолько сильно, что чуть шея у Раи не сломалась, и вновь – стремительный и короткий полет, ощущение невесомости.

Затем грохот. Рая так и не успела открыть глаза. Лежала на сиденье и чувствовала привкус крови во рту.

Какой-то оглушительный свист в ушах, словно где-то рядом стремительно раскручивался металлический трос. Потом скрежет. А затем через свист и скрежет начали прорываться крики и голоса.

– Олег, – не слыша собственного голоса, крикнула Рая. Большинство людей в сложной ситуации произносят иное. Зовут маму, невольно. В крови это уже – шептать «мама», даже если мамы давно нет и у самого, или самой, седина на висках. Вечное слово, вечный призыв. Но Рая, при всей своей неиссякающей любви к маме, столь безвременно ушедшей, привыкла в любой ситуации звать Олега. Ведь он всегда был рядом с ней, он являлся частью ее.

Все тело у Раи болело. Свист и скрежет в ушах, правда, начали затихать, но не сразу, постепенно. Она открыла глаза и не поняла. Где, что, как... Какие-то движущиеся в разные стороны пятна. Она застонала. Потом все затихло, и наступила ночь.

...Яркий свет.

Чей-то голос. Громкий. Что говорит? Рая поморщилась от света, слепящего глаза, попыталась сосредоточиться. У нее было странное ощущение – словно она распалась на миллион молекул и теперь заново пытается собрать себя воедино. Больно и неприятно. И смысл, главное? Хотя, нет – надо, надо, надо...

– Вы меня слышите?

Наконец Рая, сделав над собой нечеловеческое усилие, сосредоточилась и заставила себя вникнуть в окружающие ее звуки.

Эти звуки оказались человеческим голосом. И голос ее спрашивал. Значит, надо было ответить. Но как?

– Я. Вас. Слышу, – с трудом ответила Рая.

– Как вас зовут?

– Рая-а-а... Раи-иса-а.

– Чудесное имя. Сколько пальцев я показываю?

– Два.

– Отлично. Здесь болит? А здесь? Я сейчас поверну – больно?

Рая прислушалась и к ощущениям в теле. В сущности, у нее болело все, словно только что ее перемолола огромная мясорубка. Но, с другой стороны, боль эта не была острой и мучительной, она не была той болью, от которой хотелось визжать и кричать. Нет.

– Не очень, – честно ответила она. – Терпимо.

– Помните, что произошло?

– Я не поняла. Но кажется, это была авария, – Рая вдруг осознала, что окончательно пришла в себя. Увидела серьезное молодое лицо доктора перед собой, белый кафель на стенах. Опустила голову вниз: одежда рваная, грязная, сквозь прорехи видно ссадины. Сапожки – новые, купленные недавно, замшевые, чудесного светло-серого цвета – все заляпаны грязью. И... кровью?

– Чувствуете свое тело? Попробуйте пошевелить руками и ногами.

Рая пошевелилась. Посмотрела на свои руки: тоже грязные, в крови и ссадинах. Пара ногтей сломаны, но это такая ерунда... Она жива, слышит, видит и владеет своим телом!

– Попробуйте сесть. Так, не торопитесь, осторожно. Голова кружится?

– Нет. Да. Ну так, немного. – Рая села, почувствовала под ногами пол.

– Не вставайте пока. Сейчас медсестра привезет кресло-каталку. Отправим вас в палату, понаблюдаем. А так все неплохо. Ушибы, ссадины... Возможно, небольшое сотрясение мозга, но и только. Вам повезло. Тут, наверное, больно? – Он провел Рае пальцем наискосок по телу.

– Да-а... А что это?

– Ремень безопасности впечатался. Спас вас.

– А где Олег? Мой муж?

– Этого не могу вам сказать. Всех пострадавших развезли по разным больницам. Всем помогают, не беспокойтесь. Сейчас постарайтесь отдохнуть.

Наверное, в другой ситуации Рая не смогла бы успокоиться. Стала бы требовать и просить, но... сил пока не было. Некое ощущение безнадежности и смирения. Кто она, чтобы действовать, всего лишь маленькая щепочка, плывущая по течению реки.

Раю на кресле отвезли в палату, помогли лечь. Она сразу же заснула.

Открыла глаза утром. От чужих прикосновений. Вокруг стояли люди в белых халатах.

– Как, Раечка? – добродушно спросил ее вчерашний доктор. – Как себя чувствуете?

– Ничего так, – пробормотала Рая и вдруг почувствовала, что вновь оказалась в этой реальности. – А мой муж?

– Раечка, мы не в курсе. Хотите позвонить ему? Родным?

– Я не помню номер... Я ничьих номеров не помню, кроме своего, – призналась она. – А телефон мой где? В сумочке, сумочка там, в машине... Господи, что же делать?

– Ничего, не волнуйтесь, скоро разберемся. Давайте еще раз вас осмотрим.

Раю вертели в разные стороны, щупали, мяли, заставляли отвечать на вопросы.

– Да вы везучая... Помните, вчера рентген делали? Ни одного перелома. Даже кости нигде не треснули. Небольшое сотрясение мозга, но это пустяки.

– Тогда выпишите меня. Немедленно. Смысл тут лежать, – с недоумением и тревогой произнесла Рая. Чем дальше, тем сильнее она начинала беспокоиться о муже.

– Но не все последствия выявляются сразу. Надо понаблюдать.

– Выпишите! – взмолилась Рая. – Под мою ответственность. Вы же сами видите, со мной все в порядке, я нормальный человек, если что почувствую, сразу обращусь в больницу...

– Послушайте, Раечка...

– Нет! Выпишите меня! – твердо, непреклонно произнесла она. – Я должна найти своего мужа.

...Ее выписали. Ни телефона, ни денег. К счастью, лежали ключи от дома в кармане плаща. Рая пошла домой пешком: оказалось, минут сорок идти до дома.

Морщась, она двигалась быстрым, решительным шагом. Сбоку светило солнце, пригревало щеку. Прохожие поглядывали на Раю с удивлением и страхом. Ну да, жутковатое зрелище, наверное...

Дома она залезла под душ, отмылась от грязи. Ссадины слегка щипало, синяки на всем теле, один здоровый, на бедре. И наискось по туловищу – багровая полоса – след от ремня безопасности. Но Раю эти мелочи совершенно не волновали. Жива и ладно.

Главное теперь – найти мужа. «Господи, Господи, сделай так, чтобы Олег был жив!» – непрерывно гоняла она в голове одну и ту же мысль. Когда вылезла из ванны и вытиралась полотенцем, то увидела бритву Олега на полочке, пенку для бритья, еще какие-то его флакончики... Самые обычные, привычные предметы быта, на которые она раньше даже внимания не обращала. А теперь, глядя на вещи Олега, внезапно заплакала – обреченно и неудержимо.

* * *

За несколько секунд до случившегося у Олега возникло странное состояние. Он словно стал ощущать время. Время – текучее, но твердое, прозрачное нечто. Река из стекла, которую нельзя повернуть вспять. Время движется в пространстве по каким-то своим законам, но, оказывается, его иногда, вот как сейчас, можно заметить, ощутить. По каким-то мельчайшим приметам угадать: да вот же оно! Вон, вон, впереди!

А впереди, по блестящей, словно лаковой, ледяной дороге, мерцающей в свете фонарей глубоким черным цветом, двигался автомобиль. Его стал обгонять другой автомобиль, и... они – раз! – столкнулись. Олег все это видел своими глазами, словно в замедленной съемке. Хотел крикнуть Никите, чтобы тот притормозил, но, верно, у Никиты время-то как раз шло по прежним правилам. Никита этих всех знаков, мельчайших примет – не замечал.

Впрочем, в последний момент Никита все-таки понял, что что-то не так, и крутанул руль. Автомобиль занесло на скользкой дороге,

развернуло, он впечатался в отбойник и перевернулся в воздухе. Затем еще раз. Автомобиль перевернулся дважды, прежде чем вновь шлепнулся на асфальт.

Олег все это прекрасно заметил и полет в воздухе с переворотами он тоже ощутил в полной мере.

Затем вот этот удар.

Тишина. Олег осторожно выдохнул и повернул голову. И увидел, что Никита лежит на руле, под ним – разорванная, сдувшаяся подушка безопасности. Лицом Никита – к Олегу. И лицо у Никиты – бледное, спокойное. словно друг мирно заснул. Единственное, что мешало восприятию этой картинки – это то, что голова, вернее, шея у него была как-то странно повернута. Уж *слишком* как-то. И это спокойное, отрешенное лицо... То, что его лучший друг мертв, Олег понял сразу.

Не без труда дрожавшими руками Олег отстегнул ремень безопасности. Выдохнул. Потом попытался открыть дверь. Сбоку уже бежали люди. Тоже принялись открывать, буквально отрывать дверь – и у них это получилось. Олег буквально выпал им на руки. Люди помогли ему выбраться из машины. Отвели в сторону. Некоторое время Олег стоял, прислонившись к погнутому отбойнику, пытался осознать произошедшее. Да как же так, что же произошло...

Потом ринулся к машине. Как там Никита? Вдруг показалось и друг еще жив. А Ангелина?! Она же ждет ребенка, бедняжка! И Рая. Что там с Раей?

– Не надо, не надо, не трогайте... Давайтеждемся «Скорой»! Нельзя передвигать людей самим... Вдруг только хуже сделаем.

Рая сидела там, дальше. А Ангелина была ближе. Олег подошел к машине, под его ногами хрустело стекло. Наклонился к пустому окну:

– Ты как, детка?

Ангелина зашевелилась там, в покореженном салоне, подняла к Олегу бледное лицо.

– Олежек... – прошептала она. – Что это было сейчас?

Даже в этот нелегкий момент она выглядела словно ангел, сошедший с небес. Прелестное, неземное создание. Эти белые кудри, эти ресницы. Обычные женщины не бывают такими красивыми.

– Ты жива, – с нежностью произнес Олег.

– Мне страшно, – тающим, нежным голосом прошептала Ангелина. – Как там мой муж, Олежек? Что с ним?

– Ничего, с ним все в порядке, – солгал Олег. – Но лучше помолчи, не говори, вдруг тебе нельзя говорить.

Он чуть наклонился, пытаясь разглядеть жену, сидевшую с другой стороны. Тем боком машина упиралась в развороченный отбойник, просто так не продерешься сразу.

Рая сидела согнувшись. Был виден ее профиль – четкий, с выдающимся «фирменным» носом. Пряди длинных темных волос свисали вниз. Рая застонала, откинулась назад. Значит, жива. Уф.

Звук сирены, мигающие огни. Подъехала одна «Скорая», потом другая. И еще несколько. Ах, ну да, там же, впереди, дальше – еще две разбитые машины.

Ангелину осторожно вытащили, положили на каталку.

– Она в положении, – поспешно сообщил Олег медикам. – Она ждет ребенка!

– Вы муж?

– Ну-у...

Тем временем вытащили и Раю. Она была жива, только без сознания.

– Видимых повреждений нет... так, а с этим пассажиром что?

Олег уже знал, что Никиту вытащили, положили на асфальт, прикрыли. Олег понял, что за Никитой (ох, нет, теперь надо говорить: за *телом* Никиты) должна приехать какая-то другая машина.

– Так, муж, едем?

– А, что?.. – Олег вдруг понял, что ему сейчас предлагают поехать вместе с Ангелиной. И правда, с кем ему сейчас, в какую машину садиться? Рая жива, но что с ней – пока неизвестно. А Ангелина... Бедная, бедная. В положении, муж погиб. Слишком хрупкая. Слишком нежная, чтобы вот просто так пережить все это. А вдруг она потеряет ребенка? Нет, Рая – жена, с ней надо бы Олегу ехать. Но Рая сильная и не такая чувствительная. Если с ней все в порядке, то Олег сейчас ей не нужен. Если с ней все плохо, то Олег ей особо и не поможет сейчас – тут уж врачи распоряжаются.

Ехать надо с Ангелиной.

Каталку с Ангелиной затолкали в «Скорую», Олег залез следом, пристроился рядом, на кресле.

Хлопнула дверь, машина тронулась с места.

Ангелина лежала на носилках и со слабой, растерянной улыбкой смотрела на Олега.

– Дай мне руку, – попросила она.

Олег немедленно протянул ей руку. Он ощутил в своей ладони хрупкие, тонкие пальчики Ангелины. И едва не разрыдался от жалости к ней. О Никите он старался не думать, там все ясно, скорбь по другу можно пока отодвинуть. Надо в эти минуты думать о живых. Потому что теперь кто позаботится об этой юной женщине и о ее дочери. И о матери Никиты тоже. Груз ответственности буквально придавил Олега, но он не позволил себе согнуться. Он мужик. Кто, если не он?

Ехали довольно долго. Трясло, Ангелина едва слышно постанывала временами, и от этих стонов у Олега сжималось сердце. Потом приехали, сразу в приемный покой. Ангелину куда-то повезли, он остался ждать.

Ждал долго.

Наконец вышел врач, сел рядом с Олегом.

– Ну как? – с трудом произнес Олег.

Видно, у него в лице было что-то такое, отчего врач засмеялся и похлопал его по плечу:

– Жива. Здорова. Все в порядке. И с ребеночком, надеюсь, все будет хорошо. Состояние стабильное, угрозы выкидыша нет. Небольшой порез на ноге, зашили. Все хорошо, папочка.

И тут Олег не выдержал. Он уже не помнил, когда плакал в последний раз. А хотя помнил: три года назад, когда Ангелина рожала Серафиму. И вот сейчас Олег опять взял да и разрыдался.

– Ничего-ничего... Вон халат накиньте и идите к своей милой женушке, я разрешаю.

– Спасибо, доктор. Спасибо. Вы... вы не представляете... это просто чудо...

– При жене только не ревите, ни к чему ей волноваться, – добродушно произнес доктор.

– Да-да, конечно.

Олег усилием воли заставил себя успокоиться. Накинул на плечи халат и отправился к Ангелине в палату.

...Она лежала там одна, две другие кровати – свободные. Лежала и смотрела блестящими, серьезными глазами.

Олег придвинул стул, сел рядом. Взял опять ее за руку. Молчал и смотрел на Ангелину – долго-долго. Словно не мог насмотреться.

– С тобой и с ребеночком все будет хорошо.

Ангелина страдальчески поморщилась.

– Болит что-нибудь? – встревожился Олег.

– Нет. Но это ужасно. Я так и не поняла, что произошло.

– Авария. Дорога была очень скользкой.

– Ты-то в порядке? – вдруг спросила она и слегка пожала его руку.

– Да что со мной будет...

– У тебя ссадина на щеке, – ласково произнесла Ангелина. – Спасибо тебе, милый.

Каким голосом она это произнесла... Олег не выдержал и принялся покрывать поцелуями ее руку.

– Тише, тише... – прошептала она. – Как Никита? Что с ним? Ты в курсе?

– Все в порядке. Отвезли в другую больницу, – совершенно естественным голосом произнес Олег. – Вроде чего-то сломал, ногу или руку, но не серьезно. Ты знаешь... Я тут им наврал, что я твой муж. Ну, а что делать, иначе бы меня к тебе не пустили!

– Ну и правильно, – слабо улыбнулась Ангелина. – Интересно, как там Лев до аэропорта доехал. По такой-то скользкой дороге... Позвони ему, узнай.

– Сейчас... – Олег спохватился, достал телефон из кармана. С телефоном ничего не случилось, он работал. Только экран треснул. – Звонить не надо. Вот... пишут, что сейчас он в сети. Значит, жив-здоров. Думаю, только что приземлился в Питере.

– Везунчик... Я посплю?

Олег просидел рядом с ней до утра, потом его выгнала медсестра – скоро обход.

– Молодой человек, после одиннадцати приходите, заодно и доктор у себя будет, у него с одиннадцати до двенадцати приемные часы!

– Иди, иди уже, – сонным голосом произнесла Ангелина. Она выглядела измученной, но на щеках алел румянец.

– Скоро вернусь, ангел мой, – Олег наклонился, поцеловал ее в лоб.

Он спустился по лестнице вниз, в большой холл с отгороженным окошком регистратуры.

Посетителей никого. Олег сел на диван, достал из кармана телефон. И задумался. Что делать, кому звонить? И надо искать Раю, наверное...

«Мама. Ох, а что, если с Раей плохо, и стали звонить маме? У нее же сердце пошаливает... а если я ей сейчас позвоню, то разбужу ее, она запаникует...»

Олег промаялся до восьми часов утра: обычно мама вставала именно в это время; наконец набрал номер матери.

– Олежек? – отозвалась мать. – Ты чего так рано? Ну, молодец. Знаешь, у меня обогреватель, ну вот тот, что ты мне на Новый год подарил, кажется, начал барахлить. Я его включаю, а он еле-еле греется! Я тебе еще вчера хотела сказать, но забыла, что вы с Никитой празднуете.

– Мам, мам, со мной все хорошо.

– Да? Что-то случилось? – забеспокоилась мать.

– Попали в аварию. Со мной все в порядке, – с нажимом произнес Олег.

– В аварию?! – сдавленным голосом закричала мать. – Олежек, ты жив?!!

Олег истерично засмеялся.

– Ты ранен? Скажи, только честно!

– Мам, меня даже в больницу не стали класть. Я не только жив, но и не пострадал вообще никак.

– Ты меня сам хочешь убить... сыночка...

– Мам, послушай, я тебе специально звоню, чтобы ты не беспокоилась. Со мной абсолютно все в порядке.

Пауза. Тяжелое, надсадное дыхание матери. Олег уже стал переживать, что позвонил ей, но, с другой стороны, что было бы, если бы матери рассказал об аварии кто-то посторонний?..

– Машину разбил? – наконец грозным, но более-менее спокойным голосом спросила мать. – И даже не думай переживать! Машина – это железо, плевать на нее...

– Мам, машина не моя, а Никиты. Он за рулем был.

Опять пауза, но на этот раз без хрипов и сипенья: просто тишина.

– Бедный Никита, – скорбно, с чувством произнесла мать. – Ну, а он-то как?

– Вот с ним как раз все плохо. Хуже уже нет.

– Жив?

– Нет, мам.

– Погоди, погоди, а кто еще в машине с вами находился? Раечка?

– Рая и Ангелина. Они... они живы, и, в общем, за них можно не беспокоиться. Я сейчас у Ангелины, в больнице. В гинекологии. Она ведь еще ребеночка ждет... Ты представляешь ее состояние: она ждет ребенка, а муж только что погиб. Ну конечно, я не мог ее оставить.

– Согласна! Ты все сделал правильно! – торопливо согласилась мать. – Это все кошмар какой-то. Бедная девочка... Ей нужна помощь!

– Короче, мам, ты мне звони, если что, я на связи. И на всякий случай запиши адрес той больницы, где я с Ангелиной сейчас.

Олег продиктовал матери адрес, попрощался и нажал на «отбой». Вышел на улицу, покрутился возле входа, затем сел на скамейку. Откинулся назад, закрыл глаза.

* * *

Рая быстро оделась, волосы даже расчесывать не стала: слишком долго и хлопотно приводить в порядок эту сложную вечернюю конструкцию на голове, вызвала по городскому телефону такси. Спустилась вниз; такси подъехало к подъезду через пару минут.

Еще через десять минут Рая уже стояла перед дверью в квартиру свекрови, Любви Петровны.

«А вдруг ей уже позвонили... из больницы... И она что-то знает об Олеге? А вдруг ей сказали...» – Рая задрожала и с силой нажала на кнопку звонка.

Дверь открылась. Любовь Петровна стояла в проеме: невысокая, кругленькая, в очках, с этой старомодной прической – гладкое каре до плеч, волосы светло-русого цвета, платье в горошек – как есть почтенная фрау из журнала «Бурда», который в свое время обожала мама Раи.

Любовь Петровна сейчас показалась Рае такой милой, такой знакомой, такой... родной, что Рая едва сдержалась, чтобы не

разрыдаться.

Просто шагнула вперед и обняла свекровь. Они и есть родные, две женщины, которых связывает один самый любимый мужчина – Олег...

Как всегда, от Любви Петровны пахло стиральным порошком.

– Раечка... ой-ой, задушишь! погоди, – Любовь Петровна отстранила Рая, вгляделась в ее лицо. Потом осмотрела всю. Провела ладонью по взъерошенным, торчащим в разные стороны волосам. – Ну ничего. Все как обычно. Все в порядке с тобой, девочка моя. Проходи.

– Любовь Петровна... – ступая за свекровью в прихожую, с отчаянием начала Рая. – Вы еще не в курсе? Только не волнуйтесь, я вас умоляю... Я с вами, я всегда буду с вами, вы мне как мама...

– Ты про аварию? Да, я в курсе, – печально ответила свекровь. – Бедный Никита. Такая трагедия.

– Погодите... Так вы все знаете? – ахнула Рая, прижала ладони к груди. – А что с Олегом, с Олегом-то что?

– Ничего. С Олежеком все в порядке. Разве ты не знаешь? – удивилась Любовь Петровна. – Что ты хочешь, Раечка, чай, кофе?

– Погодите. С Олегом все в порядке? – еще не веря, переспросила Рая.

– Да. Он мне звонил этим утром. Говорит, ни царапинки. А вот Никите не повезло, – свекровь сняла очки, принялась осторожно промокать глаза платком.

Рая в эти минуты могла думать только об Олеге. Остальной мир ее совершенно не интересовал. Она плюхнулась на стул, вцепилась в свои свалявшиеся волосы, засмеялась. «Жив. Он жив!» Любовь Петровна еще о чем-то ее спрашивала, но Рая ничего не слышала и ничего не понимала, отдавшись одной безудержной радости – он жив. Ее муж – жив.

Лишь через несколько минут Рая наконец смогла справиться со своими эмоциями. И настало время грусти.

– Погодите, – пробормотала она и подняла голову. – Никита – что с ним?

– Нет больше нашего Никитушки...

– Да-а?!

– Да. Бедный, бедный. Я ж его с института знаю, с первого курса. С семнадцати лет они с Олежеком дружили неразлейвода, – скорбно покачала головой Любовь Петровна. – С мамой его, Ниночкой, мы в

прекрасных отношениях, часто перезваниваемся. Ну как подруги мы с ней, да... Не могу представить, что с ней сейчас. Раечка, ты зайди к ней, к Нине Филипповне, я не могу, у меня сердце, я, боюсь, не выдержу.

– Зайду, – кивнула Рая. – У меня телефона сейчас нет. Разбился или где-то там... Не важно. Зайду, куплю новый, номер восстановлю. Это сейчас не проблема. Вот поэтому я не могла связаться с Олегом. А он где сейчас? Как мне его найти?

– Олежек сейчас в больнице, с Анжелиночкой. Не знаю, что там с ней, но вроде она не при смерти, и то хорошо. Такое горе у бедной девочки... я уже в курсе – она в положении. А тут... – Любовь Петровна опять принялась промокать глаза платком. – Вот... это адрес. Олежек продиктовал.

– Я поеду, – мрачно произнесла Рая, взяв листок с адресом. – Всего доброго, Любовь Петровна.

– И тебе. Ты уж держись сама...

– Конечно.

В этот раз Рая решила воспользоваться общественным транспортом – она знала, что автобус идет от остановки, что у дома свекрови, – прямо к той самой больнице. Не так давно ездила по этому же маршруту, проведать одну из продавщиц по просьбе Олега...

Рая села в автобус, нашла свободное местечко в конце салона, забила туда, прямо за дверь, за перегородку.

Только сейчас на Раю напало то самое неприятное ощущение, называемое в народе отходняком, когда после всех потрясений наступает наконец минутка тишины и возникает осознание произошедшего.

Автобус ехал медленно, то и дело останавливаясь перед светофорами и на остановках. Рая покачивалась на сиденье и боялась заснуть. Глаза щипало после бессонной ночи. Олег жив, и это главное, теперь можно расслабиться, но как тут расслабишься, бедный Никита...

Рая вспоминала вчерашний вечер, как Никита радовался всем и вся, а уж новость, которую преподнесла ему жена в качестве подарка, и вовсе взбудоражила мужчину. Он, такой осторожный, позволил себе даже выпить бокал шампанского. «Но это не он виноват в аварии, это точно. Нелепая случайность, плохие погодные условия. Я помню,

Никита вел машину очень осторожно, да и бокал шампанского, наверное, к тому моменту уже давно выветрился. Как же жаль – такой молодой, на пике счастья... Второй ребенок... А я, дура, завидовала. Кому завидовала – вдове, да еще в положении...»

Автобус подъехал к больнице; Рая чуть не пропустила остановку, выскочила в последний момент.

За высокой железной оградой находилась территория больницы. Дорожки, выложенные плиткой, были уже сухие, а рядом, на газонах, еще лежал снег. Вернее, лед – черно-серой бугристой коркой, из которой торчали веточки кустов. Было холодно, но светило яркое солнце. «Забыла очки от солнца... ну да ладно, тоже мне страдания...»

Перед зданием больницы, занимавшей старый, наверное, еще до революции построенный особняк, со ступенями, колоннами и каменными львами на возвышениях, располагалась небольшая площадка с клумбой и скамейками.

На одной из скамеек... сидел Олег. Откинувшись назад, руки в карманах куртки, глаза закрыты. Рая бросилась бежать к нему, чувствуя, что опять готова разреветься.

– Олег...

– А?! Ты... Рая... – Он заморгал, поднялся, обнял ее.

– Милый. Мой милый. Самый лучший.

– Ну все, все, не плачь.

– Я ничего не знала о тебе, что с тобой...

– Какое горе.

– Знаю. Я была у твоей мамы.

Некоторое время они стояли, обнявшись.

– Как Ангелина?

– Сложно сказать. Вроде ничего, и с ребенком все хорошо, но сама понимаешь...

– К ней уже можно? – спросила Рая.

– Я сейчас пойду к лечащему врачу, поговорю еще с ним, потом, надеюсь, меня пустят к Ангелине.

– Я с тобой.

– Зачем? – страдальчески поморщился Олег.

– Как... зачем? Поддержать ее, – растерялась Рая.

– Она еще не знает, что Никиты больше нет. Я не смог ей сказать.

Что с ней тогда будет...

– Конечно, конечно... – забормотала Рая. – Надо подождать, пока она окрепнет.

– А у тебя все на лице написано. Ты войдешь к ней, и она все поймет.

– Ты прав.

– Так что я пока сам со всем этим буду разбираться.

– Хорошо, – покорно произнесла Рая.

– А ты иди домой, отоспись. – Олег поцеловал Раю в лоб, уколол заодно выросшей за ночь щетиной. – Иди.

– А когда тебя ждать?

– Я не знаю.

– Жалко Ангелину, – прошептала Рая.

– Просто нет слов. Она вообще... нелегко ей в жизни пришлось. Мне Никита рассказывал, что в школе ее физрук домогался. А она даже пожаловаться никому не могла.

– Я не знала, – растерялась Рая. – Вот гады бывают... И кто таких в школу пускает работать?!

– Я должен теперь поддержать ее. Сам... сам все организовать. Похороны и все такое. Там же еще ребенок, Серафима... И денег у Ангелины на самом деле не так много. Это мы шикарем, а они... – Олег не договорил, замолчал.

– Ну да, у тебя – семьдесят пять процентов, а у Никиты – всего лишь двадцать пять...

Олег усмехнулся. Потом произнес, глядя куда-то в сторону, шурясь на ярком мартовском солнце:

– А ты знаешь, Рая, а это ведь я во всем виноват.

– Почему ты?

– Я не отговорил его. Никита не должен был садиться за руль, особенно выпив.

– Один бокал шампанского!

– Вот именно. Кто знает. Реакция могла быть другая. Дело одной секунды. И все.

– Ты пытался отговорить Никиту. И я отговаривала, – напомнила Рая.

– Значит, плохо мы его отговаривали. И даже если предположить, что дело вовсе не в том злосчастном бокале, мы могли бы спасти его. Просто тем, что не поехали бы той дорогой, в то же время. Это были

все знаки, знаки нам, а мы не понимали, не видели... Сама судьба пыталась нас остановить! Ну все, иди, иди уже. Тяжело.

Рая еще раз обняла мужа и побрела прочь.

На выходе, у железной ограды, где росла сирень (пока еще даже почки не набухли), в голых ветвях резвилась стайка воробьев. Птицы задорно чирикали, прыгали с ветки на ветку, то взлетали, то вновь садились на куст.

Эта воробьиная возня, такая веселая и беззаботная, напоминала о том, что в городе уже весна. Еще чуть-чуть, и окончательно сойдет снег, пробьются в земле ростки, и запахнет дождем, нагретым асфальтом и еще чем-то таким, свежим, терпким, напоминающим о счастье...

Только вот Никита уже не увидит, не услышит этого, не ощутит тепла... И никогда не поднимет на руки своего ребенка. Того, что носила сейчас под сердцем Ангелина.

Рае от этих мыслей стало настолько плохо, что она опять чуть не заплакала, когда садилась в автобус – на этот раз едущий напрямиком к ее дому.

Сошла на остановку раньше, у торгового центра, там купила себе новый телефон, приобрела новую сим-карту с тем же ее, прежним номером. Была бы Раина воля, она бы и номер сейчас сменила, легко, чтобы уж ничего ее не связывало с тем страшным событием, которое произошло ночью.

Уснуть так и не смогла. Лежала на кровати и все думала, думала... О том, что такое смерть. Как она нелепа, безжалостна и неотвратима. И забирает самых любимых.

Теперь Рая не чувствовала к Ангелине никакого раздражения. Одна нежность и еще жалось. И правда, бедная девочка... Что с ней будет, когда узнает правду о муже. Вдова. Такая юная и уже вдова!

Как хорошо, что все хлопоты об этой осиротевшей семье взял на себя Олег. Он настоящий друг. Сколько бы он там ни потратил на помощь Ангелине – не жалко. «Даже спрашивать не стану, поддержку его во всем!» – решила Рая.

Все-таки ей удалось уснуть, и проспала она до следующего утра. Проснулась, схватила новый телефон: Олег не звонил? Нет.

Сама звонить мужу Рая не стала, не захотела его беспокоить.

Сварила себе кофе, а потом сидела над чашкой в задумчивости. Из головы опять не шла Ангелина и то, что рассказал о ней вчера муж. Что к Ангелине, когда она училась в школе, приставал учитель физкультуры. А она молчала и никому не могла пожаловаться.

С детьми так случается: они терпят то, что нельзя терпеть, и молчат. Возможно, именно эти преследования со стороны учителя и сделали Ангелину такой... немного странной.

Рая встала, взяла пластиковую бутылку с отстоявшейся водой и вышла на лестничную площадку перед лифтом. Полила стоявший там цветок. Пусть все живое живет.

...Олег появился дома только следующим утром. Бледный, с уже заметно отросшей щетиной, с новыми морщинками на лице, залегшими возле губ.

– Как ты? – бросилась его обнимать Рая.

– Погоди. Устал. – Он отстранил ее. – Все время на ногах. От следователя только что. Рассказывал, что тогда произошло на дороге.

– Это тебе чем-то грозит? – испугалась Рая.

– Да ну. Перестань. Эти вечные твои страхи. Мне ничего не грозит, и никому тоже, ты словно не замечаешь самого главного... Человека больше нет! А все остальное – так, ерунда.

– Ты прав, – съежилась Рая. – Но я тревожусь за тебя. Где ты, как. Что с Ангелиной? Что ее врач говорит?

– Ой... ну что говорит. Я половину не понял. Короче, с ней все в порядке. Ребенок не пострадал, и нет никаких признаков того, что она его потеряет. Я так понял, если она его не потеряла сразу, то и потом ничего страшного не будет. Как-то так. А вообще – она же кесарево тогда делала, помнишь, когда с Серафимой? И вот типа если бы был сильный удар, то швы на матке могли бы разойтись, кровотечение и чуть ли не смерть... Уф, не могу про все это. Короче – все нормально и есть шанс, что ребенка она не потеряет.

– Ты так и не сказал ей? Про Никиту?

– Сказал, – мрачно буркнул муж и упал прямо в одежде на диван. – Пришлось. С доктором, конечно, посоветовался. Тот сказал, должна выдержать. Таблеток, конечно, ей навывписывали, уколы делали...

– И... как она?

– Рая. Ну как она может быть, – страдальчески застонал муж. – Хреново, конечно. Я от нее не отходил. Завтра буду заниматься организацией похорон, а сейчас хочу отдохнуть.

– Хорошо, – кротко произнесла Рая и ушла в другую комнату.

Она ничуть не обижалась на мужа за то, что тот разговаривал с ней раздраженно. После такого вряд ли кто сможет держать себя в руках. Но... червь сомнения все равно грыз Раю.

Получается, Олегу она не просто была не нужна, а даже мешала. Ей, по-хорошему, надо отойти сейчас и не будоражить мужа лишними вопросами. Ему и так нелегко.

Но, с другой стороны... Почему он поехал в больницу с Ангелиной, а не с ней, своей женой? Почему он даже не поинтересовался о ее, Раином, здоровье – тогда, вчера, когда она прибежала к нему в больницу? Она ведь, Рая, тоже сидела в той самой машине, кувыркавшейся в воздухе, словно мячик. Он не звонил ей, не искал ее.

Она сама пришла к нему, она сама разыскала его... И теперь муж морщится от ее вопросов. Как странно все. Хотя глупо и в высшей степени эгоистично в такое время обижаться, выставлять счета и выкатывать претензии. Не ревнует же она мужа – к Ангелине? Нет, конечно, ерунда какая.

Олег проспал часа два, затем перекусил наскоро и опять ушел. Рая ему только одно сказала: что, если нужна помощь, она готова, только скажи... Но муж лишь головой покачал в ответ. Потом ушел и вернулся опять лишь к вечеру. Уже не такой измученный, а скорее собранный и целеустремленный. Видимо, ему удалось сделать все то, что он задумал. Уж Рае ли не знать Олега...

– Как Ангелина? – спросила она осторожно.

– Выписалась.

– Но как?!

– Вот так. Угрозы для жизни и здоровья матери и ребенка – нет. Она сама захотела. Мы с доктором пытались ее отговорить, но... К тому же завтра с утра прощание, затем поедem на кладбище. Я все устроил, заказал, договорился.

– Ты молодец. Ты настоящий друг и... ты герой.

– Ай, перестань, – отмахнулся муж. – Так вот, Ангелина собирается во всем этом участвовать. Говорит, что не может просто так

остаться лежать, тем более она именно потому и потребовала себя выписать.

– Мне надо ехать на прощание?

– Конечно! – изумился Олег. – Или Никита для тебя ничего не значит?

– Дело не в этом. Я боюсь сделать что-то не то, лишнее, я боюсь огорчить тебя.

– Раечка, ну как мне надоели твои вечные страхи...

– Хорошо, не буду, – кивнула Рая. – Ты просто говори мне, что делать. Куда, когда, где и что. Давай мне инструкции, а я буду молчать.

– Тебе обязательно выяснять отношения сейчас? – с тоской спросил Олег.

– Прости.

Он помолчал, потом подошел к Рае, обнял ее, положил ее голову себе на плечо. Все Раино беспокойство куда-то исчезло...

– Я все время вспоминаю тот наш разговор, – прошептала она. – Я знаю, сейчас не время, но...

– Какой разговор?

– Тогда, на дне рождения Никиты. Ты сказал мне, что и нам пора родить своего ребенка. Я так хочу...

– Рая! – Муж резко отстранил ее, посмотрел ей в глаза с каким-то ужасом. – Сейчас действительно не время.

– Я понимаю. Согласна. Просто ответь мне – ты не передумал и мы еще обсудим это? Потом, конечно. Я просто успокоюсь и не стану приставать к тебе с этими разговорами.

– Ты в состоянии думать сейчас о детях? Я – пока нет.

– Ты все время думаешь о детях – о Серафиме и другом ребенке, том, которого сейчас ждет Ангелина.

– Да потому что они уже *существуют*, а нам о чем беспокоиться? – разозлился Олег. – Ну ты даешь, в такой момент... Я просто поражен твоей бесчувственностью!

– Прости. Прости.

– Ладно. Уже поздно. Давай спать. Завтра очень сложный день.

...Последний день марта.

Опять дождь и мокрый снег. Но в отличие от *той* ночи уже теплее. Сырой, промозглый ветер. Под ногами – жидкая грязь, которую коммунальщики не успевали убирать.

Рая добиралась до места встречи одна: Олег вышел из дома чуть свет. Сказал, что ему надо заехать сначала за Ниной Филипповной, потом за Ангелиной.

Рая вызвала такси, потом спохватилась – а цветы? Попросила таксиста остановиться у цветочного киоска, купила букет из десяти красных гвоздик.

Наконец оказалась у серого здания морга. Зашла внутрь. Там, в узком коридоре, уже все собрались: несколько незнакомых мужчин, Ангелина, вся в черном, и Нина Филипповна, опирающаяся на палочку.

– Сейчас будет отпевание, потом поедem на кладбище. – Олег отвел Раю в сторону, наклонился к ее уху. – Мы все поедem в автобусе, а ты вызови такси и вместе с Ниной Филипповной поедешь.

– Места мало?

– Дело не в этом... Нина Филипповна все время плачет, это негативно действует на Ангелину. Ты же видишь, она держится, но ни к чему ее нервную систему раскачивать. Нине Филипповне, чтобы она не обижалась, скажешь, что с ее больной ногой удобнее в такси, в автобус трудно забираться.

– Хорошо. А ты с кем?

– Я с Ангелиной. Она сейчас только меня слушается. И держится молодцом, пока я рядом.

– Поняла. А Серафима?

– Господи, Рая, ну ей же три всего, куда ее... Бедная девочка, она не выдержит всего этого. Я нашел няню, сейчас с ребенком она.

Рая кивнула.

Началось прощание. Запах ладана, позвякивание цепочки, на которой висело кадило, монотонная и протяжная молитва, которую читал батюшка, пожилой и солидный. Никита, как помнила Рая, был при жизни атеистом, но так полагалось.

Рая держала под руку Нину Филипповну, уже совершенно обессиленную от слез. В конце прощания помогла той дойти до гроба, чтобы она смогла поцеловать в последний раз Никиту.

Стали садиться в автобус, Рая вызвала такси – оно прибыло быстро. Нина Филипповна залезала в салон долго и мучительно: мешало больное колено... Наконец, все разместились и поехали.

Ехали долго. Затем оказались у ворот кладбища; Рая опять вела Нину Филипповну под руку и боялась, что не удержит пожилую женщину и та упадет. Что тогда делать, Рая не представляла. Поэтому буквально волокла на себе Нину Филипповну, не давая даже возможности той завалиться.

– И почему я еще живу, – бормотала Нина Филипповна с отчаянием. – Хотя я знаю почему. Ради моей дорогой Серафимочки, кровиночки моей родненькой.

– Да, вы нужны ей. Как она без бабушки... – с мрачной горячностью согласилась Рая. – Никита, я уверена, хотел бы, чтобы вы вырастили его дочь. И второго ребенка.

– Да, да, – истово согласилась пожилая женщина. – Я все смогу. И второго ребенка мы тоже поднимем. Я должна. Я должна! Вот операцию на коленном суставе сделаю и опять как новенькая буду бегать. Все ради его памяти, ради моего Никитушки...

Рая не плакала. Она чувствовала, что если начнет плакать – то все, пиши пропало, держать Нину Филипповну она не сможет.

Место на кладбище, разрытая земля. Вокруг – могилы и кресты. И темно-серое небо, из которого сыпался дождь вперемешку со снегом.

Никого вокруг, только работники кладбища. И какой-то мужчина неподалеку. Странного вида. Хотя почему странного, просто он был *рыжий*. Темно-рыжие, слегка вьющиеся волосы, довольно длинные; маленькая рыжая бородка, соединенная с рыжими усами. Ничего клоунского, но и не вычурно, не так, словно хипстер и только что из барбершопа... Просто рыжий человек, и все. С бородкой, аккуратно подстрижен. Правильные черты лица. Хорошая кожаная куртка, узкие джинсы. Еще молодой, но не слишком. Лет тридцати пяти, наверное. Этот мужчина стоял в стороне, у соседней могилы, одна рука в кармане, в другой он держал над собой черный широкий зонт и пристально смотрел... почему-то на нее. На Раю. Или ей показалось, что мужчина наблюдает за ней? Потому что она сама уже не могла смотреть на рыдающих людей вокруг, на разрытую черную могилу. Только и осталось сил, чтобы глядеть на незнакомца, стоявшего напротив.

Суббота. Богдан, только проснувшись и выглянув в окно, сразу ощутил тоску. С утра дождь со снегом. Над городом повисла, и, судя по всему, надолго, свинцовая туча, сквозь которую теперь не мог пробиться ни один солнечный лучик.

Как странно. Он-то – дома, в тепле и уюте, а *она* – там, одна. Посреди холода, мрака и всей этой весенней непогоды.

Вообще это бред какой-то. Мама всегда, сколько помнил себя Богдан, жила рядом с ним, тут. А прошлой осенью, по какому-то глупому недоразумению, по несправедливости судьбы, – ее вдруг отвезли в какое-то неприятное место на окраине города и там оставили навсегда.

Кому, зачем это понадобилось? Богдан до сих пор злился и недоумевал. Ему не хватало мамы. Она всегда по утрам варила ему кофе, он просыпался от этого аромата. Мама звонила ему по телефону, когда он уходил из дома, на работу. В последнее время по выходным они с мамой ходили в театры или музеи. Шлялись по торговому центру, затем набирали продукты в тележку – домой, запас как раз на неделю. Смотрели по вечерам кино и иногда пили по рюмочке шоколадного ликера (его мама обожала).

Некоторые считали Богдана «маменькиным сынком», чуть не в глаза говорили – стыдно в тридцать шесть лет жить в одной квартире с матерью, но Богдану на все эти рассуждения было плевать. Он думал только о себе, о своем удобстве. Ему было удобно с мамой. Всё. Остальное не имеет значения. Не важно, как и каким образом человек творит свое счастье. Если он чувствует, что ему хорошо в данных условиях, в данных обстоятельствах, то нет смысла делать как *надо*. Сейчас время свободы, и необязательно жить по тем жестким правилам, по которым существовало человечество раньше.

Богдан быстро собрался и вышел из дома. Выехал из подземного гаража и направил свою машину туда, где теперь находилась мама.

Прибыв на место, оставил машину на стоянке и дальше уже пошел пешком, перешагивая через многочисленные лужи. Один участок, другой, третий... Вот и мамин участок. Она вон там, если идти по этой дорожке...

Дальше Богдана ждал неприятный сюрприз. Рядом с тем местом, где теперь находилась мама, грохотал маленький экскаватор, копая землю и нещадно чадя. Клубы сизого дыма летали вокруг.

– Эй... Блин, тут что происходит? Вы охренели?!

– А что такого? – оглянулся работяга в местной униформе, стоявший рядом с ямой. – Могилу копаем.

– Вы же тут все порушите! Посмотрите, тут же люди рядом лежат! – указал Богдан на то место, где теперь покоилась мама. – Сейчас ограду ведь заденете...

– Не волнуйтесь, мы осторожно. Привычные. Все будет в порядке, – попытался утихомирить его рабочий.

Но Богдана так просто было не успокоить. Поначалу он ругался, спорил с работягами, затем, поняв, что на процесс повлиять не сможет, устроился неподалеку – чтобы следить за всем. И в случае чего сфотографировать возможные бедствия и потом уже явиться в администрацию кладбища – с жалобой на конкретные безобразия.

Экскаватор уехал, рабочие еще чего-то там поправили лопатами и тоже ушли. Богдан решил стоять до последнего. Ведь потом работяги будут обратно все закапывать?

«Я здесь, – мысленно обратился он к маме. – Я рядом и не позволю, чтобы тебя побеспокоили, мамочка!»

Через некоторое время, довольно скоро, появилась процессия из скорбящих. Несли гроб. «А, это они...» – несколько успокоился Богдан, смирившись. Чужое горе смягчило ему сердце.

Процессия остановилась рядом с соседним участком. Плакали, что-то говорили. В основном говорил мужчина, женщины вытирали слезы, давились в рыданиях.

Не плакала лишь одна женщина.

Она была похожа на ворону. Или галку, что ли, кто в них разберется, в этих птицах... Вся в черном, с черными длинными волосами, вроде собранными на макушке, а вроде и разбросанными по плечам. Причудливая такая прическа, надо сказать. Сверху была накидка.

Эта женщина привлекла внимание Богдана потому, что уж очень необычной, ненатуральной даже, казалась ее внешность. Высокие скулы, длинный прямой нос. Губы тоже интересной формы. Глаза – и те какие-то необычные. «Пластическая хирургия? – даже задумался Богдан. – Нет, не похоже... Она сама по себе, эта особа – вот такая, не как все!»

В интересе Богдана не было никакого сексуального подтекста. Он просто ощущал любопытство из серии, как это сделано, почему привлекает внимание, в чем особенность данной конструкции. Ну, как архитектор, прикидывал.

Кого хоронят, Богдан, прислушиваясь, скоро разобрал. Какого-то мужчину, погиб в автомобильной аварии. Кто провожает его в последний путь? Вон тот товарищ образцово-плакатного вида (такие обычно в советском кино играли главных, положительных героев), лучший друг покойного. Та пожилая дама с палочкой – его мать. Вот эта девица с белокурыми кудрями и ротиком-вишенкой, напоминающая приторно-хорошеньких барышень, нарисованных на конфетных коробках, – жена. То есть вдова теперь. А вот кто эта молодая женщина-птица, поддерживающая за локоть пожилую даму с палочкой? Сестра покойного? Какая-то родственница? Знакомая, коллега?

Зачем это надо было ему знать? Ну как, ведь эти люди теперь – практически соседи. Мамины соседи.

«Они, кажется, неплохие, – мысленно обратился к матери Богдан. – Ты знаешь, думаю, они не слишком назойливые и вполне интеллигентные. Не станут тебе докучать, мам!»

Он опять уставился на женщину-птицу, не в силах разобраться, красивая она или, наоборот, крайне уродливая, неприятная. Но чем-то она завораживает: когда поворачивает голову, машинально прикасается свободной рукой к волосам, прикрытым полупрозрачной кружевной накидкой черного цвета. Что-то испанское, средиземноморское в ее внешности, пожалуй. Подобный женский типаж Богдан терпеть не мог.

Руки, кстати, у нее красивые. Узкие запястья, длинные пальцы – на вид сильные, изящные. Все увешаны браслетами, фенечками, множеством разнообразных колец.

К ней кто-то обратился по имени: Рая. Значит, Рая ее звали. Раиса. Старомодное, непривычное имя. Из тех далеких времен, когда «починяли примусы», когда женщины мыли полы, подоткнув юбки и передвигаясь на карачках. Раиса – имя женщины, которая жила в коммуналке. И в комнате у которой стоял комод, покрытый белой салфеткой, жесткой от крахмала, а на салфетке, выстроившись в ряд, стояли семь слоников. Это имя пахло нафталином и едкими духами «Красная Москва»...

Словом, в сегодняшние реалии это имя никак не вписывалось.

В какой-то момент эта самая Раиса, вероятно, почувствовала, что за ней наблюдают. Повернулась, уставилась на Богдана. Прямо в упор, не мигая.

Глаза зеленоватого оттенка, скорее даже болотного. Уголки у висков чуть приподняты. Взгляд не человека, а какого-то существа. Богдану стало вдруг жутко, аж мурашки по спине побежали, между лопаток, и он отвел взгляд.

«Мама, мне эта особа не нравится. Я не хотел бы, чтобы она сюда приходила!»

* * *

После все поехали в ресторан – поминать.

Для этих целей Олег арендовал небольшой зал.

Рая наконец «сняла со своих рук» Нину Филипповну, усадила ту в кресло.

Сели за стол, официанты понесли поминальные блюда. Олег все время говорил и говорил что-то: каким замечательным и необыкновенным был его друг и что это невосполнимая потеря... Нина Филипповна слушала Олега, не отрываясь, то и дело кивала. И повторяла в паузах непрерывно, словно саму себя уговаривая, что теперь ее жизнь полностью посвящена внукам, и внуков – Серафиму, и того, нового, еще не рожденного малыша – надо всем миром поставить на ноги.

Ангелина же сидела молча и неподвижно, словно статуя. Она о чем-то напряженно думала, сведя брови. Наверное, о том, как ей жить дальше. Рая пыталась несколько раз с ней заговорить, но молодая вдова словно не слышала ее и продолжала думать о чем-то своем.

Рая ей сочувствовала – ну просто невозможно как. Не знала, что еще можно сделать для Ангелины, как себя вести. Для себя Рая решила, что теперь будет помогать бедной молодой женщине чем угодно.

Единственное, что немного мешало Рае, – это то, что муж не отходил от Ангелины. Раи же словно не существовало, была одна Ангелина. Нет, Рая не являлась настолько эгоистичной и

инфантильной, чтобы в такой день требовать к себе внимания, нет... Но Олег ее совершенно не замечал. Они были не вместе. Рая – пустое место для него сейчас. Изредка просил о чем-то: что-то сделать, устроить, но так, словно Рая являлась чем-то вроде услуги, чья задача – выполнять поручения, и только.

Всю свою нежность и заботу Олег отдавал Ангелине. В сущности, именно Ангелина являлась центром всего в этот день. Начиная речь о Никите, Олег сводил все к Ангелине, упоминая о Нине Филипповне – опять возвращался к Ангелине.

Нет, понятно – судьба и будущее именно Ангелины – теперь волновали всех, но...

Рая ревновала Олега к Ангелине и саму себя ругала за эгоизм и глупость.

К середине вечера неожиданно появился Лев.

Возник в дверном проеме, оглядел кабинет, сидящих за столом. И первым делом направился к Ангелине. Обнял, прошептал ей что-то на ухо. Затем обнял поднявшегося к нему Олега, и они стояли так, неподвижно сцепившись, довольно долго... Потом Лев долго целовал руки Нины Филипповны.

Наконец, сел, официантка поставила перед ним тарелку с поминальными блинами.

– Думал, не смогу сегодня, – сказал Лев. – Но получилось. Выкрутился, хоть на поминки успел.

– Спасибо, Левушка, – тяжело вздохнул Олег. – Ну, давайте, не чокаясь...

Выпили. Сегодня уж никто не собирался садиться за руль...

– Как ты доехал тогда в аэропорт? – не выдержала, спросила Рая Льва.

– Раечка, ну зачем об этом сейчас? – страдальчески прошептал Олег и отвернулся.

– Да-а, не самая лучшая погода тогда была, – задумчиво произнес Лев.

– Не-на-вижу нашу погоду! – отчеканила громко Ангелина.

Олег опять метнул на Раю недовольный взгляд, который означал: «Думай, о чем говоришь! Не расстраивай Ангелину!»

Нина Филипповна начала вспоминать, каким Никита был в детстве. Все слушали, склонив головы. Ангелина тихонько встала из-за

стола, отошла к окну. Лев тоже встал, подошел к ней. Рая заметила, что Олег внимательно смотрел за ними, потом, видимо, понял, что с Ангелиной сейчас все более-менее в порядке, и отвернулся, принялся дальше слушать Нину Филипповну.

Рая же все наблюдала за Ангелиной.

Ангелина стояла спиной к окну, сложив руки на груди. Лев сел на подоконник, приобнял ту за плечо, что-то шепнул на ухо. Ничего необычного. Ангелина усмехнулась, повернула лицо ко Льву и сказала ему что-то. Тот наклонил голову, приподнял брови, словно удивляясь. Ангелина опять ему что-то сказала – уже с насмешкой в лице. Лев опять поднял брови удивленно.

Ангелина уже шептала ему что-то быстро и неудержимо. Много-много слов.

Лев слушал ее очень внимательно. Потом спросил о чем-то. И опять, в ответ, поток слов от Ангелины.

Лев усмехнулся. Опять приобнял Ангелину, поцеловал ту в плечо. И ответил той буквально одной фразой.

Ангелина посмотрела на него холодным, даже яростным каким-то взглядом. Потом ответила тоже какой-то очень короткой фразой. И опять села за стол – с каменным, неподвижным лицом, опустив вниз глаза. Никто не обратил внимания на диалог Льва и Ангелины. А что такого, старый друг утешает вдову. Поцелуи – не в губы же. Они всегда и все в их компании обнимались и целовались при встречах и прощаниях. Да и вообще, именно Льву словно дозволялось вести себя чуть более фамильярно, ну вот такой он анфан террибль...

Рае же этот диалог показался каким-то необычным. Словно Ангелина на какое-то время забыла, что случилось недавно и по какому поводу они все собрались здесь. «Наверное, Лев пытался отвлечь ее, но, похоже, разозлил, – решила Рая. – Но Олег почему-то не делает Льву замечания, одной мне достается... Это неприятно, но нормально, кстати. Что в трудную минуту мужчина срывается именно на жене. Мне надо быть более терпеливой. И молчать побольше, правда, ну чего я всюду сую свой длинный нос!»

...Лев опять уехал раньше – на этот раз торопился попасть на рейс в Милан. Рая повезла Нину Филипповну домой, Олег решил сопровождать Ангелину.

У себя дома Рая оказалась только около девяти вечера. Мужа еще не было, но Рая не стала ему звонить – к чему лишний раз дергать человека.

Она приняла душ и сразу легла спать, не дожидаясь мужа: не исключено, что тот останется у Анжелины. Рая и ревновала, и нет. Повода не было. Секс в день похорон с несчастной беременной вдовой? Невозможно! Но... она все равно ревновала мужа к тому вниманию, которое он уделял Ангелине.

Хлопнула входная дверь.

Рая вздрогнула, проснулась. Минут через десять муж вошел в спальню. Не зажигая света, разделся, лег в постель.

И тут Рая не выдержала. Ну не могла она все время держать себя в узде. Повернулась, обняла мужа.

– Что ты делаешь. Не надо, – устало произнес муж.

– Я ничего не делаю, – ответила она. – Я просто тебя обнимаю. Как хорошо, что ты у меня есть. Самый любимый и самый хороший.

Она обняла его сильнее, поцеловала в шею.

– Ты с ума сошла. В такое время... Я не знаю, что там у тебя в голове, но у меня сейчас траур, – мрачно произнес Олег. – Мы сегодня были на кладбище, а сейчас ты просишь о близости!

– Ничего я не прошу, – вздохнула Рая и отодвинулась назад, на свою половину кровати. – Кстати, у Пушкина, у нашего всё: «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть...»

– Рая!!!

– Все, я молчу. Да, а чего ты не остался с Анжелиной?

Олег помолчал, верно, пытаясь обуздать свое раздражение, а затем ответил:

– Она просила оставить ее на время. Ей хотелось побыть одной. Не до людей ей сейчас!

Вся следующая неделя прошла в относительной тишине и спокойствии. Олег все время пропадал на работе, приходил поздно и рассказывал о том, как прошел день. Рая сидела за переводами, и никто ее ни о чем не просил.

...Она проснулась от колокольного звона. Неподалеку была церковь. «Прямо с утра звонят. Опять какой-то праздник. Какой, интересно?» Рая не отличалась особой религиозностью.

Рая села в кровати, обняла сама себя за плечи. Ее охватило то самое, прежнее, чувство пустоты. Безвременья. Она вдруг представила, что носит в своем теле дитя. Потом роды. Она кормит ребенка грудью. Тяжесть на ее руках – это спит младенец.

– А... а... – согнулась Рая. Ее буквально душило что-то. Она слишком ярко, осязаемо представила своего ребенка, потому что в следующую же секунду, когда поняла, что все это – лишь наваждение, испытала уже тоску. Не было у нее никакого младенчика, да и откуда ему взяться сейчас, когда муж ни о чем не думает, кроме Ангелины.

– Рая, будешь завтракать? – позвал с кухни муж.

Рая вышла из спальни минут через десять.

– Ты что, опять плакала?

– Ну а что мне, веселиться... – пробормотала она. – Что сегодня за праздник? Звонят прямо с утра.

– Сейчас погуглю, – ответил Олег и уткнулся в свой телефон. – Тэ-экс... Седьмое апреля сегодня. Благовещение, оказывается! Марии сегодня ангел принес благую весть – у нее будет ребенок.

Рая сделала неопределенный жест рукой, отвернулась. Ей опять стало не по себе.

– Ну вот. Я так и знал, – огорченно произнес Олег. – С тобой ни о чем нельзя говорить, ты все переносишь на себя! Дети, опять дети. Идея фикс у моей женушки. Да будут у нас дети, угомонись, дай только время на то, пусть все устаканится.

В этот момент телефон у Олега звякнул, сообщая, что на него пришло сообщение.

– погоди. Это от Ангелины. – Олег опять уткнулся в экран. Рая посмотрела на него: лицо у мужа постепенно менялось. Мрачнело, бледнело, опять эти скорбные морщинки в углах губ прорезались!

– Что-то случилось?

Олег, не говоря ни слова, вскочил, едва не опрокинув обеденный стол, куда-то помчался. Рая – за ним. Олег лихорадочно одевался в гардеробной.

– Ты куда?

– Ну что ты все спрашиваешь! – нервно ответил он. – Ангелина пишет, что у нее случился выкидыш.

– О нет, – вздрогнула Рая. – Ужасно. Конечно, ее нельзя оставлять одну. Ты к ней, в больницу?

– Пишет, что дома... Я не знаю, я ничего не знаю! – плачущим голосом воскликнул Олег. Помчался в прихожую, схватил куртку с вешалки и выбежал из квартиры, хлопнув дверью.

...Олег появился в доме вечером – усталый, измученный.

Увидел выражение лица Раи, сразу начал рассказывать:

– Ну что. Был выкидыш. Дома. Несколько дней назад. Ходила к врачу потом – к счастью, никаких последствий, в больницу ложиться ей не надо. Какие-то там исследования сделали, УЗИ или что там... Все в порядке. Хотя, конечно, какой порядок, если ребенка она потеряла... Как врачи говорят, возможно, на нервной почве. И ведь сколько дней молчала, скрывала от меня. Только сегодня решила признаться. Эх, не надо было мне ее одну оставлять! Но она буквально отталкивала меня тогда, после похорон: «Уходи, уходи, хочу побыть одна!» И вот, допрыгалась.

– Ты не можешь быть ответственным за все, – тихо произнесла Рая.

– Я мужик! Я единственный мужчина среди вас, женщин!

– Но ты не бог. У тебя нет власти над всем и вся.

– Ой, начиталась модных *психолухов*... Это был ребенок Никиты, возможно, мальчик, его повторение... А она – такая молодая, и уже столько испытаний, потерь! У меня сердце от жалости к ней разрывается!

Рая ничего не ответила, легла спать.

Следующие дни прошли в молчании. Олег нервничал, куда-то постоянно бегал, отвечал на звонки, звонил сам, у себя в кабинете раскладывал папки с какими-то документами... В очередной раз убежал, ничего не говоря Рае, а потом, минут через пять после его ухода, в кабинете раздался грохот. Рая испугалась, зашла туда. Оказывается, это бумаги, находившиеся стопкой на столе и, верно, кое-как наваленные, – рухнули на пол.

Рая принялась поднимать их, складывать обратно на стол и на этот раз – аккуратной стопочкой, но вдруг какое-то слово в напечатанном тексте привлекло ее внимание. Слово это – Ангелина.

Рая начала читать весть текст. Обычно она не рылась в документах мужа, никогда не лазила в его телефон, но сейчас не удержалась. Поначалу ничего не поняла из написанного. Потом еще

раз перечитала, и еще, спотыкаясь на юридических терминах и путаясь в официальных оборотах.

И похолодела.

Из данного документа (со всеми печатями и подписями, кстати, заверенного в нотариальной конторе) вытекало следующее: Олег передавал Ангелине двадцать пять процентов своей доли. Теперь Олег и Ангелина являлись компаньонами фирмы на равных правах (учитывая то, что у Ангелины было двадцать пять процентов, которые должны были перейти ей по праву наследования от мужа). Нина Филипповна, помнится, еще раньше говорила, что никак не участвует в этих делах, как-то так это было все юридически устроено без нее... Впрочем, не важно. Важно то, что у обоих теперь, у Ангелины и Олега, по пятьдесят процентов от дохода, который приносила сеть магазинов.

Рая принялась читать и другие документы, и они тоже шокировали ее, хотя не так сильно, как договор с Ангелиной.

Согласно этим документам, Олег потратил весьма значительные суммы на похороны, покупку участка на кладбище, на установку там будущего памятника, и вот еще уже оплаченный чек на весьма недешевую ограду для могилы... Так, а это что? Это бумаги из какой-то клиники. В которой, как поняла, Нине Филипповне предстояло делать операцию по замене коленного сустава.

От этих сумм Рае стало тоже нехорошо.

Хотя, конечно, это дело мужа, тут лучше промолчать, но передача двадцати пяти процентов бизнеса Ангелине... Тут уж точно нельзя молчать!

...Олег вернулся поздно вечером.

Рая спать не ложилась, ждала его.

– Ох, устал. Чаю сейчас выпью и на боковую.

Рая пошла за мужем на кухню.

– Ты отдал Ангелине часть бизнеса? – спросила она спокойно.

– Что? Откуда ты... – Олег замолчал и сделал вид, что страшно занят приготовлением чая.

– А почему ты со мной не посоветовался? – все так же спокойно спросила Рая. – Мы же с тобой семья. А это важное решение – передать двадцать пять процентов бизнеса Ангелине. У нас теперь меньше доход...

– Ну да, с Никитой было семьдесят пять на двадцать пять, теперь с Ангелиной пятьдесят на пятьдесят. И что, вот скажи мне, ты голодать стала? Тебе не на что одежды купить? Ты даже ведь не почувствовала этой разницы!

– Дело не в этом. Почему ты не сказал?

– Да потому что ты опять начала бы ворчать и возмущаться! – закричал Олег. – Ты посмотри на себя – вечно ходишь с надутым лицом, все тебе не так и не эдак... Впечатление, что я у тебя в рабстве и ни на что у меня нет прав. Я могу что-то сделать или сказать только с твоего одобрения!

– Я потому и недовольна, что ты там живешь какой-то своей, отдельной жизнью! Ладно, не хочешь ни о чем говорить – не говори... Но передача части бизнеса – это серьезное решение. Ты должен был поставить меня в известность.

– Ха. Можно подумать, что ты согласилась бы, – фыркнул Олег.

– Конечно, не согласилась бы, – кивнула Рая. – Потому что у нас с тобой семья. Мы должны помогать своим близким и друзьям, но не за счет своей семьи.

– Да ты и не почувствуешь разницы в деньгах! – нервно засмеялся Олег.

Рая ничего не ответила. Села на стул, опустила голову.

– Ты помнишь легенду о Данко? – заваривая чай, уже более спокойно произнес Олег.

– О ком? Кто это?

– Ах, ну да, ты все больше по зарубежной литературе спец... Я о рассказе Максима Горького. «Легенда о Данко». Раньше этот рассказ в школе изучали, сейчас уже стало немодно. Соцреализм, устарело. Все такое... А я с этим не согласен. Бессмертное произведение. О человеке, который отдал свое сердце ради других людей.

– А, помню смутно, – призналась Рая. – Парень навязался людям с помощью, его даже не просили об этом. И даже обругали в какой-то момент, когда возникли трудности: дескать, подставил нас. Потом-то все хорошо закончилось, Данко вывел людей из страшного темного леса, куда они все забрели. Он вырвал свое сердце и использовал его вместо факела. И только когда Данко умер, люди осознали, каким он хорошим парнем был. Злые тупые люди, неспособные сами о себе позаботиться, и светлый человечек Данко.

Олег некоторое время молчал, сверля жену пронзительным взглядом. Наконец высказался:

– Ну ты умеешь пересказать классику... Сразу понятно – филологическое образование. Только интеллигенты могут так виртуозно все изгадить и извратить.

– А ты воображаешь себя спасителем человечества? Вторым Данко?

– Нет, я просто хочу помочь жене... то есть вдове моего лучшего друга.

– За мой счет?

– Я же говорю, ты не почувствуешь разницы в деньгах!

– Да она, эта Ангелина, прекрасно прожила бы и на двадцать пять процентов!

– Ты просто не в курсе. Не помню, говорил ли я... – Олег взъерошил волосы на голове. – Экспертиза показала... Короче, в крови Никиты после его смерти нашли алкоголь. Пусть и совсем небольшое количество, но... кого это интересует. А это значит, никаких страховых выплат вдове не полагается, и еще куча разных расходов... Слишком серьезных для этой девочки. Которая сама не работает, еще в декрете. Которая только что потеряла ребенка! Ты вот о детях мечтаешь, но что же ты не посочувствуешь ей, а?

Рая молчала.

– Я не знала про экспертизу, – пробормотала она.

– Ну вот, теперь ты в курсе.

– И все равно, двадцать пять процентов ей – много. Ты мог бы помочь ей отдельными выплатами, но отдавать двадцать пять процентов...

– Да ты эгоистка. Только о деньгах думаешь. В тебе нет ничего живого, человеческого... Холодное сердце, – с ненавистью произнес Олег.

– А ты отдал свое, кровно заработанное, Ангелине!

– Ой-ой-ой... Да ты ревнуешь?

– Да, ревную! – закричала Рая, окончательно потеряв над собой контроль. – Потому что ты только об Ангелине и говоришь, ею одной и живешь! Да, я не против того, чтобы ты ей помогал, но...

– Ой-ой-ой, она не против!

– Не перебивай меня, дай сказать! Двадцать пять процентов – это слишком щедрый ей подарок!

– У нее теперь никого нет, кроме меня! Я вместо мужа ей теперь!

– Ах, вот как, ну давай, устрой гарем из жен... Замути этот, как теперь говорят, «тройничок»!

Олега словно по лицу ударили. Он вздрогнул, отшатнулся от жены. Отшвырнул от себя чашку с чаем, она ударилась об стену, разлетелась на осколки. Олег ушел из кухни, хлопнула дверь, ведущая в его кабинет.

Эту ночь Рая спала одна. Крутилась, вертелась, от бессильного отчаяния скрипела зубами. Сжимала кулаки так, что ногти впивались в ладони. Кусала губы. Но боли не чувствовала совсем. Раино раздражение было больше чем боль.

Оно сжигало ее изнутри, это раздражение, оно буквально сводило ее с ума.

Утром, когда муж опять ушел, Рая села за свой перевод, но работа не шла, невозможно было сосредоточиться. «Ладно, потом, еще есть время!»

Рая поехала к свекрови. Ну к кому еще ей обратиться, с кем поговорить?..

Любовь Петровна совершала утреннюю прогулку в близлежащем от ее дома парке. Так и ответила Рае по телефону: «Я наслаждаюсь природой».

Рая нашла свекровь на одной из аллей.

Снег в парке уже давно сошел, на деревьях набухали почки. Солнце пригревало, прогноз погоды обещал сегодня в полдень плюс шестнадцать, не меньше.

Любовь Петровна в забавной курточке лимонного цвета, в джинсах и кроссовках, моложавая и модная, энергично вышагивала по аллее, переставляя перед собой специальные палки для ходьбы.

– Раечка, я здесь! – бодро закричала свекровь, сверкая на солнце очками. – Привет! Как дела? Что нового?

– Добрый день, Любовь Петровна, – подходя, промямлила Рая. Ее решительность вдруг куда-то улетучилась. – Да вот, хочу посоветоваться...

– Конечно! – с энтузиазмом воскликнула свекровь. – Ничего, если на ходу ты будешь со мной советоваться? Я, ты знаешь, вчера

взвесилась и просто ужаснулась, насколько сильно я поправилась за зиму...

Они зашагали рядом.

– Любовь Петровна, Олег переписал на Ангелину двадцать пять процентов бизнеса, – уныло произнесла Рая.

– И что это значит? – нахмурилась свекровь.

– Что у нашей семьи было семьдесят пять процентов от бизнеса, теперь – только пятьдесят.

– Надо же! – ахнула свекровь огорченно. – А зачем это было надо Олегу? Нет, я понимаю, Ангелиночку следует поддержать, и у нее двое...

– Уже один, – сухо поправила Рая. – У Ангелины произошел выкидыш недавно. И, к счастью, даже без последствий. Нет беременности, и все.

– Да? Грустно как... Хотя, с другой стороны, это вы, молодые, то есть нынешнее поколение, в ужасе от выкидышей и абортов, в наши времена к этим вещам относились проще, – вздохнула Любовь Петровна.

– У Ангелины теперь меньше расходов, меньше хлопот, – с мрачной усмешкой произнесла Рая. – К тому же Серафиме уже четвертый год пошел, ее можно отдать в детский сад и пойти работать.

Любовь Петровна искоса посмотрела на Раю, покачала головой и произнесла удивленно:

– А вот ты какая, оказывается... суровая женщина, даже непреклонная!

– Я готова помогать, но я не готова на своем горбу всю жизнь тащить Ангелину. И ее дочурку. Поддерживать друзей в трудных ситуациях надо, но... – Она недоговорила, с безнадежным выражением махнула рукой.

– Но не ты же тащишь Ангелину. Это делает Олежек, – возразила Любовь Петровна. – Хотя отдать двадцать пять процентов бизнеса... Вот просто так... Ты знаешь, я сама не в восторге от всего этого. Потому что деньги в наше время – это самое главное. Да, да, да. Без денег ни семью не заведешь, ни детей не родишь. Ни своим старикам-родителям не поможешь. Деньги – это здоровье и комфорт. Это свобода. Именно деньги дают ощущение счастья. Нет, не сами по себе, они лишь средство... Это как кровь, которая течет в человеке. Выпусти

ее – и замрут навсегда голова, руки, ноги, сердце. Абсолютно целые органы, но которые не могут без тока крови по жилам...

– Хорошее сравнение! – согласилась Рая.

– Короче, я не одобряю поступок Олега, – решительно произнесла Любовь Петровна.

– Спасибо. Вы меня понимаете... – выдохнула Рая.

– С другой стороны... Ты, Раечка, с детства Олежека знаешь. Он удивительно благородный человек, чистый сердцем, всегда готовый прийти на помощь. Разве не так?

– Истинная правда! – с иронией засмеялась Рая.

– Ну так вот: видели глазоньки, что покупали, – добродушно произнесла свекровь. – Либо смирись, либо уходи от него. Потому что взрослого человека ты уже не переделаешь.

– И это правда, – согласилась Рая.

– И потом давай честно. Олег сам и давно ведет бизнес, он лучше знает, что можно, что нельзя. Может, ему даже выгодно передать часть своей доли, кто знает! Он этим как бы двух зайцев убивает – и себе послабление делает, и Ангелиночке руку помощи протягивает.

Рая молчала, уже полностью согласная со свекровью.

– Вы по-настоящему мудрый человек, Любовь Петровна, – наконец серьезно произнесла она.

– Ах, Раечка, и к тебе оно придет с годами... Кстати, если я не ошибаюсь, у вас же еще осенью путевки куплены куда-то там... забыла. Где белый песок и синее море. На какой-то там остров.

– Ох, точно! – вздрогнула Рая и даже за голову схватилась. – Я действительно забыла! У нас же путевки на май! Я, помню, еще пилила Олега: когда в отпуск, когда в отпуск... И он мне клятвенно пообещал, что мы поедем на море, и даже эти путевки купил, чтобы я успокоилась.

– Вот! Вот сколько от меня пользы! – засмеялась свекровь. – Оно и немудрено – забыть об отпуске в таких-то жутких обстоятельствах. Поедете на море, там успокоитесь, отдохнете, забудете немного о том, что вам пришлось пережить. Расслабитесь, уйдет оно, это напряжение... Не ссорьтесь, дети мои, живите в мире.

Рая не выдержала, порывисто обняла Любовь Петровну.

– Тише, тише, не урони меня...

Домой Рая вернулась уже совершенно успокоившаяся, даже умиротворенная. Думала: «А чего я и правда так бешусь? Глупая ревность!»

Олег опять пришел поздно. Молча, с каменным лицом, разделся и сразу к себе в кабинет.

Рая постучала:

– Тук-тук-тук, можно?

– Заходи, – бесстрастно ответил Олег.

Рая зашла в кабинет. Муж сидел в своем кресле, сцепив руки на животе, глядел в потолок.

– Давай мириться, – жалобно произнесла Рая. – Я была не права, прости.

– А куда я денусь, – пробормотал тот.

Рая села рядом с ним на высокий подлокотник, нога на ногу, прижалась щекой к его макушке. Они сидели так довольно долго.

– Иногда я тебя совсем не узнаю, – с тоскливым недоумением произнес Олег. – Что на тебя нашло, откуда эта глупая ревность?

– Прости, ну прости!

– Ты ведь живешь, как сыр в масле катаешься. Все тебе можно, все к твоим услугам. Я не пью, не курю, не бью тебя, я зарабатываю в поте лица деньги... Ну что тебе еще надо.

«Ребенка», – хотела сказать Рая, но промолчала пока, прижимаясь к мужу.

– Ты забыл, что у нас в мае? – прошептала она.

– А что у нас в мае? – осторожно, даже немного испуганно спросил Олег.

– Ты забыл, что у нас путевки?

– Куда?! А-а... – Он прижал ладони к лицу. – Блин. Забыл.

– И я почти забыла.

– Наверное, уже не получится их сдать... Хотя, почему нет? – напрягся Олег.

– Почему сдать? – тоже напряглась Рая.

– А ты что, согласишься ехать куда-то, когда тут – такое?

– Какое – такое?

– Мы не можем оставить Ангелину! Ты что, не понимаешь? Она только что потеряла мужа, потеряла ребенка...

– Не ребенка потеряла, а выкидыш случился. На очень, очень раннем сроке, как я поняла. Она потеряла плод величиной с рисовое зернышко. И без всяких последствий для организма, ты сам сказал.

– Ну ты чудовище, как у тебя только язык поворачивается...

Раз – и все рухнуло, взорвалось, разлетелось на тысячу кусочков, как та чашка. В одно мгновение Рая опять оказалась в том же самом состоянии ярости и раздражения.

– А чем мы можем помочь Ангелине? – закричала она.

– Да хотя бы тем, что не бросим ее в трудную минуту! – тоже закричал Олег.

– На руках ее носить надо? С ложечки кормить?

– А ты понимаешь, как может ее ранить наша поездка?! У нее горе, а мы, такие счастливые, вместе едем на моря!

– Если она настоящий друг, то она только порадуется этому. Порадуется за нас. Или теперь весь мир должен нарядиться в траур?!

– Нет, ну ты точно чудовище...

Рая отскочила в сторону, прижалась к стене. Она уже не могла близко находиться с мужем. Оба они орали друг на друга в полный голос... Рая видела перекошенное от ярости лицо мужа и понимала краем сознания, что у нее, наверное, такое же перекошенное лицо.

– Ты вспомни, мы столько мечтали об этом отпуске! Года два или три! Вечно у тебя работа...

– А я тебе предлагал сколько раз: езжай одна! Я бы ни слова тебе поперек... я нормальный муж... без претензий... чего ты меня-то ждала? Сто раз уже бы смогла в твоём море искупаться!

– Я хотела с тобой, понимаешь, я хотела с тобой... – Рая вдруг зарыдала. Ноги у нее подкосились, она съехала по стенке вниз, села прямо на пол.

Усилием воли заставила себя успокоиться, произнесла с трудом:

– Ладно... Пусть так... не поедем. Хорошо. Но ты мне скажи только одно. Ты же мне обещал ведь, да... Когда у нас будет ребенок? Ведь все зависит от твоего желания, мы оба здоровые люди, полные сил... Когда?

– Скоро, я же тебе говорил, скоро!

– Нет, ты мне скажи цифры. Ты серьезный человек, бизнесмен? Вот и скажи мне сроки. Дни, недели, месяцы. Сколько мне еще ждать? Скажи мне, и я наконец от тебя отстану, вот честно.

Олег задумался. Потом пожал плечами:
– Ну я не знаю. Года два или три, может быть.

* * *

В первый момент, когда Рая услышала эти слова – что ждать ей придется два или три года, она едва в обморок не упала. Столько ждать? Зачем?

Но спрашивать мужа дальше, что за сроки такие он поставил, ведь Рае к тому моменту, когда Олег согласится на детей, будет уже тридцать пять или тридцать шесть, а потом еще почти год беременности...

Сейчас, конечно, другие времена, многие женщины рожают поздно, но это – не оттого, что у всех резко улучшилось здоровье, это потому, что медицина достигла высокого уровня.

Рая не хотела рисковать своим здоровьем и здоровьем будущего малыша. Откладывать пополнение семьи можно в том случае, если финансовые обстоятельства, например, препятствуют. Тогда – да, надо сначала поднакопить средств. Или квартирный вопрос – возможно, решить не сразу, а лишь через некоторое время. Или вопросы карьеры, творчества – когда женщине, например, надо закрепить в какой-либо области и лишь потом уходить в декрет. Тогда – да, спешить с деторождением не следует.

Но Рае-то, именно Рае – зачем тянуть с материнством? На ней не висело ни одной из подобных проблем. Деньги, квартира, муж, здоровье. Желание! Все это у нее имелось в наличии. И карьера ее никак не могла пострадать...

Что, что именно заставило Олега произнести эти невероятные цифры – два или три года? Он вообще в своем уме? Может, он, как и все мужчины, побаивается столь серьезных перемен в жизни? Боится стать отцом? И оттого у него этот иррациональный страх, постоянное откладывание родительства на потом?

Сказать, что Олег не любит детей, тоже нельзя. Он всегда обожал дочку своего лучшего друга, Серафиму. Возился с ней, улыбался каждый раз с восхищением, когда видел малютку... Или его пугала либо отвращала женская беременность? Да нет же, всю беременность

Ангелины он умилялся и восхищался ее состоянием, а когда она родила, так и вовсе разрыдался слезами счастья и радости...

Потом. Ну допустим, они с мужем отложат все на два или три года. А кто сказал, что ребенок «получится» с первого раза, словно по велению волшебной палочки? Только супруги захотели, постарались как следует, зачиная свое дитя, – и опа, через девять месяцев к ним уже летит аист!

Подобное редко случается. Иногда приходится долго ждать этого самого аиста, хотя никаких противопоказаний вроде бы и нет, потому что человеческий организм – это не машина.

Допустим, через два или три года Олег наконец согласится на родительство, а потом, еще сколько-то придется ждать, пока все получится. То есть не исключен такой вариант, что Рае светит вариант стать матерью под сорок лет, а то и позже. А там уж какое женское здоровье, уже возможны проблемы, фертильность в сорок – это не фертильность в тридцать три, столько Рае именно сейчас.

Рая хотела ребенка. Чем дальше, тем сильнее.

И она не понимала, отчего Олег вдруг все решил переиграть. Вот только что, недавно, говорил: да, пора, уже вроде бы согласился, а тут снова-здорово – нет, надо отложить.

Конечно, Рае, наверное, стоило спросить мужа, отчего это он внезапно все изменил, но они оба, судя по всему, уже не могли нормально разговаривать. Словно разучились делать это, и любая беседа, пусть и начатая спокойно, с самыми благими намерениями, – непременно заканчивалась скандалом.

Дело тут, скорее всего, в перфекционизме мужа. Он должен быть уверен во всем: если делать что-либо, то это надо сделать идеально, а не просто хорошо и тем более не тяп-ляп, лишь бы отметиться...

Олег после смерти своего компаньона остался один, и на него внезапно навалилась куча проблем по работе, часть которых раньше решал Никита. Ведь от Ангелины какая польза?

Конечно, Олег решил отодвинуть одно из дел – рождение ребенка – на потом, чтобы справиться с текущими вопросами. Да, да, скорее всего, причина именно в этом. Бедный муж. Но, по сути, он сейчас решает проблемы Ангелины, а не своей семьи. И вот это бесило Раю – то, что Олег почему-то поставил на первое место Ангелину, а не ее,

Раю. Ему втемяшилось в голову, что та – бедная девочка и ее надо срочно взять на ручки и дальше нести по жизни самому.

Но Ангелина – взрослая, то есть давно уже совершеннолетняя и дееспособная женщина. Ей реально помогли. Олег организовал похороны Никиты, финансово обеспечил Ангелину (даже чрезмерно!). Кроме того, Олег собирался оплатить Нине Филипповне операцию по замене коленного сустава.

Причем, что интересно, Нине Филипповне полагалась квота от государства, ей могли сделать эту очень недешевую операцию *бесплатно*, и она могла бы давно встать на очередь, которая не самая быстрая, да, но к сегодняшнему дню Нина Филипповна уже точно смогла бы лечь на операцию. Но Нина Филипповна панически боялась врачей и долгое время, несколько лет, просто прятала голову в песок. Отправилась к доктору лишь тогда, когда боль в колене стала уже едва переносимой, и ждать теперь квоту ей, конечно, уже нет смысла...

Что мешало Никите (ну сколько лет назад Нина Филипповна начала жаловаться на колено? Лет пять назад? Да уж не меньше!) отправить мать к врачу? Уговорить ее. Заставить! Нет, Никита отнесся к болезни матери с легкостью, все ее стоны и жалобы пропускал мимо ушей...

Да и сама Нина Филипповна хороша. Совсем не старая еще женщина. Сколько ей? Пятьдесят семь всего! И почему ее все считают пожилой, даже она сама, Рая, воспринимала всегда мать Никиты исключительно как пожилую женщину?.. Любовь Петровна и то старше, Раиной свекрови уже шестьдесят, но она же как огурчик, бодрячком...

Словом, Нина Филипповна еще далеко не в маразме, но она почему-то отказалась посещать врачей, вот и дотянула до того момента, когда боли стали уже невыносимыми и было трудно ходить. И тут вопрос: почему именно Олег теперь должен везти на себе проблемы, которые должны были решать в свое время Нина Филипповна и Никита? Причем решать в ущерб своей семье...

Конечно, тут можно сказать, что платная медицина лучше бесплатной. Нет же... Рая одно время, замещая старшую по дому, познакомилась со многими жильцами, наслушалась их рассказов. И сколько пожилых людей вокруг, оказывается, нормально ходили с новыми суставами, сделанными бесплатно... А кто-то и на платную

медицину жаловался. Дескать, не вылечили, а то и хуже сделали – такое тоже случалось. «Косяки» бывали и там и там. Словом, сравнивать платную и бесплатную медицину сейчас тоже не имело особого смысла, поскольку Нина Филипповна не пошла ни на тот, ни на другой вариант раньше.

Олег заказал Никите похороны по высшему разряду (сколько стоило место на том, весьма престижном, кладбище купить!). Потом, будет еще какая-то необыкновенная ограда, и уже позже – памятник, заказанный у известного скульптора... Все это Рая поняла из тех документов, что случайно попали ей в руки...

Зачем?

Вот почему не ограничиться просто хорошими, вполне *достойными* похоронами? Тем более муж – не нефтяной магнат. Далеко не олигарх. У него достаточно скромный бизнес, к тому же требующий много затрат и сил. Все эти штрафы, проверки... А не дай бог какое нарушение найдут – тогда закроют *всю* сеть. В любой момент Олег может разориться и стать должником! Так нет, он организует дорогие похороны и обещает Нине Филипповне, что ей сделают операцию в элитной клинике за полмиллиона (как следовало из найденных документов). Хотя можно, можно сделать тоже платно, но гораздо дешевле! Вдвое, а то и втрое!

Конечно, тогда чего тут удивляться, что Олег решил отложить рождение ребенка на несколько лет.

...Рая ночь не спала, размышляя обо всем этом, опять одна в спальне, и в какой-то момент осознала, что повлиять на мужа она не сможет. Он перфекционист, как уже упоминалось, благородный человек, у него чувство долга, он очень сентиментален и т. д. и т. п.

И, что плохо, он и дальше будет продолжать тратиться – в буквальном и переносном смысле – на *ту* семью. И никакая сила не заставит его измениться.

Поэтому какой тут может быть выход? Тут возможно лишь одно – поговорить с Ангелиной. Максимально деликатно, но попытаться ей объяснить ситуацию. Она должна понять, если нормальный человек. Если ей все как следует растолковать, то есть шанс, что она сможет остановить Олега в его безумных тратах.

Уж ее-то он точно послушается!

Это было озарение. Инсайт!

Ну правда, кто еще может повлиять на Олега? Только Ангелина...
На следующий день Рая отправилась к молодой вдове.

Предупреждать заранее о своем визите не стала. У нее было чувство, что Ангелина может ускользнуть от разговора. Она и раньше так делала, пропуская мимо ушей Раины вопросы...

Гораздо эффективнее явиться без предупреждения. Не примет ее молодая вдова – и ладно, можно будет договориться, уже лично, о следующей встрече.

...Рая набрала на панели входной двери комбинацию из цифр. Зазвенел зуммер, дверь открылась. Рая поднялась на нужный этаж, нажала на кнопку звонка.

Тишина. Потом дверь распахнулась. В проеме стояла Ангелина. В домашнем костюме – розовый вельвет и на нем – забавные утята. Девочка-девочка...

– Привет. Надо поговорить, – серьезно произнесла Рая.

Ангелина стояла, молчала и словно раздумывала. Выглядела молодая вдова прекрасно. Кожа как персик, ясные глаза, совсем не красные и не заплаканные, грива ухоженных белых кудрей – локон к локону. Настоящее платиновое руно. «Еще раздумывает! – вознегодовала Рая. – Олег столько денег на проблемы ее семьи потратил, а она еще думает – говорить со мной или нет...»

– У тебя есть время? – настойчиво переспросила Рая.

– Ладно, проходи, – пробормотала Ангелина, пропуская гостью в квартиру.

«Ладно, проходи, – мысленно передразнила Рая. – Ну что она за человек такой!»

В гостиной сели на кресла, друг напротив друга. Ангелина сразу же принялась разглядывать свои ногти. Так внимательно, словно не было сейчас ничего важнее.

– У меня проблемы. Вернее, у нас с Олегом, – спокойно начала Рая. – Хотя... Погоди, я хотела сначала сказать, что очень тебе сочувствую, правда. Потерять... потерять ребенка – это... – Она не договорила.

– Спасибо, – ответила Ангелина, продолжая архивнимательно исследовать свои ногти.

– Как ты вообще? Чем я могу тебе помочь?

– Нет, ничего не надо, спасибо.

– Я могу посидеть с Серафимой, если что... Где она, кстати? – оглянулась Рая.

– У бабушки.

– Да? Ну да... И как Нина Филипповна справляется, с ее коленом?

– Послушай. – Ангелина вздохнула, опустила руки и сложила их на коленях. – Ты что, проверять меня пришла?

– Нет. Давай откровенно, ладно? – устало произнесла Рая. – Ты в курсе, сколько Олег потратил на... на все?

– Нет.

– Он очень много потратил. Даже не буду тебе эти суммы называть. Еще он подарил тебе часть бизнеса, даже не посоветовавшись причем.

– Я ни о чем не просила, – равнодушно пробормотала Ангелина.

– Еще Олег собирается спонсировать операцию Нине Филипповне в самой лучшей клинике...

– Да не просила я его ни о чем! – с досадой воскликнула Ангелина.

– Тогда на будущее: откажись от всего того, что он еще будет тебе предлагать, – спокойно, мягко произнесла Рая.

– Он мне ничего не предлагал. Как я могу отказываться? – пожалала плечами Ангелина. – Я уже только перед фактом стою – он оплатил то-то и то-то. Что я могу сделать...

– Ну так не давай ему делать все за себя. Да, если не справляешься, если нужна помощь – тогда да, пожалуйста...

– Спасибо, – равнодушно ответила Ангелина. – Ты не помнишь, возможно, но я сразу после аварии в больницу попала... Это Олег все решал, все он устраивал.

– Хорошо. Это понятно. Сейчас уже все позади. И у меня к тебе просьба – не давай ему больше тратить деньги на вас всех. Иначе мы, мы с ним просто разоримся, понимаешь? И тогда уж больше никому не будет хорошо...

– Рая. Рая, Олег – твой муж. Ты ему и указывай, – опять пожалала плечами Ангелина. – Он что, к тебе совсем не прислушивается? Ну тогда это твои проблемы, не мои.

Ангелина раздражала Раю, да, это надо признать. Но, получается, в данном случае Ангелина была права...

– Он меня совершенно не слушает. Мое мнение его не интересует, – с трудом призналась Рая. – Я с тобой как женщина с женщиной хочу поговорить... Надеюсь, ты поймешь, о чем я. Я не собираюсь тебя обижать, лично к тебе я без претензий... Но ты пойми. У нас с Олегом до сих пор нет детей.

– И что? Я ничем не могу помочь тебе в этом вопросе.

– А я хочу ребенка. Очень. Но Олег – слишком ответственный человек, он все откладывает и откладывает... Мы с ним здоровы. Полны сил. Но нет, он должен сначала разгрести проблемы у друзей, а свои задвигает на потом. Вот и сейчас он мне заявил, что о ребенке мы будем думать года через два, или три. А мне уже сейчас тридцать три! Что, рожать под сорок? Это риск. И вообще, может ничего не получиться, люди с годами даже самое крепкое здоровье могут потерять. Какой-нибудь ранний климакс со мной приключится, кто знает!

Ангелина молчала, пристально разглядывая Раю. У Ангелины было удивительно хорошенькое личико, даже какое-то ненастоящее в своей прелести. И такое юное, цветущее! Действительно, личико ласкового ангела. Но эта молодая женщина словно не слышала Раю.

– Тебе сейчас тяжело. Ну вот и отвлекись. Попробуй найти работу, займись своими делами сама. Серафиму надо в сад – ну разве дело отдавать ее Нине Филипповне, которая еле ходит? Да, она твердит, что внучка ей в радость и жизнь продлевает, но у нее так от колена скоро ничего не останется, и тут уж даже никакая операция ей не поможет...

– Это ты типа мне советы даешь? – удивленно взмахнув длинными ресницами, спросила Ангелина.

– Да. Раз ты ничего сама не предпринимашь и все за тебя делает мой муж.

– И я должна оттолкнуть единственного человека, который мне помогает? Потому что у тебя скоро климакс или что там...

Рая опустила голову. Только сейчас она поняла, каким безнадежно-провальным было ее решение поговорить с Ангелиной. То, что вчера казалось единственно верным, неким инсайтом, сегодня обернулось бредом и глупостью.

– Ладно, пойду. Прости меня. Так, сама голову потеряла, не соображаю. Видимо, в той аварии мне мозги встрясло. – Рая поднялась. – Всего хорошего.

Рая ушла. Оказавшись на улице, отдышалась. Было стыдно, мучительно стыдно за все, сказанное Ангелине. А и что интересно... Ангелина либо бесхитростна и проста, словно ребенок, либо очень и очень умная молодая женщина.

Как все красиво сделала, и не придерешься! Это ж уметь надо – всего несколькими словами поставить своего собеседника в совершенно идиотское положение.

Причем Ангелина во всем права, кто спорит! Была бы она действительно такой бесхитростной – посочувствовала бы Рае, поняла бы ее мотивы. А то женщина женщину не поймет... И простит чужую глупость, ибо глупость Раи – от переизбытка желания стать матерью.

«Нет, нет, не надо себя оправдывать, это с моей стороны была конкретная глупость, к Ангелине никаких претензий – в том смысле, что я не имею права ей ничего указывать. Но хоть капельку милосердия, понимания ко мне, дура, с ее стороны? Хотя я и этого не имею права от нее требовать! У нее муж умер, выкидыш случился, а я, барыня, милосердия у нее требую... Нет, определенно, я совсем ку-ку стала на почве несостоявшегося материнства! И все же, все же, все же... Она дьявольски умна и хитра. Вот просто поразительно. Это особое умение – ни о чем не прося, заставляя людей помогать себе».

Рая сделала несколько шагов, потом остановилась: «Или мне все это кажется. И Ангелина – действительно простая, бесхитростная молодая женщина... А я ее просто демонизирую, приписываю невесть чего!»

* * *

В середине дня Олег получил сообщение от Ангелины: «Приезжай, надо поговорить». Он ответил: «Если что-то срочное, могу приехать прямо сейчас!» Ответ: «Нет, ничего срочного. Сегодня ко мне заходила Рая».

У Олега все внутри сжалось, он напрягся. Рая заявила к Ангелине, даже не посоветовавшись с ним? Зачем? Рая же не понимает, что с Ангелиной надо максимально бережно обходиться, а деликатность, скажем, не самая главная черта женушки. И что с Раей в

последнее время творится, даже не узнать ее... Стала злая, агрессивная, мелочная. Жадная!

Закончив с самыми важными делами, а второстепенные оставив на потом, Олег поехал к Ангелине. По дороге купил в кулинарии одного хорошего проверенного магазина кучу «вкусняшек» для Ангелины и Серафимы.

Ангелина открыла дверь.

– Ну, как ты? – поставив пакеты с продуктами, Олег обнял Ангелину, поцеловал в макушку. – Где Симочка, чего не бежит?

– Она у бабушки. Ох, сколько ты всего привез... – отчего-то расстроилась Ангелина. – Не надо. Не привози больше. И вот еще что. Ты же знаешь, у меня сейчас две дачи. Одна, которую Никита построил, и вторая от бабушки осталась.

– Так, и? – улыбнулся Олег.

– Я еще не могу ими распоряжаться, это только в начале октября возможно, когда я вступлю в наследство... Так вот, если я их продам, я смогу вернуть тебе деньги.

– Какие деньги? – испугался Олег.

– Которые ты потратил на похороны Никиты. Ну, и еще те, что ты собираешься заплатить за операцию Нине Филипповне.

Олегу стало не по себе. Мурашки пробежали между лопаток, скользнули вдоль позвоночника.

– Что за ерунда? Ты мне не должна ничего, – испуганно произнес он.

– Рая сказала, что я обираю вашу семью, – прошептала Ангелина, опустив голову. На ресницах задрожали слезы.

– Что-о?! Она так сказала?! – Олег схватился за голову. – Ну бред...

Он обнял Ангелину, прижал ее к себе.

– Все, все, не плачь. Ты ничего мне не должна. Это мое решение – помогать вам, и пусть Рая не считает моих денег. Не плачь. Я разберусь с ней!

Олег еще раз поцеловал Ангелину в макушку и выбежал из квартиры.

Сел в машину, через несколько минут уже звонил в свою дверь. Жена открыла ему.

– Ты, – Олег оттолкнул ее назад, заходя в квартиру. – Ты зачем Ангелину довела? Кто тебя просил являться к ней?

Рая смотрела испуганно и подобострастно. И это еще больше отвратило Олега от жены. Почему он не замечал раньше, какое у Раи всегда жалкое, просящее выражение лица?

– Ты была сегодня у нее? Ты просила Ангелину, чтобы она запретила мне тратиться на ее семью? Скажи?!

– Д-да... – прошептала жена.

– Тварь, – выдохнул Олег. Ему очень хотелось ударить Раю, со всего размаха залепить ей затрещину, но он сдержался. Секунду он раздумывал, а потом выскочил прочь из своей квартиры, шарахнув дверь. Он физически не мог находиться рядом с женой.

Выбежал на улицу, сел в машину... И поехал к Ангелине. Надо было успокоить ее, ведь они так и не договорили.

– Привет... это опять я, – сказал он Ангелине, когда та открыла ему дверь. – Можно?

– Зачем ты спрашиваешь, – улыбнулась она печально, едва-едва, лишь уголками губ. – Ты – единственный, кто меня не оставил.

Ангелина прошла в комнату, легла на диван, закрыла лицо локтем.

– Не обращай внимания, чего-то... не по себе мне как-то, – пробормотала она.

– Доктора? Сейчас вызову!

– Нет, нет. Просто... даже не знаю. Ужасное состояние. Я полдня думала, где мне достать деньги для тебя.

– Ты всерьез думала об этом? – Олег был шокирован. Он осторожно присел на краешек дивана рядом с Ангелиной. – Милая, это ты зря. Тебе надо было сначала со мной поговорить, а не слушать мою жену. Рая в последнее время просто с цепи сорвалась.

Ангелина молчала. Олег взял ее руку в свои, перевернул ладонью вверх и поцеловал прямо туда, в сплетение линий судьбы. И почувствовал, как внутри него все тоже перевернулось.

Зачем лгать себе? Он влюбился в эту девушку, когда увидел ее в первый раз рядом с Никитой. Но, конечно, он никогда не позволял себе ничего лишнего – это ведь девушка лучшего друга.

Думал, что это не любовь, а так, увлечение. Восхищение красотой, находящейся рядом. Любовался. Умилялся. Удивлялся. Иногда забывал на время, когда долго не видел ее, а потом, стоило

только столкнуться с Ангелиной в компании с Никитой, разумеется, то каждый раз испытывал нечто вроде солнечного удара.

Рая терпеть не могла Ангелину, поэтому такие встречи случались редко. Но когда все же случались, еще долго после того Олег вспоминал каждую подробность тех встреч.

Свадьба Ангелины и Никиты – чудесное событие, после которого Олег тоже не сразу отошел. И горько. И радостно. Он желал своим друзьям счастья и никак не показывал своих истинных чувств. Потом Ангелина ждала ребенка, потом – появление маленькой Серафимы... Чем дальше, тем несбыточней становились мечты Олега об этой чудесной девушке.

Рая все время твердила о детях – но это так скучно. Олегу казалось, что он никогда не полюбит детей от Раи. Просто потому, что это будут не дети Ангелины. Развестись с Раей? Олег иногда думал об этом, но как-то не всерьез. Его любовь к Ангелине почему-то не пересекалась с привязанностью к Рае. Смысл разводиться, если все равно не получишь желаемое? Уж лучше не рушить то, что создавалось годами и десятилетиями.

Смерть Никиты перечеркнула все.

Олег поначалу и не думал о том, что уход лучшего друга в мир иной открывает ему дорогу к сердцу любимой девушки. Нет. Олег просто делал в те дни, что должно. Ну, конечно, он испытывал чувство вины перед Никитой и старался, чтобы похороны и помощь членам его семьи выглядели бы значимыми и достойными. Искушал тем самым свою тайную страсть? Наверное. То, что Ангелина ждала очередного ребенка от Никиты, Олега совершенно не смущало. Он априори готов был любить всех детей Ангелины, от кого бы они ни были.

И точно так же он переживал вместе с Ангелиной, когда та потеряла второго ребенка. Зачем-то поначалу скрывала это – милая, чистая. Не хотела опять напрягать его заботой о себе. Но потом, конечно, не выдержала, позвала...

Олег не мог ей признаться в своих чувствах. Стыдно как-то – у нее двойное горе, а он к ней подкатывает. Лучший друг семьи, называется.

Но сейчас, когда Ангелина лежала перед ним на диване, расстроенная и несчастная после Раиной выходки, Олег не смог

сдержаться. Поцеловал ладонь любимой женщины – и все, «поплыл», что называется.

Он целовал ее ладонь, точно безумный. Ладонь, затем с другой стороны, где косточки – каждую, и каждый палец тоже, каждую фалангу по отдельности... Облизал, почти всосал в себя... Целовал и целовал ее руки, лизал и мял их губами, в ужасе от самого себя. Потом опомнился...

Потому что Ангелина застонала. Он поднял голову, всмотрелся в ее лицо. Она кусала губы. Тяжело дышала. Потом прошептала едва слышно:

– Да.

– Можно?

– Да, да...

– Это ужасно, да? Это плохо?

– Не знаю. Но я всегда... только о тебе... все эти годы... а нельзя... – пробормотала она.

Из ее бессвязного бормотания Олег понял, что, Ангелина, оказывается, тоже испытывала к нему нечто подобное. Это открытие просто ошеломило Олега. Он расстегнул «молнию» на ее забавной кофточке. Под ней – ничего. Прижался пылающей щекой к ее маленькой круглой груди. И почувствовал, что Ангелина тоже расстегивает на нем рубашку. Ремень. Короткий шорох другой «молнии»

– А-а... – застонал он, изгибаясь, когда почувствовал на себе ее руки. Также принялся стягивать с Ангелины кофточку, эти брючки. Она – вся горячая, влажная. Раскрытая.

Что было дальше, Олег уже не помнил. Словно во сне все происходило. Так хорошо ему еще никогда не было. И главное, оказалось, что Ангелина этого тоже хотела.

...Дрожа, сцепившись намертво, они долго лежали неподвижно, храня в себе последние искры только что произошедшего «фейерверка».

Потом Олег чуть отодвинулся и принялся разглядывать Ангелину с нежностью и удивлением. Теперь это была *его* женщина. И сразу так ясно, так просто вдруг стало. Словно этой близостью они разрубили тот гордиев узел, что не удавалось расплести целые годы.

– Я всегда любил тебя. Только тебя, ты знаешь?

– Нет. Но я... я тоже любила тебя. Это плохо?

– Это жизнь, милая. И она продолжается.

Вечером Олег вместе с Ангелиной поехал к Нине Филипповне – за Серафимой. Девочка привычно обрадовалась «любимому дяде Олежке». Повисла на нем, вцепившись ручками, потом положила ему руку на плечо и уснула.

Ангелина улыбнулась, глядя на них обоих. Поболтали с Ниной Филипповной. Олег сообщил матери покойного друга, что операция по замене коленного сустава назначена на ближайшие дни и пусть Нина Филипповна ни о чем не волнуется.

Затем Ангелина кое-как одела сонную девочку, и они ушли. Конечно, о своих, только что начавшихся отношениях несчастной женщине не сообщили. Зачем? Потом, все потом.

Поехали опять к Ангелине домой, уложили Серафиму спать. А сами ночью не спали, жадно наверстывая то, чего были лишены столько лет. Возможности открыто и полноценно любить друг друга...

Утром Олег проснулся и сказал Ангелине, едва открывшей глаза:

– Я решил. Ухожу от Раи. Все, с прошлым покончено. Хочу быть с тобой. У тебя. Ты согласна?

– Да, – не раздумывая, ответила она.

– Чуть позже разберемся с квартирным вопросом, я не собираюсь становиться примаком, – усмехнулся Олег.

– Все узнают. О нас...

– И что? Тебя волнует мнение других людей?

– Нет! – безмятежно улыбнувшись, потянулась Ангелина. Ее улыбка – словно солнышко вошло над миром.

– Маме скажу. Она обрадуется.

– А вдруг Любовь Петровна осудит меня?

– Ну что ты, она тебя тоже обожает!

Позже Олег поехал к матери.

Та сидела дома перед большим монитором и, смешно сдвинув очки на кончик носа, пыталась заказать себе какие-то туфли на лето в интернет-магазине. Стучала прямыми пальцами по клавиатуре.

– Вот, в отзывах пишу, что «большемерки»... Это значит, мне на мой тридцать пятый надо тридцать четвертый заказывать, а, Олежек? А у них нет тридцать четвертого!

– погоди, мам, со своими туфлями. Есть серьезный разговор. Ты только не пугайся.

– Ой, уже боюсь!

– Мама! Ну ладно, не буду тянуть. Короче, я решил уйти от Раи. Что ты об этом думаешь?

Мать сдвинула очки к переносице, пожевала губами. Потом изрекла:

– Твое дело. Когда и в чем я тебе перечила, сыночка. Надо так надо.

– Мам, это еще не все. Я ведь не просто решил уйти от Раи. Я уйду к Ангелине.

– Да ну?! – встрепенулась мать, с изумлением уставилась на Олега поверх очков. – У нее ж ребенок.

– Ничего не имею против Серафимы. Она чудесный ребенок.

– Ох, ну все-таки чужие дети... ты опять решил взвалить на себя ответственность... Если честно, я не в восторге от твоего решения. Тянуть на себе вот это все... с другой стороны, я и Раю никогда особо... не понимала я ее. Ну да, как-то не понимаю я ее, и все, – задумчиво повторила мать.

– Так ты меня благословляешь или нет, мам? – шутливо спросил Олег.

– Да делай ты что хочешь, сыночка, – всплеснула руками мать. – Ты ж мое сокровище. Красавец. Умница. Орел! Что хочешь, то и делай, я всегда тебя поддержу, ты же знаешь, – она звонко чмокнула Олега в лоб. – Да, у вас Ангелиночкой... все серьезно?

– Более чем, – коротко, деловито ответил Олег.

* * *

Кажется, муж рассердился на нее всерьез. Узнав, что Рая действительно ходила к Ангелине, толкнул жену, накричал на нее и ушел, хлопнув дверью. Ночью так и не явился, наверное, остался ночевать у матери.

Рая опять не спала до утра, вертелась в кровати, точно на раскаленной сковородке. Она злилась на саму себя, на Ангелину, на мужа... Она не понимала, как это все произошло и что дальше делать.

На следующий день муж тоже не пришел домой и сбрасывал все Раины звонки.

На третий день Рая отправилась прямиком к свекрови. Кажется, семейная ссора слишком затянулась, такого раньше никогда не случалось. Если они и ссорились с Олегом, то почти сразу мирились.

...Любовь Петровна на этот раз фланировала с тележкой по большому супермаркету неподалеку от своего дома. Рая нашла ее перед одним из стеллажей. Свекровь с напряженным лицом читала то, что было написано на какой-то баночке.

– А, Рая... Прочитай-ка, есть в составе глутамат натрия?

– Что? А... – Рая всмотрелась в убогий текст. – Да, есть.

– Вот ироды... А что ты вдруг опять ко мне? – хитро спросила Любовь Петровна.

– Олег третий день дома не ночует. Мы поссорились. И главное, он имел полное право на меня обидеться, я вела себя как дура, наворотила дел...

– Это хорошо. Ой, я в том смысле, что раскаяние – это уже полдела. Теперь тебе надо как-то объясниться с Олежекком.

– Думаю, он очень зол на меня, – призналась Рая.

– Кто из нас не совершал ошибок, – вздохнула свекровь. – Ты еще молодая, горячая. Рубишь сплеча. Да и Олежек тоже очень принципиальный! Но – я тебе скажу по секрету – все мужчины такие... Вот эту баночку достань мне с верхней полки, а?

Рая достала очередную банку со стеллажа, протянула ее свекрови.

Они медленно бродили между полок, набирая тележку, и беседовали. Любовь Петровна долго и подробно «учила» Раю семейной жизни. Раньше эти советы показались бы Рае довольно смешными и устаревшими, но теперь она внимательно вслушивалась в речи свекрови.

– ...сломать все легко, а вот попробуй починить! Ты, Раечка, мне кажется, мало ценила Олежека.

– Это правда.

– Ведь посуди сама – где ты еще такого мужчину найдешь?

– Нигде.

– Ну так слушайся его, береги. Мудрее надо быть...

Этот разговор успокоил Раю.

Она вернулась домой – опять никого. Вышла на лестничную площадку, полила цветок, что стоял напротив лифта. Вернулась в квартиру. Других дел себе не придумала и тогда снова позвонила мужу. Нет ответа. Тогда Рая позвонила в офис, где Олег обычно находился. Секретарь ответила, что «Олега Николаевича нет на месте, вероятно, он с инспекцией в одном из магазинов».

Рая подумала-подумала и решила съездить к Ангелине. Ведь муж довольно часто навещал ту. Ну, и потом, надо еще раз извиниться перед Ангелиной. Действительно, она, Рая, как-то скверно с той поступила, наговорила невесть чего...

Рая вышла на остановке, которая находилась как раз недалеко от дома Ангелины, и решила на этот раз срезать путь. Короткая дорога шла через крошечный сквер, весь заросший кустами сирени. До цветения было еще далеко, на ветвях едва пробивалась из почек листва. Создавалось впечатление, что куст окутан нежной зеленоватой дымкой...

Дальше, за кустами, – детская площадка, сбоку от которой – расчерченный разделительными полосами асфальт, там обычно жильцы дома парковали свои машины.

И вдруг Рая увидела машину мужа. Тот как раз вышел из нее. Обошел, открыл заднюю дверцу, помог выйти Ангелине. Затем полез внутрь и уже через минуты вытащил из салона Серафиму в хорошеньком ярко-розовом комбинезоне. Чмокнул девочку в лоб, поставил на асфальт.

Серафима радостно взвизгнула, помчалась на детскую площадку. И там принялась кататься с небольшой горки, той, что именно для малышей.

На какое-то время Рая «зависла», наблюдая за девочкой, потом вздохнула и перевела взгляд на Ангелину с мужем. И едва не упала от неожиданности, словно кто-то толкнул ее с разбега в грудь. Эти двое – муж и молодая вдова – целовались взад-вперед. Так, как целуются любовники – зажмурившись и забыв обо всем на свете. Какая дружба, какое покровительство, какая еще забота о несчастной женщине, оставшейся одинокой... Страсть. Такая страсть, которой у Раи давно не было с мужем. Нет, они регулярно занимались любовью, но этот быстрый и схематичный супружеский секс ничем не напоминал то, что сейчас творилось на парковке.

В одно мгновение Рая осознала, что муж и Ангелина – любовники и именно у Ангелины муж провел последние дни.

– Сима! Симочка, пошли домой! – оторвавшись от губ Ангелины, ласково крикнул Олег, повернувшись к детской площадке.

– Симка! – строго крикнула Ангелина. – Ну-ка, живо сюда!

Серафима опять радостно взвизгнула и, скатившись с горки, побежала к матери. Вернее, к Олегу. Обняла с разбегу его колени, захохотала. Затем Олег, держа одной рукой девочку, а другой обнимая ее мать, зашагал к подъезду.

Рая выскочила из-за кустов и закричала срывающимся голосом:

– Стойте!..

О, какое лицо было у мужа, когда он обернулся. Вовек Рае не забыть выражение его лица...

Рая бежала к ним, и все внутри нее kloкотало от ярости и горя.

– Ты... Ты – с ней? Вот оно что... Траур, траур? Ха-ха! Никита еще там, в гробу, даже разложиться еще не успел, а вы уже совокупляетесь, да... А ведь ты сука, ты сука, Ангелиночка, хитрая похотливая сука...

Рая даже не знала, что она способна говорить подобное. Но вот способна, оказывается.

– Иди домой, я скоро, – Олег подтолкнул Ангелине девочку, а сам бросился к Рае. Схватил ее, словно котенка за шкурку, и потащил к своей машине. Затолкал в салон, сел за руль, надавил на педаль газа.

Они ехали, а Рая рыдала.

Остановились перед домом. Олег припарковался, выдернул Раю из машины, потащил за собой. Открыл дверь, затолкал Раю в прихожую, шагнул следом.

– Какой же поганый у тебя рот, а я даже и не подозревал, – мрачно произнес муж. – Вот ты и показала свое истинное нутро, дорогая.

– Я? – давясь рыданиями, Рая испытала новый приступ ярости. – Это ты... не словами, а поступками... показываешь... свое нутро! Лучший друг... а сам его вдову трахаешь, месяца не прошло после его смерти...

– Заткнись. С чего ты взяла... такое?

– Ах, между вами с Ангелиной ничего нет, да? Мне это все показалась, эти поцелуи взасос? Вы как друзья, значит... Ну так поклянись, что между вами ничего не было!

– Клянусь, между мной и Ангелиной ничего не было.

– Здоровьем Серафимы поклянись!

Олег молчал.

– Было. Значит, было! – схватилась за голову Рая.

– Ну да, было, – вдруг спокойно произнес муж. – Тебе нужны подробности? Нет, ты их не узнаешь. Единственное, что ты должна знать – это то, что я ухожу от тебя. Пока проживу у Ангелины, дам тебе возможность съехать отсюда. Это же моя, добрачная квартира, у тебя на нее никаких прав. А ты поезжай к себе, в свою квартиру. Там никто не живет, я сколько лет за коммуналку там платил... – Олег помолчал. – Я очень много сделал для тебя, Раечка. Но ты этого не ценила. Ты сама все разрушила – своей грубостью и своей глупостью. Ну и живи одна...

Раина ярость вдруг куда-то исчезла, на ее место пришло отчаяние.

– Ты хочешь уйти от меня?

– Да, завтра подам на развод. И разведут нас очень быстро, поскольку детей у нас нет. И ты, пожалуйста, не сопротивляйся, это окончательно и бесповоротно решено.

У Раи ноги подкосились. Она упала на колени, обхватила ноги Олега.

– Не уходи... – с ужасом выдохнула она. – Пожалуйста. Умоляю.

– Рая, нет. Всё.

– Я скажу твоей маме...

– Моя мама все знает. Я говорил с ней вчера, она одобряет мой выбор и вообще все мои действия.

– Как – вчера? Я с ней встречалась сегодня, она советовала мне измениться, быть добрее и ласковей... Так Любовь Петровна знала?! Эта старая перечница... она – знала?! И устроила передо мной спектакль с добрыми советами?

– Рая, и не вздумай беспокоить мою маму, – холодно произнес муж. – За маму я тебя просто порву.

Он попытался оттолкнуть Раю, коленом задел ей по губе. Рая опять почувствовала этот противный вкус крови во рту, отшатнулась назад. Олег ушел.

А вечером вдруг позвонила Нина Филипповна и с едва сдерживаемым ликованием заявила, чтобы Рая «вела себя как умничка», потому что она – сильная. И переживет уход мужа. А вот

Ангелиночка слабая и не может быть одна. А у нее, Нины Филипповны, новая жизнь. Теперь у нее есть новый сын – Олег. И их семья еще больше, еще крепче.

– Вы тоже... знали? – спросила Рая. – Что Олег – с Ангелиной?

– А вот только что узнала, мне Любочка звонила. А Любочке Олежек перед тем звонил и пожаловался на твое поведение, попросил Любочку не открывать тебе дверь и не встречаться с тобой, потому что ты на людей бросаешься, – голосом праведника произнесла Нина Филипповна.

Рая не стала ее слушать и нажала на «отбой».

* * *

...После того как у Раи прошел первый, самый мучительный, приступ горя и чуть утихли рыдания, она, словно по мановению волшебной палочки, вдруг увидела свое будущее. Бесперспективное и мрачное.

Рая ужаснулась. И захотела умереть, потому что не обнаружила никакого смысла в дальнейшей жизни. Зачем вот это все... Зачем бессмысленно барахтаться, чтобы что – потом? Дальше ведь ничего не будет. Ничего нового, интересного, необыкновенного. Да, конечно, тридцать три года – это еще молодость, и вроде как полагается надеяться на лучшее, на какие-то там перемены...

Но Рая не хотела перемен.

Она всю жизнь, с детства, сколько себя помнила, видела перед собой только Олега. У нее не было других мужчин, других отношений. Она не представляла, как это возможно – поцеловаться с каким-то посторонним дядькой. Фу, гадость. А уж лечь с кем-то там в постель... Это невозможно.

И вот еще какой момент. Где найти достойного партнера в наше-то время? Олег был единственным мужчиной, на которого можно реально положиться во всем. Других Олегов нет, как показали Рае наблюдения.

Если Олег ушел, то это значит, что Раина «женская» жизнь закончена.

Ну это ладно, допустим, не катастрофа. Сколько Рая встречала одиноких, без пары, женщин, которые ничуть не страдали от своего одиночества... Наоборот, эти женщины чувствовали себя свободными, занимались тем, что им интересно, и даже детей без мужа рожали. В конце концов, сейчас XXI век, и не обязательно иметь полную семью, чтобы чувствовать себя в безопасности. Это раньше, лет сто назад, без поддержки мужа нельзя было выжить одной, а сейчас-то что беспокоиться...

Нынче даже ребенка без партнера можно родить – с помощью донорского семени.

Но это опять же не про Раю. Одинокие женщины привыкли к тому, что они одиноки, и потому особо не страдали, выбрав этот способ жизни.

Рая же всегда была с Олегом. Одинокая жизнь ей, именно ей, не принесет никакой радости. Лишь привычку, в лучшем случае. В общем, это про выживание, и только.

Нет, ладно, ладно, допустим. Можно напрячься, смириться с мыслью, что все, теперь только сама-сама, и рано или поздно исполнить свою мечту – родить ребенка. От загадочного донора, например, сделав инсеминацию в специальной клинике или что там еще делают...

А что потом? Как Рае поднимать ребенка дальше? Ведь никого рядом. Если бы хотя бы была жива мамочка... Но никого. И близких подруг тоже. Так, приятельницы, которые не побегут ей помогать в трудных ситуациях.

А если с Раей что случится? Болезнь, авария, кирпич с крыши... Ребенок станет сиротой. Нет!!! Представить родного малыша одиноким, без ласковых материнских рук, без материнской любви... плачущего...

Ни-ко-гда.

Рая настолько любила своего будущего ребенка, что просто не в силах была обречь того на круглое сиротство. Так что ребенок в отсутствие надежного и ответственного мужчины рядом, именно в конкретной Раиной ситуации, полностью исключается.

Да, и еще одна причина, по которой Рая не смогла бы одна поднять ребенка... Ее тревожность. Ее страхи. Говорят, у родивших женщин они особенно усиливаются. Рая с ее характером и вовсе

сойдет с ума в буквальном смысле, если решится на ребенка. Она сожрет себя переживаниями (беспокоясь из-за всего: и из-за серьезных проблем, и из-за мелочей даже), и ей никакие антидепрессанты и прочие таблетки не помогут. И опять пострадает ребенок – рядом с безумной мамашей!

А кстати, и финансовый вопрос тоже не обойти стороной... Рае за ее переводы платили деньги, но весьма скромные. Да, она хороший специалист, ее ценят, она все делает легко, быстро, точно... Много плюсов, да-да-да, не надо ездить куда-то, нет начальства, свободный график... Но профессия переводчика – уходящая. Скоро она совсем исчезнет, программы полностью заменят людей. Да и самих людей, знающих несколько языков, неплохо пишущих, излагающих тексты вполне достойно, тоже много. Конкуренция то есть.

А искать в зрелом возрасте новую профессию, да еще с ребенком на руках... Тоже нелегко.

И вообще. Вроде бы, ну, ничего страшного, если посмотреть на Раину ситуацию со стороны – подумаешь, муж бросил. Было бы хуже, если бы бросил, оставив ее без средств, без своей жилплощади, да еще когда у нее со здоровьем проблемы вдруг были, – вот тогда действительно ситуация невыносимая. Но Рая же, в ее нынешнем положении, никаких серьезных потерь после ухода мужа не несет. Она точно не пропадет, имея свое жилье и возможность заработать на кусок хлеба. Рая – физически здоровая, руки-ноги у нее на месте. Да, но, с другой стороны, и свою мечту – родить ребенка – она тоже не осуществит, не рискуя чем-либо.

Значит, ей придется просто доживать. Да, да, доживать свою пустую жизнь, как старый хлеб догрызать – просто потому, что ничего другого из еды нет. Вот такое ее ждет будущее. А там, лет через двадцать или тридцать, кстати, виток новых проблем, с которыми сталкиваются одинокие пожилые люди.

Конечно, пессимизм нынче не в моде, но, с другой стороны, и жизнь легче не становится.

И чудеса тоже случаются, справедливости ради напомнила себе Рая. Однако сама себе и возразила тут же: жить с надеждой на чудо, на это самое «авось» очень неразумно.

Так что никакого смысла жить дальше. Зачем? Все приводят в назидание ту притчу о двух лягушках, попавших в крынку с молоком.

Одна сразу утонула, другая долго барахталась и взбила молоко, превратив его в масло. Тем самым выбралась, поскакала себе дальше. Жажда жизни. Нет, уж лучше сразу успокоиться и не тратить силы на бессмысленное шевеление лапками. Ну чего добились та бодренькая лягушка? Только того, что обратно вернулась в свою лягушачью жизнь. В свое болото. Было бы понятней, если бы лягушка боролась за какие-то новые необыкновенные условия жизни... Вот и Рая. Зачем ей барахтаться? Чтобы уныло доживать в своем одиноком болоте, без всякого просвета? Хотя, конечно, есть смысл кое-что сделать еще. Напоследок, возможно.

...Рая на следующий день отправилась искать встречи с Любовью Петровной. Именно к свекрови у Раи сейчас возникли самые большие претензии. Почему та лгала ей, уже зная, что Олег сошелся с Ангелиной?.. Это подло, и Любовь Петровна, эта хитрая лиса, должна понять, как гадко она поступила!

Рая была уже в курсе, что просто так свекровь на разговор не вызвать. Любовь Петровна начнет прятаться, если названивать ей по телефону, барабанить в дверь. Поэтому надо просто выследить эту женщину, дожидаться того момента, когда мать Олега отправится в магазин или на прогулку.

Примерный распорядок дня своей свекрови Рая знала.

Рая заняла удобный пост для наблюдения – во дворике рядом с аркой. Жильцы того дома, где обитала и свекровь, чтобы попасть на улицу, выходили из подъезда и направлялись именно к арке... Ну, а дальше уже шли, куда кому надо.

В первый день поймать Любовь Петровну не получилось – верно, та вовсе решила не выходить из дома, а вот на второй все сложилось удачно.

Рая, сидя на лавочке под навесом, увидела издалека канареечно-желтую знакомую куртку. И возликовала – получилось!

Любовь Петровна, судя по всему, отправлялась на прогулку в парк, из-под мышки у нее торчали специальные палки для ходьбы. Рая позволила свекрови пройти и побежала за той, прячась за деревьями. Торопиться не следовало: если спугнуть пожилую женщину, то она сразу же убежит домой, попробуй ее удержи, а вот в парке Олегова мама никуда не удерет.

Так оно и получилось. В парке Рая выскочила из кустов перед Любовью Петровной на безлюдной дороге и перегородила ее, встав руки в боки.

– Раечка... – кисло произнесла свекровь. – Добрый день. Что ж ты без предупреждения... Ты меня сейчас напугала.

– Мне надо поговорить с вами, Любовь Петровна.

– Знаешь, я вспомнила, что, кажется, утюг забыла выключить...

– Да за что же вы так со мной... Вы же меня сколько лет, даже не лет, а десятков лет знаете... – с горечью произнесла Рая.

– Я все понимаю, но ты сейчас не в себе, я слышала, – нахмурилась свекровь. – Вот успокоишься, тогда и поговорим.

– А что я сейчас – не спокойна? – пожалала плечами Рая, стараясь ничем не выдать своего волнения. – Ну да, когда я на днях увидела своими глазами, как Олег целуется с Ангелиной, я раскричалась, расплакалась... Разве это ненормальная реакция? А как еще должна себя вести женщина, которая после стольких лет брака застаёт своего мужа с любовницей?

– Но оскорблять, говорить страшные слова...

– Любовь Петровна, у меня случился тогда шок. У вас в подобной ситуации его разве бы не было? Попробуйте представить себя на моем месте, – рассудительно произнесла Рая, хотя, на самом деле, у нее внутри все кипело.

– Ладно, давай поговорим, – подумав, согласилась свекровь. – Что ты хочешь от меня услышать?

– Ну, я всегда относилась к вам как к родной матери. И вы это знаете. Я всегда любила и уважала вас.

– Да... – вздохнула свекровь. Они пошли по аллее рядом. – Хотя между нами существовало и непонимание.

– Но мы никогда не ругались, – напомнила Рая.

– Да, да...

– Даже между матерью и дочерью случаются конфликты, я же вела себя всегда сдержанно, если помните.

– Так у меня вообще очень покладистый характер, я ни с кем не конфликтую! – усмехнулась Любовь Петровна, методично вышагивая по асфальтовой дорожке и равномерно стуча палками.

– И я вам за то благодарна. Кроме того, я всегда была на вашей стороне в ваших конфликтах с Олегом...

– Не было у нас с Олежеком никаких конфликтов!

– Да как же это, а по поводу того шкафа для прихожей или из-за мошенников, которые якобы из косметологического центра? А как Олег начал кричать на вас, когда вы в очередной раз открыли жуликам, которые тоже якобы меняют водосчетчики? Я тогда его просто увела от вас...

Любовь Петровна насупилась, ничего не ответила.

Рая продолжила:

– Именно я советовала Олегу, что вас необходимо отправить в Кисловодск, отдохнуть. В прошлом году Сочи – тоже моя идея. И потом он собирался купить путевку на июль, а я настояла на начале сентября, тогда и море теплое, и народу меньше, и жара не столь мучительна. Все медицинские обследования и центры – это после моих напоминаний Олегу. Я, именно я помнила о том, какие подарки и покупки вам требуются. Кто все эти подарки покупал, которым вы так радовались и хвалили, он? Нет, это мои идеи, мой выбор! Не вмешивайся бы я во все это, он бы вас завалил дурацкими напольными вазами по сто килограммов или духами с запахом клопомора! Чем дороже, тем быстрее мухи в округе от них дохнут...

Любовь Петровна продолжала молчать и хмуриться.

– А он ведь иногда злился, сердился на вас. И я его утихомиривала, – мстительно продолжила Рая. – Таким идеальным сыном он стал после моих просьб и наставлений.

– Раечка, ну уж не придумывай... – недовольно запыхтела свекровь.

– Я ничего не придумываю, я говорю как есть. А все почему? Моя мама умерла, и вы стали мне второй мамой... Я, например, твердо сказала Олегу, что никогда не позволю сдать вас, например, в дом престарелых. Я была готова вас выхаживать своими руками – в случае болезней или там деменции...

– Я что, в деменции?

– Нет, сейчас вы в прекрасном состоянии, потому что это я посоветовала Олегу показать вас в том медицинском центре, где проблемы с памятью лечат... Помните, вы вдруг слова стали путать и забывать? Ваше ясное сознание и хорошая память сейчас – полностью моя заслуга тоже! Мне доктор там говорил, что я молодец, что заранее о вас побеспокоилась, а не тогда, когда бы вы стали забывать свое

имя... Потому что это необратимые процессы в мозгу – чем раньше пошел за помощью к доктору, тем быстрее остановил их!

– Ну здрасте, нет у меня никакой деменции, не наговаривай на меня! – обиделась свекровь.

– Естественно, я бы не допустила у вас развития деменции! И вообще я не о том... Вот возьмем Ангелину... – Рая уже не в силах была остановиться, говорила и говорила возбужденно. – Я ведь ее хорошо изучила. Она ради вас и пальцем не пошевелит, вы в курсе? Заболеете – и Олегу придется для вас сиделку нанимать, чужую тетку из ближнего зарубежья, потому что наших попробуй найди, не соглашаются они на тяжелую и неквалифицированную работу... Нет, я ничего против гостей из ближнего зарубежья не имею, но вам-то тогда уже и словом не с кем будет перемолвиться! Будете валяться в кровати, на антипролежневом матрасе, и пялиться в потолок!

– Рая, прекрати!

Свекровь почти бежала, а Рая – за ней.

– Уже не дождетесь ни поездок, ни подарков, ничего. Ангелине плевать на вас, ей на всех плевать, она вон и с Серафимой своей кое-как себя ведет, я видела, вся забота о ребенке на Никите была... Она жадная. Я больше чем уверена: она запретит Олегу давать вам деньги.

– Да с чего ты так уверена?! – завизжала свекровь.

– А с того! – торжественно заорала Рая. – С того, что она уже часть Олегова бизнеса под себя подгрребла... Забыли?

– Так это подарок Олега!

– Ага! Как же! Это ловкая манипуляция с ее стороны! Она же мошенница – те тоже вроде ничего не просят, им сами все отдают...

– Рая, уйди от меня! Что ты на меня орешь!

– А кто вам еще правду скажет, – мстительно захохотала Рая. – Эта Ангелина свою дочурку на Олежека вашего уже повесила. У него теперь две страсти – Ангелина и Серафима, а вы, дорогая Любовь Петровна, побоку!

Свекровь остановилась. Попыталась отдышаться. Потом, все еще задыхаясь, произнесла:

– А с чего ты взяла, Раечка, что я должна тебя сейчас слушаться? Мне ведь, как матери, все равно, что там со мной будет, лишь бы сыночка мой был счастлив. Как он скажет, так и будет. Ты что, так и не поняла? – лицо свекрови вдруг побагровело. – Я всегда, всегда на

стороне сына! Какая бы распрекрасная у меня невестка ни была... Что мне ты, что Ангелина... Чужие люди. А вот Олежек – это мое *всё*.

Рая не ожидала такого ответа. Схватила за голову:

– Погодите... Я – вам – чужая? Столько лет я рядом с вами и чужая?!

– Конечно, чужая. Даже если б ты меня на руках носила, и то бы чужой осталась! Ты мне никто. Олег с тобой разведется – я тебя через день забуду. С Ангелиной потом расстанется – и ее забуду тоже. У меня есть только мой сын, а на остальных мне плевать с высокой колокольни!

Любовь Петровна вдруг затряслась, палки для ходьбы выпали из ее рук, глаза почти выкатились из орбит и не мигали.

Только тогда Рая поняла, что происходит что-то не то. Подхватила Любовь Петровну под руку, усадила на скамейку неподалеку.

– Что надо? Воды? Позвонить в «Скорую»?

– Ничего не надо, – сквозь зубы выдавила из себя Любовь Петровна. Отдышалась, чуть побледнела. – Отлегло немного.

– Любовь Петровна...

– Пошла вон отсюда, – сказала та, уже окончательно придя в себя. – Все, мне легче, ничего не надо. Только убирайся.

– Я до дома вас...

– Убирайся, я сказала.

Рая побрела прочь из парка. Вышла за ворота и расплакалась. Опять что-то не то получилось из ее затеи! В первую очередь из-за того, что опять сглупила, начав выяснять отношения с немолодой уже женщиной, матерью Олега, во вторую – что, оказывается, она, Рая, чужая Любви Петровне. Ее просто терпели, как мебель. Она никто и ничто.

Был ранний вечер. Рая сидела дома, на диване, неподвижно уставившись в пространство, и вдруг услышала, как поворачивается ключ в замке входной двери. Через секунду в комнату ворвался Олег.

Бледный, волосы взъерошены.

Подскочил к Рае и с размаху влепил ей пощечину. Да так, что она потеряла равновесие, отлетела на другой конец дивана и только чудом не упала на пол.

– Это тебе за маму, – сквозь зубы произнес он.

– За что...

– За маму, я сказал! У нее сейчас давление сто шестьдесят на сто десять!

«Это лишь немного повышенное, для ее возраста – нормально», – хотела сказать Рая, но сдержалась. Начала о другом:

– Ты бы знал, что она мне говорила... твоя мама...

– Молчи! – прошептал Олег, теперь уже белый весь, точно бумага. – Еще слово, и я точно тебя убью. Чтобы больше к моей маме не подходила, поняла?

Он ушел из комнаты, хлопнула входная дверь.

Некоторое время Рая лежала, оцепенев. А потом в ней опять начал нарастать гнев, с которым она не могла справиться. Попыталась успокоиться – но только хуже стало.

Ангелина. Это же все из-за нее, из-за Ангелины.

Рая вскочила, бросилась в прихожую, быстро накинула на себя плащ, выбежала из дома и сразу побежала на автобусную остановку. Автобус подъехал быстро. Рая села, забыв оплатить проезд. Вышла на нужной остановке, помчалась через пустырь... И увидела Ангелину на детской площадке. Та стояла, болтала с какими-то женщинами, вероятно, другими мамочками. Даже не замечая, что какой-то мальчик на площадке методично стучит Серафиме по голове лопаткой для песка. А Серафима стоит и беззвучно плачет, кривя рот. «Тоже мне мамаша...»

Рая побежала к Ангелине – чтобы вернуть той пощечину, которую ей недавно влепил муж. Впрочем, что пощечина, не лучше ли вцепиться в Ангелинины серебряные кудри, повалить ту и отдубасить ногами?..

Рая заметила, что сбоку мелькнула какая-то тень. Не успела добежать до соперницы, как Раю перехватил Олег. Вероятно, только что приехал, припарковался и увидел жену, направляющуюся к любовнице.

– Пусти, – застонала Рая, пытаясь вырваться из его рук. – Ты меня ударил, а я ударю ее! Око за око!

– Да тебе в психушку пора, – с яростью и омерзением произнес Олег. – Чокнутая. Ангелина, бери Симу, садитесь в машину.

Перепуганная Ангелина подхватила заревевшую уже в голос девочку, села с ней в машину.

– Мы сейчас уедем, и ты нас не найдешь, – обратился Олег к Рае. Голос у мужа был страшный, совсем незнакомый. – Сейчас, к счастью, есть возможности, где пожить, чтобы переждать время. Или в отпуск мы съездим, не знаю... Но лишь бы подальше от тебя. И запомни. Если ты хоть пальцем тронешь Ангелину, я тебя точно убью. И плевать, что со мной потом будет.

Он ослабил хватку, оттолкнул Раю от себя.

Сел в машину, и та через несколько секунд выехала со двора.

Рая побрела обратно к автобусной остановке. «Как Олег ее защищает, эту несчастную вдовушку... Бросился на меня, словно орел, буквально спикировал и вцепился. Словно она, эта белобрыся, – невесть какое сокровище. Сколько лет со мной прожил, а защищать стал Ангелину. Но она хитрая, очень хитрая... Ха-ха, а если бы мне сейчас удалось ее ударить, он что, меня бы вообще убил, как обещал? А что, это прекрасная идея! – неожиданно озарило Раю. – Зачем мне умирать самой, это же грех и вообще... глупо, да? Если я, например, все-таки выслежу Ангелину и избью ее как следует? Вырву ее чудесные волосы, наставлю синяков ей на физиономию... Я же сильнее этой фифы. И выше, и крепче. Она точно не сможет мне противостоять. Ну так вот, я возьму и как следует ее отмутужу... или отмутужу? Ох, как правильно, все слова перепутала, тоже мне филолог! Ладно, не важно. Если я ее поколочу, то тогда Олег пойдет и точно убьет меня. И его посадят. Ну какое взбитое молоко, какое родное болото... Почему я всю жизнь трушу, чего-то вечно опасаясь... Мне же сейчас абсолютно нечего терять. Возьму и отомщу Ангелине. Или ее надо убить? Нет, нет, убивать ее не надо, она ужасная мать, но я тогда оставлю маленькую девочку сиротой, а это нельзя... А вот избить – могу. Чтобы вывести из себя Олега. Я подставлю его тем самым. Он ведь наверняка пойдет ко мне, как обещал, чтобы поквитаться за свою любовницу, и в аффекте точно убьет. Вон, сегодня он явно был не в себе. Чуть-чуть нажать на него – и он вообще слетит с тормозов, натворит дел...»

Как Рая вернулась домой, как не забыла выйти на нужной остановке – она сама не помнила. Потому что в голове упорно крутились эти мысли – о мести.

На следующий день, с раннего утра, она принялась выслеживать Ангелину. На всякий случай опять вернулась к дому той, походила

вокруг, подождала. Хотя, они отсюда точно уехали вчера, иначе машина Олега находилась бы тут на стоянке.

Тогда Рая съездила и к дому свекрови, там тоже устроила засаду. С помощью бинокля, забравшись в подъезд соседнего дома, что стоял как раз напротив, принялась наблюдать за квартирой Любви Петровны. Но, судя по всему, никаких гостей у нее не было.

Любовь Петровна в тренировочном костюме делала зарядку перед телевизором. Понаблюдав за свекровью некоторое время, Рая пришла к выводу, что ей тут делать нечего.

Тогда она принялась методично объезжать все магазины той сети, что принадлежала ее мужу (ну и хитрой Ангелиночке еще теперь). Возможно, муж решил ввести в курс дела свою новую хорошенькую соучредительницу?

Но ни мужа, ни Ангелины Рая там не обнаружила. Один охранник узнал ее, схватился за телефон и принялся звонить кому-то. «Наверное, Олег предупредил их всех!»

Рая сломала всю голову, как ей теперь найти свою соперницу. Может быть, имело смысл нанять сыщика? Ах, если бы знать любимые места Ангелины в городе – те, которые она посещает часто...

Рядом зазвонили колокола – протяжный мерный благовест лился над городом. Кажется, колокола звонили во всех церквях в округе. Рая оглянулась, увидела какую-то женщину, шедшую мимо с крашеными яйцами и куличом в корзине.

«Минутку, – озарило Раю. – Завтра же Пасха. Есть большая вероятность, что Ангелина завтра поедет на кладбище, навестить могилу Никиты. Возможно, и Олег поедет с ней. Хотя, говорят, это не совсем соответствует христианским обычаям, но люди-то привыкли: именно на Пасху они отправляются на кладбище... И вот как раз завтра, возможно, и разрешатся все мои проблемы!»

На следующее утро Рая встала очень рано. Собралась быстро, перед выходом по привычке взглянула на себя в зеркало. И чуть не отшатнулась. На нее смотрела старая, страшная, скрюченная женщина с безумным взглядом. И зловещим длинным носом. Баба-яга! Вероятно, все недавние события и переживания вылезли наружу. У Раи даже шевельнулась мысль: а не сошла ли она с ума?

«А даже если и сошла, – мысленно усмехнулась она. – То чего такого? Мне же все равно нечего больше терять... Кому я нужна!»

До кладбища ездили автобусы. Народу много. Запах яиц, сдобы, бумажные цветы прямо перед лицом...

Толпа вынесла Раю из автобуса и потащила вперед. Постепенно толпа рассеялась, и Рая дошла до нужного, довольно дальнего участка уже одна.

Было тепло на солнце, хоть и дул слегка свежий ветерок. В тени деревьев – совсем хорошо.

«Привет, Никита! – обратилась Рая к фотографии на пока еще временном, простом деревянном кресте. – Очень жаль. Думаю, ты тоже не в восторге от всего случившегося...»

Рая села на новую, еще светлую, не потемневшую от дождей и снега скамейку. И принялась ждать. Иногда проходили мимо люди, где-то неподалеку журчала вода, ударяясь о дно металлического ведра. Пахло землей, травой, молодой листвой.

Рая внезапно ощутила такую невероятную тоску, что не смогла больше сдерживаться. Заплакала.

Она плакала долго. Иногда спохватывалась, когда в конце аллеи появлялись людские фигуры – не Ангелина ли там идет? Не Ангелина ли с Олегом – вон та парочка? Если вдруг появится Олег, и один, то, наверное, есть смысл немедленно убежать, спрятаться? Ведь сам по себе Олег сейчас Рае ни к чему.

Но ни Олега, ни Ангелины пока не было.

В конце аллеи появился мужчина – в черных джинсах, черной кожаной куртке, водолазка под горло. Темно-темно-рыжие волосы, эта бородка... «Красавчик», – безразлично отметила про себя Рая. «Ах да, это же тот самый, я уже его видела, он стоял тут неподалеку, чего-то наблюдал за нами!»

Мужчина прошел на соседнюю могилу, положил на нее цветы. Затем поцеловал пальцы и прикоснулся ими к фотографии, что была на надгробии рядом. Тоже сел на лавку.

Рае, в общем-то, был безразличен этот человек. Ну да, оказывается, у него тут рядом кто-то тоже лежит. Все равно.

Через пару минут Рая уже забыла, что неподалеку от нее находится незнакомец. Она продолжила плакать.

Она ведь сейчас не над Никитой рыдала. И не из-за Ангелины. И не из-за Олега даже.

Рая плакала над самой собой.

* * *

Теперь каждые выходные Богдан ездил к маме. В этот раз они совпали с праздниками. Народу было много уже с самого утра.

Лишь на том участке, где теперь находилась мама, царил относительная тишина и покой. Богдан было обрадовался, что даже сегодня тут более-менее *приватно*, никто не помешает ему думать о маме, но нет. Подойдя ближе к нужному месту, он заметил женскую фигуру.

Да, какая-то женщина сидела на соседней могиле, плечи ее дрожали. Женщина плакала. Мельком взглянула на Богдана, отвернулась и продолжила плакать.

Вдруг он ее вспомнил. Да это же та самая, что около месяца назад, была тут, в числе прочих, на похоронах. Богдан ее запомнил – наверное, потому, что выглядела данная особа как-то странно, больше не на человека была похожа, а на какую-то птицу.

И она тогда была единственной, кто не плакал. Стояла тогда с каменным, отстраненным лицом и смотрела куда-то в сторону, думала о своем.

А сейчас вот так, слезами буквально заливается... Наверное, первый шок у нее прошел после смерти близкого человека, только сейчас боль дошла до ее сознания.

Интересно, а кто она покойному? В тот раз Богдан так и не понял. Жену, то есть вдову, видел, мать видел, друга тоже, а эта особа кто ему?

И как плачет сейчас, как плачет...

Богдану стало тоскливо. Эта женщина, сидевшая сейчас неподалеку, очень мешала его общению с матерью. Отвлекала своими всхлипываниями. Богдан решил подождать: может, эта особа скоро уйдет?

Но время шло, а дамочка и не думала уходить. Неожиданно Богдан вспомнил имя соседки – Рая. Раиса...

Часа через два Богдан потерял уже всякую надежду. Наконец встал, прикоснулся опять пальцами к фотографии, прошептал:

– Мамочка, я завтра еще приду, ладно? Не скучай, моя родная!

...На следующий день он опять был на месте. К счастью, никого поблизости. Сидел, мысленно беседовал с мамой, отдыхал душой.

Бац – и по соседству опять она сидит, эта Рая. Откуда? Точно из земли вылезла, свят-свят-свят. Сидит и опять носом хлюпает. Богдан снова ушел.

Появился уже в следующие выходные, когда весна шла полным ходом. Уже зацвела черемуха, пахла сильно и сладко.

И одновременно с ним появилась и Рая. Опять села на лавочку по соседству, сложила руки на коленях, привычно всхлипнула.

– Добрый день, – вежливо произнес Богдан. – Я вас тут который раз встречаю... Думаю, раз мы соседи, неплохо бы и познакомиться. Я Богдан.

– Богдан? – повернувшись, с недоумением произнесла женщина, которую звали Раей. – Я – Раиса. Рая.

– Кто тут у вас?

– У меня тут... друг, – подумав, неуверенно произнесла Рая. – А у вас кто?

– Мама.

– А-а... понятно. Сочувствую.

– И я вам. Вы так убиваетесь, милая Рая, – вежливо произнес Богдан. – Ну нельзя так.

– Я не могу, не могу, не могу... – опять всхлипнула эта особа. – Так больно.

– Ну не надо слишком часто ходить сюда. Отпустите уже. Успокойтесь, побудьте дома. Таблетки успокоительные хорошо бы пропить...

– Вы правы, – согласилась Рая, но видно, что машинально.

– Вот прямо с завтрашнего дня займитесь каким-нибудь делом! Прогуляйтесь по городу, сходите в гости. Вы же молодая женщина, невозможно столько времени чахнуть здесь!

– Я знаю, но...

– Вы ведь каждый день здесь? – осторожно спросил Богдан.

– Каждый день. С утра до вечера, – прошептала Рая.

– И завтра сюда придете?

– И завтра, и послезавтра... Каждый день буду сюда приходить. Пока... не встречу его. Ее. Их! – Она подняла лицо к небу.

«Кого она тут собралась встречать? – опешил Богдан. – А-а, так это она о своем покойном друге и еще каких-то умерших, верно. Ну точно сумасшедшая. Рядом с мамой поселилась живая сумасшедшая. Ни-че-го хорошего!»

Богдан задумался. Стоило ли, например, в данной ситуации обратиться к администрации кладбища? Дескать, так и так, примите меры, у вас безумные люди по территории ходят... «Хотя, нет, пока эта особа не выкинула ничего опасного, никаких претензий никто ей не сможет предъявить».

...В следующие выходные начала цвести сирень, ощутимо похолодало, хотя солнце светило вовсю.

Богдан опять увидел Раю – все на том же месте по соседству.

– Добрый день, Рая.

– Добрый день, Богдан...

Они поздоровались, как старые знакомые. Богдан даже как-то привык к ней, этой женщине, ее присутствие уже не раздражало его, не мешало. Да и она как-то успокоилась, стала меньше плакать. Кто знает, может, совсем скоро она успокоится и ее помешательство тоже утихнет.

– Холодно сегодня.

– Да, холодно, – охотно согласилась она. – У меня есть горячий чай в термосе. Будете? И пластиковые стаканчики есть. Я теперь сюда с рюкзаком хожу. Мало ли что может понадобиться.

– А давайте ваш чай, – вдруг согласился Богдан. – Я как-то не рассчитал... Надо было тоже термос с собой взять.

Рая протянула ему через ограду стакан с чаем, над стаканом вился пар.

– Осторожно, не обожгитесь.

– Да, спасибо... О, вспомнил. У меня же печенье есть. Будете?

– Буду.

– Вот, берите сразу два... А то пропадет. Я люблю только свежее. Купил вчера слишком много, не рассчитал, – он протянул ей печенье.

Рая ела печенье, запивала его чаем и все время смотрела куда-то в сторону, в конец аллеи. Словно ждала кого-то.

Сегодня у нее было нормальное, незаплаканное лицо, и она не шмыгала постоянно своим длинным носом. Обычная молодая женщина. Сколько ей, интересно? На вид лет тридцать как будто.

– Вы верите в то, что есть он, тот свет? – вдруг спросила Рая.

– Нет. Но хотел бы... Не знаю. А почему вы спрашиваете, Рая?

– Как-то... умирать не так страшно, если он существует, тот свет, – ответила она.

– А вы хотите умереть?

Она вздрогнула, испуганно повернулась. Определенно, эта женщина сегодня выглядела лучше. И о том свете вон задумалась – значит, точно на пути к выздоровлению. Когда совсем плохо, уже мало что волнует.

– Смерть меня не пугает, – вдруг спокойно ответила она. – Жизнь иногда страшнее.

– А муж, дети... есть у вас? – осторожно поинтересовался Богдан.

– Да. То есть нет. Не знаю. В смысле, детей у меня точно нет. Вот с мужем сложнее, – она усмехнулась. – А почему вы спрашиваете?

– Ну, если есть кто-то любимый, не говорят: «Смерть меня не пугает», разве не так?

Рая пожала плечами. Допила чай, убрала в рюкзак термос, достала телефон с большим экраном.

– Книгу почитаю, – сухо пояснила она и уткнулась в экран.

«Интересно, что за книга?»

– А что вы читаете, простите? – не выдержал, спросил он.

– Максима Горького, – все так же сухо обронила Рая.

«Ничего себе!» – удивился Богдан, но больше ничего спрашивать не стал. Рая своим видом показывала ему, что беседу продолжать не намерена. Похоже, это он ей мешал, он ее отвлекал, а не наоборот.

Богдан устал сидеть, все тело затекло; он встал, вышел за оградку, побрел по аллее, засунув руки в карманы джинсов. Было холодно.

Он прошелся в одну сторону, потом в другую. Рая даже головы не повернула. Богдан опять почувствовал раздражение: эта женщина ему определенно досаждала. Зачем она тут?

Она вдруг опять беззвучно заплакала, плечи ее затряслись, она опустила руки с телефоном на колени.

– Рая...

– Ничего-ничего, не обращайтесь внимания! – с тоскливой досадой произнесла она, смахнула слезы со щек краем ладони. «А что, если предложить ей нечто вроде графика? По четным дням она сюда ходит, а по нечетным я? И никто никому не мешает!»

Богдан сел опять на свою скамейку, тоже достал телефон. «Перечитаю-ка я Ремарка, «Три товарища». Любимая мамина книга. Вообще, это гениально. Надо почитать маме!»

Он в телефоне нашел нужный текст, открыл его.

И принялся вслух, негромко, читать. Прочитал почти страницу, увлекся. И потом вдруг услышал холодное:

– Что вы делаете?

– Как что? Читаю маме ее любимый роман, – ответил Богдан.

– Вы очень громко читаете, вы мне мешаете! – с возмущением произнесла Рая.

– Знаете что, – решительно произнес Богдан. – На самом деле, это вы мне здорово мешаете. Я даже с мамой нормально пообщаться не могу, уже которые выходные все вы тут сидите.

Рая сидела и неподвижно таращилась на Богдана своими болотного цвета глазами. «А она, пожалуй, не на птицу похожа, а на ящерицу. Какой-то сериал, помню, с мамой смотрели, там женщина с подобными глазами была, а потом оказалось, что это и не женщина вовсе, а огромная ящерица. То есть инопланетянка в виде ящерицы, маскирующаяся под человека. Точно!»

Потом Рая сказала:

– А давайте теперь я буду читать, ладно? – потыкала в экран своего телефона и начала читать вслух какой-то мрачный, довольно зловещий текст, напоминающий сказку.

Богдан слушал с интересом, даже увлекся, но потом спохватился:

– Послушайте, но это же мрак какой-то... Депрессивный текст. Не думаю, что маме приятно это слушать.

– Я не вашей маме это читаю, я Никите читаю, – Рая кивнула на крест перед собой, с фотографией того самого Никиты.

– Но мама-то все равно слышит!

– А Никита вашего Ремарка слушал? Слушал. А он, между прочим, при жизни терпеть не мог мелодрамы. Вот удивительно, такой мягкий, добродушный, рассеянный, а любил всякие боевики и хорроры... Ой.

– Что?

– Ой-ой. – Рая вдруг привсталала, взглядываясь в конец аллеи. Там шла какая-то пожилая женщина. Это ее испугалась новая знакомая? – Ой-ой-ой, как неудобно! Меня не должны, не должны здесь видеть... – Она недоговорила, подхватила свой рюкзак и перемахнула через ограду на соседнюю дорожку.

Богдан сидел, с изумлением наблюдая за Раей. «Ну точно, она сумасшедшая! Я так и думал!»

Рая свернула на следующую тропинку и едва не упала, зацепившись лямкой рюкзака за торчащий из земли корень. Богдан, как джентльмен, бросился ей на помощь. Полез за Раей сквозь кусты и бурелом. Помог отцепить рюкзак и повел вперед, держа за локоть.

– Вам туда? – Он указал направление. Рая кивнула. – Понял. Я провожу.

– Как это любезно с вашей стороны, – нервно засмеялась Рая. – Она нас не видела?

– Кто?

– Нина Филипповна, мама Никиты! Она не должна, да никто не должен меня тут видеть.

– А, да... Вспомнил. Нина Филипповна, оказывается. Нет, думаю, сейчас она вас не видела. Слишком далеко она была, да и кусты тут, деревья, все заросло.

– Кстати... Она ведь без палочек, без костылей шла, да? – пробормотала Рая. – Значит, ей все-таки сделали операцию...

– Да, на своих двоих она передвигалась, и довольно уверенно, – подтвердил Богдан.

Затем они шли молча. Рая убрала свою руку. Та аллея, которой они придерживались, тянулась и тянулась, заводя в глубь кладбища.

– И все-таки куда именно вы сейчас направляетесь? – спросил Богдан.

– Не знаю.

– Как – не знаете?!

– Ну я же говорю, мне надо было скрыться от Нины Филипповны, они меня там все... ненавидят.

– За что? Вы совершили что-то ужасное?

– Как посмотреть... С одной стороны, я наговорила много лишнего. Грубого и жестокого. С другой стороны, а чего от меня

хотели, какой реакции, после всего того, что я узнала...

– Вы загадочная женщина, – с иронией произнес Богдан. – То вы ждете кого-то с утра до вечера, то кричите: «Меня не должны тут видеть!»

– А что тут непонятного, – пожала плечами Рая. – Кое-кого я поджидаю тут, это правда, но иным лучше не знать, что я тут нахожусь. Иначе вторые сообщат первым, что я тут в засаде.

– В засаде. Гм. Да вы не просто загадочная, а еще опасная женщина...

– Я?! О нет. Я не могу вам все рассказать, но... как они со мной поступили...

– Кто – они? – спросил Богдан. – Послушайте, я уже столько дней рядом с вами, что... мне уже не все равно. Может быть, поделитесь со мной?

Богдан спрашивал Раю не просто так. Он хотел узнать ее историю. Возможно, Рае требуется помощь. И он готов ее предоставить, в разумных пределах, разумеется. Но это не альтруизм с его стороны, не сочувствие. Это лишь холодный расчет, желание в первую очередь добиться удобства себе. Если Богдан поможет Рае в решении ее проблемы, то она, возможно, не станет ему больше мешать. Ей просто незачем будет сюда приходить!

Рая как будто колебалась. Судя по всему, ей хотелось поделиться с кем-то своей историей.

Она остановилась, огляделась. Это был самый заброшенный, самый дальний участок кладбища. Никого из людей, лишь холодный ветер трепал молодую листву, клонил ветви к земле.

– Вон ворота, – сказала Рая, указав подбородком. – Отсюда можно выйти, не возвращаясь назад. Не хочу, чтобы мы с Ниной Филипповной столкнулись случайно у входа.

– И что? Там, впереди, какое-то поле. – Богдан подошел к ограде, отвел рукой ветви кустов. – Шоссе где-то справа, далеко. Хотя у меня есть мысль. Давайте я вернусь назад, к главному входу. Даже если я столкнусь с Ниной Филипповной – ничего страшного. Она-то меня не знает! Я сяду в свою машину и подъеду сюда. И мы уедем. И нас, то есть вас, никто не увидит.

– Хорошо, – подумав, спокойно согласилась Рая.

– Отлично... Стойте здесь, ждите меня.

Богдан быстрым шагом направился назад. Почти побежал. Обратная дорога показалась ему много короче. Сел на стоянке в свою машину, захлопнул дверь. «Холодно-то как...» – Он подышал на свои замерзшие руки, потер ладони.

Затем поехал за Раей.

Но вот ехать пришлось долго. Богдан уже несколько раз повернул (ограда с одной стороны, а с другой – однообразные поля) и уже решил, что потерял Раю... Ну или она сама ушла. Наверное, подумала: ну ни к чему ей доверяться какому-то незнакомцу. В сущности, первому встречному.

Но нет. За очередным поворотом он вдруг увидел Раю. Она стояла у дороги, сложив руки на груди, опустив голову, и ветер трепал ее волосы. Длинные тяжелые пряди изгибались на ветру, словно змеи. Рая подняла голову, и Богдана в очередной раз поразила странная внешность женщины. Эти глаза ящерицы, этот длинный птичий нос. Все эти странные истории вокруг нее...

«А не зря ли я вмешиваюсь в ее судьбу? – вдруг подумал Богдан. – Возможно, это мне ее надо опасаться!»

Но Богдан почувствовал себя раззадоренным. Его притягивала чужая тайна и сама эта женщина – тоже.

Нет, нет, вовсе не потому, что Рая ему понравилась или он в нее влюбился. Что за глупости.

...Год назад он расстался со своей очередной подругой. Получается – со своей последней подругой. При таких обстоятельствах: мама заболела. Еще ничего не известно было, просто она стала вдруг плохо себя чувствовать. То беспричинная слабость, то небольшая температура держалась. Врачи не могли понять, разводили руками. Исследования, например многочисленные УЗИ, показывали, что никаких особых проблем у мамы нет.

Но Людочка (подруга Богдана) вдруг решила, что мама делает это нарочно. Мама симулирует, пытаясь разлучить сына с неудобной ей женщиной!

– Вот чего ты над ней все время трясешься... Ну, слабость и слабость. Тебе за семьдесят будет – тоже, поди, слабость испытаеть...

– Да не было раньше у мамы никакой слабости! – возражал ей Богдан.

– Раньше не было, а возраст подошел – и она появилась, – настаивала Людочка.

– И температура у нее все время держится – тридцать семь, уже которую неделю...

– Вот именно. Это же даже не температура, для некоторых людей подобная температура – норма. Она меня терпеть не может, вот и затеяла весь этот спектакль. Не иди у нее на поводу!

– С чего ты взяла, что я иду у нее на поводу...

– Как? Которые выходные ты с ней. А про меня забыл!

Богдан старался не обижаться на Людочку: женщины, они такие собственницы, но тут, после очередного обследования, вдруг выяснилось, что у мамы, возможно, серьезные проблемы со здоровьем. УЗИ их не показывало, и неудивительно – оказываются, требовались совсем другие исследования.

Богдан уже не отходил от мамы, старался проводить с той все свободное время, и тут Людочка окончательно взбрыкнула. Заявила, что это глупо – нянчиться с пожилой женщиной взрослому дядьке, не лучше ли нанять сиделку.

Это оказалось последней каплей, Богдан расстался с Людочкой. Она показалась ему настолько противной и глупой, что он потом даже ни разу не пожалел о своем поступке. Уж лучше одному, чем с *такой*. А сиделку-то он потом, конечно, нанял. Пришлось. Правда, и от мамы тоже не отходил. До последнего.

Словом, с женщинами Богдан не встречался уже около года. И как-то не тянуло: собственницы и эгоистки. Ну их, противно. Уж лучше до конца жизни остаться бобылем.

– ...садитесь, – Богдан потянулся, открыл дверь.

Рая скользнула в салон, на переднее сиденье, рядом с Богданом, попыталась пристегнуться, с первого раза не получилось.

– Руки замерзли, что ли? – с недоумением произнесла она. Богдан помог ей пристегнуться.

– Покажите... мои-то уже отогрелись, – он взял ее руки в свои, сжал. – Ледяные. И это почти конец мая, заметьте! Говорят, воздух аж из самой Арктики.

Рая уставилась ему в глаза с обидой, потянула свои руки назад:

– Не надо. Это слишком... интимно.

– Только не думайте, что я решил к вам подкатить, – усмехнулся Богдан.

– Я и не думаю.

– Вот и хорошо, не думайте и дальше.

Он нажал на газ, машина тронулась с места, набрала скорость.

– Я есть хочу, – признался Богдан. – Как-то мне эти печеньки не помогли. Посидим где-нибудь, перекусим? Заодно вы мне и свою историю расскажете.

– Я не обещала вам ничего... Зачем вам моя история?

– Все же думаете, что я подкатываю? Нет. Во-первых, любопытно стало, во-вторых, я хочу от вас избавиться, – признался Богдан.

– Что-о?! – повернулась к нему Рая, широко открыла глаза.

– Не смотрите на меня так. Не в прямом смысле, конечно. Я хочу вам помочь, но в корыстных целях. Я... у меня там мама. А вы мне мешаете. Маячите все время передо мной. Извините, но такова правда. Нет, я понимаю, что кладбище – общественное место, и всякий имеет право там находиться, и находиться ровно столько, сколько ему требуется... Но поселиться там навсегда? И потом, ладно бы вы там скорбели по этому своему Никите, так нет же, вы какие-то иные цели преследуете... Еще раз простите. Короче, расскажите мне все.

Рая некоторое время молчала, с высокомерным удивлением разглядывая Богдана, потом снизошла:

– Ну что ж, откровенный ответ. Допустим, исповедуюсь я вам. Только вы мне ничем не сможете помочь.

– Вы с кем-нибудь советовались насчет своей ситуации? С подругами, родственниками?

– Н-нет...

– Ну вот. Значит, вам требуется взгляд со стороны. Обсудим. Один ум хорошо, два лучше.

– Ладно. Давайте обсудим, – неожиданно согласилась она.

Богдан остановил машину недалеко от центра города, вышел, помог выйти Рае.

– Вот неплохое кафе, проверенное.

– Каждый за себя, – равнодушно произнесла Рая.

– Ну разумеется! – несколько уязвленно произнес Богдан. Открыл дверь, ведущую в кафе, перед Раей.

Они расположились за столиком у окна, уткнулись каждый в свое меню. Подошла официантка.

– Девушка, мне стручки фасоли и еще тушеные мини-шампиньоны, – сказала Рая.

– К гарниру будет что-нибудь из основных блюд?

– Нет, спасибо, вот только это. А еще морс.

– Девушка, а мне солянку рыбную, стейк вот этот, средней прожарки, и жареной картошки. И тоже морс, пожалуй.

Официантка, приняв заказ, удалилась, а Богдан с Раей, оставшись за пустым столом, молча глядели друг на друга.

– Вы вегетарианка? – спросил он.

– Нет. Просто когда я очень голодная, беру много и чего-нибудь такого... некалорийного.

– Разумно! Ну, я вас слушаю. Рассказывайте.

Видимо, Рая хотела съязвить в ответ – нахмурилась, насмешливо раздула ноздри, но потом передумала. И начала спокойно и обстоятельно:

– Мы с моим мужем, Олегом, знакомы с детства. Первые и единственные друг у друга. Я была абсолютно уверена до недавнего времени, что состарюсь рядом с этим человеком и мы ляжем с ним... в одну могилу.

– Очень актуально, учитывая наше знакомство, – пробормотал Богдан. – Простите. Продолжайте, пожалуйста.

– А нечего продолжать. Не так давно погиб в автомобильной аварии друг мужа, и Олег... он влюбился в его вдову. У них теперь страстный роман.

– Может быть, их роман случился раньше, а сейчас просто все открылось? – сделал предположение Богдан.

– Нет. Долго рассказывать... Короче, нет. Не было у них никакой связи раньше, хотя, думаю, Олег всегда чувствовал симпатию к этой девушке... любовался ею и все такое. А тут зажегся «зеленый свет», и... пусть простит меня Никита за «зеленый свет», но вот так...

– А зачем вы все время ходите на кладбище, к Никите?

– Чтобы встретить там Ангелину. Или Ангелину с Олегом. Они прячутся от меня. Но это понятно, я от ревности наворотила всякого, теперь люди от меня шарахаются. И скрываются в неизвестном месте. Поэтому единственный шанс встретить их – именно здесь. Они

должны появиться на могиле мужа и лучшего друга, разве нет? Рано или поздно...

Официантка принесла заказ, поставила блюда на стол.

И лишь когда она ушла, Богдан спросил:

– Вы их убить, что ли, хотите? Своего неверного мужа и соперницу заодно?

– Нет. – Рая принялась с аппетитом есть зеленые стручки, щедро вываленные на широкое блюдо. – У меня тонкий психологический план, что вы. Я все продумала, я знаю своего мужа как облупленного. Короче, я побью Ангелину (свою соперницу), а Олег потом убьет меня. Он, кстати, сам так обещал сделать. И он всегда держал свое слово, между прочим!

«Она точно ненормальная», – с тоской подумал Богдан, глядя на Раю. Теперь та придвинула себе блюдо с крошечными шампиньонами и накинулась на них.

Он вздохнул и тоже принялся есть.

– Так как вам мой план? – спросила Рая. – Кстати, если мой муж начнет убивать меня при вас – не вздумайте вмешиваться! Поклянитесь.

– Клянусь. Минутку! Вы что, хотите умереть? – спохватился он и даже едва не выронил вилку.

– Да. Я не вижу никакого смысла в своей жизни, – улыбнулась Рая.

«Да прикалывается она, что ли? – ошеломленно подумал Богдан. И отметил еще машинально, что улыбка очень идет Рае. – Точно, она шутит! Наверняка ее цель – просто-напросто потрепать за косы эту свою Ангелину, соперницу...»

– Если честно, то я в какой-то мере понимаю вас, – с аппетитом доедая стейк (оказался на редкость сочным!), признался Богдан. – Лично у меня тоже нет никаких иллюзий по поводу жизни или окружающих. – Он провел ножом вокруг. – Все глупости, все ерунда, никому нельзя верить. Да, есть родные, те, кто действительно любит, но они не вечны... И в результате мы остаемся наедине с самим собой.

– А ваш совет каков? – спросила Рая, отодвигая от себя пустую тарелку.

– Мой совет?

– Ну да, вы же сами сказали, что один ум хорошо, а два лучше?

– Я предлагаю обменяться номерами телефонов.

– Здрате... – всплеснула она руками. – Это еще зачем?

– Вы опять подумали, что я к вам подкатываю? – возмутился Богдан. – Делать мне нечего. Мы установим дежурство – на выходные точно, а в будни как пойдет, у меня работа. В какие-то дни приезжаете вы на кладбище, а в какие-то я. И никто из нас друг другу не мешает, никто никого не нервирует. Например, вам достанутся четные дни, а мне – нечетные.

– Разумно, – передразнила Рая его же голосом. – Только вы не подумали о том, что будет, если Олег с Ангелиной явятся на кладбище в нечетный день.

– А телефон на что? Я, увидев эту парочку, быстренько перезвоню вам, ну а вы вызываете такси и едете сюда.

– Разумно, – теперь уже нормальным голосом произнесла Рая. – Только не надо мне звонить, я не люблю все эти звонки, я интроверт, и вообще... Пришлите мне сообщение просто.

– Хорошо. Понял. Пришлю сообщение, – кивнул Богдан и позвонил официантку: – Счет, пожалуйста.

– Раздельный.

– Да-да, раздельный. Так вот... – Богдан протянул Рае визитку. – Вот это телефон моей конторы, где я работаю, а это личный номер...

– Так вы архитектор? – с интересом спросила Рая, разглядывая визитку. – Ладно, если в какой-то четный день я не смогу приехать на место, я вам сообщу. Можете воспользоваться моим отсутствием. А если вы вдруг увидите Олега и Ангелину, вы отправите сообщение мне. Да как вы поймете, что это они?

– Так я же их видел уже! Тогда, на похоронах.

– А-а, точно. У меня визитки нет, но вот мой номер, – она написала цифры на бумажной салфетке.

– Отлично, – довольно произнес Богдан, пряча салфетку в нагрудный карман. – Вас подвезти?

– Ой, нет, спасибо, я пешком дойду. Недалеко.

Она расплатилась и убежала. Богдан тоже расплатился и поехал домой.

Всю неделю он находился в прекрасном настроении, довольный тем, что наконец решил проблему с навязчивой соседкой по кладбищу. Много работал, завершил один проект, сдал его, клиент остался

доволен. Богдан думал о том, что в субботу – четный день, там, скорее всего, будет Рая, а вот воскресенье зато полностью принадлежит Богдану. И маме...

Он мечтал опять встретиться с мамой без лишних глаз рядом, он испытывал тихое умиротворение от этих дней, что он проводил вблизи от нее... Ну словно она знала, что он здесь, он помнит ее, и ей нравится его присутствие рядом.

Но в субботу с утра вдруг почему-то стал думать о Рае. Ведь, если ничего не случилось, она, наверное, там, на кладбище. Сидит все на той же скамейке, болтает ногами, уставившись в телефон. Читает. Или опять плачет? Хотя вряд ли.

Да, Рая перестала плакать, словно чуть успокоилась, но... от своего замысла она не отказалась. А этот ее шуточный тон, когда она рассказывала, что хочет, чтобы муж убил ее... Если подумать, то она не шутила. И то постоянство, с которым она каждый день занимала свой пост... Получается, ее печаль превратилась в одержимость.

Рая не шутила. Она просто прятала за улыбкой свою боль. Она – по-настоящему, всерьез – продолжала ревновать своего мужа к той кудрявой девице. Как ее там... Ангелине.

Оно и немудрено, Рая ведь призналась, что всю жизнь любила своего Олега. «Надо остановить ее, – подумал Богдан. – Пока не случилось что-то страшное. Ведь нехорошо, если Рае и вправду удастся осуществить свои планы. Она ударит Ангелину, Олег примется ее тоже... убивать?.. И все это – рядом с... рядом с мамой. И вообще, нарушать покой некоторых мест просто нельзя!»

Богдан быстро собрался, сел в машину, поехал на кладбище.

Было тепло, в отличие от предыдущих выходных совсем полетному. Вокруг все зеленое, яркое. Листва на деревьях уже распустилась полностью, в кронах щебетали птицы. «Только бы она была на месте!» – подумал Богдан о Рае.

* * *

Сегодня – ее, четный день. Рая с самого утра находилась на своем привычном «посту». Честно говоря, она уже чувствовала усталость и

отчаяние. Столько времени провела на этом кладбище, а Олег с Ангелиной так и не появились тут!

И, если уж совсем честно, то ей не хватало Богдана. С живым человеком рядом было как-то... интереснее, что ли? Наверное, зря они поделили дни на четные и нечетные, так бы сидели тут рядом и говорили бы, спорили...

В конце аллеи кто-то появился. Рая мгновенно напряглась, вгляделась в приближающуюся фигуру... И сразу же узнала Богдана. Ну как не узнать эти рыжие волосы...

Богдан сегодня был одет по-летнему – светло-голубые джинсы, белая рубашка навыпуск. Шагал энергично, руки в карманах, с деловым видом. И ведь не скажешь, что псих!

Ну ладно, не псих, а у него определенно какой-то сдвиг в голове после смерти матери. Она, Рая, тоже тяжело пережила мамину смерть, но она же не ходила к маме на кладбище каждые выходные в течение долгого времени...

– Привет, – сказал Богдан, приблизившись к Рае. – Как, без изменений? Твои не появлялись?

– Нет. А ты к маме? Мы же договорились...

– Нет, сегодня я к тебе.

– Ко мне? – удивилась Рая. И почему-то обрадовалась.

– Да. Я думал о тебе, и вот что... Ты зря все это затеяла. Ничего у тебя не получится.

– Кто знает... – Она сделала неопределенный жест рукой, хотя в глубине души была почти согласна с Богданом.

– Да это бред! Бред и безумие, понимаешь? Надеяться, что муж убьет тебя...

– Ага, а поселиться на могиле у матери – это не безумие! – в свою очередь, возмутилась Рая. – Да какая мать будет довольна, если ее дитя вдруг решит добровольно похоронить себя рядом с ней, на кладбище? Матери желают своим детям жизни, ты понимаешь, жизни!

– Ты хочешь сказать, что я не живу? – с насмешкой произнес Богдан. – Это не так. Я весьма уважаемый в своей профессии человек, я работаю, мне платят деньги, я... я при деле, словом, просто так небо не копчу. От меня людям польза, если хочешь знать.

– И ты счастлив? – ехидно спросила Рая.

– Да, я счастлив, – громко произнес Богдан и зачем-то посмотрел на фотографию своей матери. Словно к ней обращал эти слова.

Рая встала со скамейки, вышла из-за ограды на аллею, к Богдану. Взяла его за руку, потянула за собой.

– Куда ты меня тащишь? – недовольно спросил он.

– Поговорить. – Рая оглянулась назад, потом прошептала ему на ухо: – Надо обсудить кое-что. И чтобы при этом твоя мама нас не слышала.

– Ты точно ненормальная, – тоже зашептал ей Богдан. – С чего это моя мама должна нас слышать? Она же...

– Да кто знает, есть ли он, тот свет, слышат или нет они нас оттуда...

– Откуда – оттуда?

– Тогда чего ты шепчешь?

– Я шепчу, потому что ты шепчешь! – прошептал Богдан и оглянулся назад. Но тем не менее продолжал послушно следовать за Раяй.

Молча они дошли до автомобильной стоянки.

– Где твоя машина? – только тогда спросила Рая.

– Ты куда-то хочешь поехать?

– Да.

– А куда?

– Я покажу.

– А если я откажусь тебя везти? И мы никуда не поедем?

– Ладно, не поедем, – пожалала плечами Рая. – Твое дело.

Она сделала шаг назад, но Богдан схватил ее за руку:

– Стоп. Я пошутил. Мы поедем, куда скажешь. Меня теперь уже любопытство разбирает. Туда, вон мое авто.

Они сели в машину, Богдан вырулил со стоянки, притормозил у дороги:

– И куда сейчас, направо или налево?

– Двигайся в сторону центра, потом скажу, где свернуть.

Они поехали.

– Значит, ты сегодня у меня вместо навигатора... – усмехнулся Богдан. – Может, сообщишь конечную точку маршрута?

– Нет, так неинтересно.

Они некоторое время ехали молча, лишь Рая указывала, куда надо поворачивать. Богдан пока невозмутимо следовал ее указаниям.

– А что, если Олег с Ангелиной именно сегодня решат навестить могилу Никиты? – спросил Богдан. – А ты покинула место наблюдения...

– Нет. Не сегодня. Такой чудесный день... Наверняка они поехали на дачу. Шашлыки, свежий воздух, солнце.

– Тогда тебе надо было ждать мужа на даче.

– На которой из? – пожалала плечами Рая. – Их три. Одна дача принадлежит моей свекрови, Любове Петровне, мы с Олегом туда не часто ездили. У него такая работа... Все последние годы даже без отпусков. А мне одной зачем туда? Еще две дачи – у Ангелины. Причем в этом случае я вообще не помню, где именно они располагаются. Ну так, примерно, слышала названия населенных пунктов, направление... Но не уверена. Замучаешься искать.

– А ты – бедная родственница?

– Смейся, смейся... Хотя, получается, да! – нахмурилась Рая. – Квартира, в которой мы живем, то есть жили... вернее, я сейчас живу там одна, пока еще не съехала, – принадлежит Олегу, она добрачная. Они там с матерью жили раньше, потом уже в браке Олег купил матери квартиру, оформил на нее. Она собственница. Дача тоже их, добрачная.

– Погоди, тебе даже жить негде?

– Почему, есть. У меня есть своя квартира, тоже добрачная.

– А почему же ты туда не съехала? – спросил Богдан.

– Ты прав. На что-то я надеялась, верно... Что Олег вернется и все будет как раньше. Вот теперь направо! А ждать мужа нет смысла. Зачем? Я ведь его все равно не прощу. Да и глупо это... Он же у меня не просил прощения!

– Но ты его любишь до сих пор, – констатировал Богдан. – Сейчас как, прямо?

– Да, прямо. Я не знаю, что я сейчас чувствую к нему. Здесь!

Богдан притормозил у обочины.

– Я знаю, это парк – вон там, за поворотом, – сказал он, выйдя из машины. – Ты туда направлялась? Зачем?

– Не знаю. Идем, посидим у реки. Покажу свое любимое место. Там красиво. Там люди.

– Люди? Тебе еще не надоели люди? – засмеялся Богдан.

– Наоборот, мне их очень не хватало в последнее время.

Они зашли в парк. Рая повела Богдана знакомым маршрутом. Возле реки, берега которой были спрятаны в гранит, нашли свободную лавочку, сели в тени ивы – словно занавеской, она закрывала это место от яркого солнца.

– Я больше не вернусь на кладбище. Бес-по-лез-но... – призналась Рая.

– Ну и славно. Ну и правильно. А о чем ты хотела со мной поговорить? – спросил Богдан.

– О тебе.

– Обо мне?!

– Да. Я рассказала тебе свою тайну, теперь ты расскажи мне свою.

– Нет у меня никаких тайн! – возмутился Богдан. – Я обычный мужчина. Законопослушный гражданин, между прочим, плачу налоги и не нарушаю. Не был, не состоял, не привлекался. Это у вас, у женщин, вечно какие-то тайны, интриги, расследования!

– У всех есть тайны. Нечто такое, что накладывает отпечаток на всю жизнь.

– Да нет у меня такого! – рассердился Богдан. – Кстати, моя мама была в курсе всей моей жизни, я ничего от нее не скрывал.

Они замолчали, глядя на солнечные блики, бегущие по поверхности воды.

– Почему ты один? – вдруг спросила Рая.

– Я один? С чего ты взяла? – опять вспыхнул Богдан. – И с каких это пор быть одному – ненормально?! Меня больше удивляют люди, которые зачем-то живут вместе, когда их ничего не связывает и они друг другу абсолютно чужие.

– На меня с Олегом намекаешь?

– Ни на что я не намекаю. Чужая жизнь меня совершенно не интересует.

– И ты никого и никогда не любил? – упрямо спросила Рая.

– А при чем тут любовь? Что, в жизни все измеряется любовью? Ничего другого нет?

– Стоп. Мне кажется, я поняла твою проблему, – подняла ладонь Рая. – Ты маменькин сынок.

– Я маменькин сынок?!

– Да, и это твоя тайна, твоя главная проблема! – засмеялась Рая. – Ты даже после маминой смерти не можешь перерезать пуповину.

– Не смей плохо говорить о моей маме, – мрачно произнес Богдан. – И вообще... Я очень рад, что ты решила не ждать своего неверного супруга в засаде на кладбище. Я рад, что мы больше не увидимся с тобой.

– Взаимно, – равнодушно ответила Рая. Ей вдруг так скучно стало и тоскливо, словно она потеряла смысл жизни. Не знала теперь, чем еще ей заняться. Она достала из рюкзака визитку Богдана, покрутила визиткой перед его лицом, затем разорвала ее на мелкие кусочки и кинула их в урну.

– Разумно, – усмехнулся тот и достал из кармана бумажную салфетку, на которой Рая записала свой телефонный номер. Скомкал салфетку и тоже бросил ее в урну. Затем развернулся и ушел.

Рая осталась сидеть на скамейки одна. Откинулась назад, подняла лицо вверх, закрыла глаза. Солнечные блики, прорываясь сквозь зеленый занавес из ветвей ивы, скользили у нее по лицу, щекотали и заставляли жмуриться.

Сзади шумели голоса – это переговаривались люди, гуляющие по аллее, ведущей вдоль реки.

Рая обернулась назад, скрестила руки на спинке скамейки, уткнулась подбородком в локоть – солнце мешало ей – и увидела, что мимо по дорожке мчится на самокате мальчик лет пяти.

– Мама, подожди меня! – весело закричал он. Молодая женщина, шедшая впереди него, в отдалении, остановилась, обернулась, с улыбкой посмотрела на мальчика. Мальчик подъехал к ней, спрыгнул с самоката, и дальше они пошли уже рядом. Мать одной рукой везла самокат, а другой прижимала к себе сына.

* * *

Богдан был вне себя после разговора со своей новой знакомой. Она перешла все границы, эта Рая. Вообразила себя психотерапевтом, что ли?.. Зачем-то полезла копаться в его голове, выискивать какие-то тайны.

И, главное, она оскорбила его, назвав маменькиным сынком. Оскорбила и его, и тем самым маму тоже.

Почему люди называют мужчину, который помогает своей матери, который заботлив по отношению к ней, этим дурацким прозвищем? В чем стыд, объясните, любить родную маму? Если посмотреть вокруг, проанализировать то, что творится, – то можно понять, что чаще именно мамы – самые верные и преданные люди. Не все, не всегда, есть горе-родители, которые мучают своих детей, издеваются над ними, но это скорее исключение.

Гораздо чаще вонзают нож в спину мужья, жены, друзья, коллеги, выросшие дети... Да еще и не по одному разу. Но нет, почему-то стыдно оставаться всю жизнь преданным именно маме. Где логика-то?

Вот взять коллег Богдана, ну, тех, кто более-менее знал его близко... Тоже всегда тыкали в глаза тем, что: «Как это можно, взрослый человек, а до сих пор с мамой живет!» Или Людочка. Была уверена, что мать специально манипулирует им, своим сыном, чтобы рассорить того с Людочкой. Ага-ага, серьезно больная, умирающая женщина прямо мечтала об этом...

Кстати, до Людочки была Варвара, несколько лет даже. Богдану Варвара нравилась тем, что самоотверженно ухаживала за своим старшим братом с тяжелой умственной отсталостью. Сдать брата в интернат Варвара не могла – обещала покойным родителям.

Богдан поддерживал ее – деньгами, морально, порой требовалась какая-то физическая помощь по дому... Делал пару раз предложение руки и сердца, Варвара отказывала. Некогда и незачем, мол. Мама Богдана о Варваре знала и терпеть ее не могла, просила Богдана хорошенько подумать, прежде чем совершать серьезные поступки, поскольку брак – это дети, а у Варвары, возможно, плохая наследственность, как утверждала мама. И еще мама считала, что Варвара не любит Богдана. Просто использует его, поскольку других согласных на помощь ей нет. «Ты знаешь, если любишь, то можно на многое глаза закрыть, многое преодолеть, но она тебя не любит. Ты ей удобен в таком вот формате отношений! И она хорошая девушка, она честно несет свой крест... А ты ей просто помогаешь нести его».

Брат умер внезапно.

Богдан всей душой сочувствовал Варваре, но и испытывал определенные надежды в отношении этой девушки, красивой и

сильной. И верной своему слову. То есть очень незаурядной... Он сделал ей очередное предложение, не особо думая о какой-то там наследственности, но тут случилось неожиданное. Варвара заявила, что отныне ее не интересует все мирское и теперь ей самое время отправиться в монастырь. Спасибо тебе, Богдан, ты поддержал меня в трудные времена, но у меня иные задачи...

И Варвара уехала, далеко, в один из монастырей на юге страны. Получается, мама была права, чувствуя, что эта история – вовсе не про любовь, а про помощь. (Кстати, именно после Варвары Богдан увлекся Людочкой, ибо та – настоящая махровая эгоистка, полная противоположность Варвары, разворот на 180 градусов, ни намек на жертвенность.)

Так вот, Варвара тоже иногда, полушутя, говорила, что Богдан – маменькин сынок. Не в упрек ему, а скорее оправдывая свое нежелание вступать с ним в серьезные отношения... «У тебя, Богдаша, мама, а у меня – брат... Наши сердца уже не свободны!»

Если же углубиться совсем уж в прошлое, то до всех этих Варвар и Людочек была Маша. Именно она, первая, и назвала Богдана маменькиным сынком.

Богдан в своих воспоминаниях о прошлом дошел до Маши уже к вечеру. Сидел дома, перед большим стационарным монитором, просматривал последние новости и вдруг вспомнил о своей первой любви – Маше Гречихиной. Сто лет не вспоминал, и вот...

«А Маша, наверное, где-то здесь, рядом. Наверняка зарегистрирована в какой-то из социальных сетей. Я просто не пробовал искать ее...»

Богдан набрал в поисковой строке – Мария Гречихина. Занес палец над клавишей «энтер», уже готовый нажать на нее, уже готовый к тому, что вот сейчас, после того как будет нажата клавиша, на него посыплются результаты этого поиска, и он начнет просматривать их, перебирать и, возможно, в какой-то момент на экране появится Машино лицо и он увидит ее спустя столько лет. Увидит ту, которую когда-то любил больше жизни. И прошлое обрушится на его голову... И он вновь почувствует себя виноватым перед ней.

И испытает к маме недобрые чувства. Ведь и правда, это мама тогда всерьез постаралась, разрушила отношения Богдана и Маши.

Получается, Богдан не вспоминал Машу именно потому, что ему тогда бы пришлось вновь задуматься о роли его мамы в тех отношениях. Богдан не думал о Маше столько лет, потому что ему не хотелось думать плохо о маме.

И он и есть самый настоящий маменькин сынок.

«Получается, Рая, почти не зная меня, поставила мне верный диагноз. Сразу увидела мою проблему. Это и есть моя тайна!»

Богдан вскочил, стул на крутящихся ножках отлетел в сторону. «Рая сказала, что не придет больше на кладбище, не видит в том смысла. И похоже, это правда. А номер ее телефона я выкинул в урну, в том парке. Я ее больше не увижу никогда. Где ее искать, как?»

Он кинул взгляд на настенные часы – кажется, еще не поздно?

Выскочил из дома, сел в машину, направил ее к парку. Там бросил на стоянке, побежал по аллее. Фонари, музыка, влюбленные парочками... Богдан кружил по лесенкам, спускам и мостикам старого парка, пока наконец не спустился к набережной. Побежал вдоль гранитных перил, ища ту самую иву, ту самую скамейку. Кажется, нашел! Она вон там, да, точно...

Подбегая, он увидел двух работников в оранжевой униформе. Они как раз собирали мешки с мусором.

– Стойте! Не трогайте. Отдайте мне, я сегодня там кое-что оставил, пожалуйста.

Богдан выхватил у них прямо из рук пластиковый черный пакет с мусором, только что вытащенный из урны, и принялся копаться в нем. Хорошо, что рядом светил фонарь.

Фантики, обертки от мороженого, кукурузные огрызки, опять обертки от мороженого... Комок белой бумаги. Богдан развернул комок – это оказалась салфетка и на ней – цифры. Та самая!

– Спасибо, братцы. Нашел что надо.

На радостях Богдан сунул работникам весьма немаленькие денежные купюры и побежал назад, к выходу. Остановился, сел на очередной скамейке, попавшейся ему на пути. То и дело заглядывая в бумажку, набрал номер. Нажал на «звонок». Гудки.

– Алло? – отозвался женский голос.

– Рая?

– Да, я. А кто это?

– Не узнаешь меня? – спросил он.

Пауза. Потом Рая произнесла насмешливо:

– А разве мы уже на «ты», Богдан?

– Почему нет. Столько времени знакомы. Уже пора на «ты».

– Ладно. Давай на «ты», – легко согласилась она. – Откуда мой номер? Я же помню, ты выбросил его в урну там, в парке.

– Ну что... Я оттуда и звоню. Только что рылся в мусоре. Откопал вот.

– Что на тебя вдруг нашло?

– Надо встретиться, – сказал он.

– Зачем?

– Надо. Прямо сейчас.

– Сейчас не могу, – вздохнула Рая. – Я переезжаю. Собрала сумки, уже вызвала такси. Переселяюсь от мужа.

– Отмени вызов. Я приеду, я помогу тебе.

– Зачем? – опять спросила она уже каким-то новым, грустным голосом.

– Хочу увидеть тебя.

– Ладно, сейчас отменю вызов и скину тебе свой адрес, в сообщении...

В трубке раздались короткие гудки. Через минуту телефон Богдана звякнул. Пришло сообщение с адресом.

Богдан вернулся к своему автомобилю, вырулил со стоянки. Пока ехал, улыбался.

... Оставил машину у подъезда, набрал номер квартиры на панели домофона.

– Кто там? – раздалось из переговорного устройства.

– Это я. Открывай.

На нужном этаже Богдан вышел из лифта – Рая уже стояла в открытых дверях. – Привет. Проходи.

В прихожей – несколько сумок на полу, еще большой чемодан.

– Так вот ты где живешь... – побормотал Богдан, оглядываясь. Заглянул в открытую дверь, ведущую в комнаты. Минимум мебели, все в японском стиле. – Очень красиво.

– Я здесь больше не живу, – засмеялась Рая. Тут только Богдан заметил, что на ней – рваные по моде джинсы и футболка с принтом в виде кошек. Раньше Рая одевалась иначе. А как? – попытался он вспомнить, но не смог. Что-то такое, классическое, кажется. А сейчас,

в этих джинсах, этой футболке, она выглядит совсем юной. Девушка. Девочка...

– Это все? Можно нести? – Он указал на сумки.

– Да. Ты вот это бери, а я чемодан, он на колесиках.

Богдан подхватил разом несколько сумок, протиснулся через дверь на лестничную площадку. Следом вышла Рая с чемоданом, захлопнула входную дверь, защелкала ключами. Зачем-то прикоснулась к листьям большого растения, стоявшего на лестничной площадке, на высокой тумбе... Верно, протиснулась с этим цветком.

Они вошли в грузовой лифт, молча спустились.

– Погоди... Брошу ключи в почтовый ящик.

– Значит, все? Ты окончательно уходишь отсюда?

– Да, – удивленно ответила она. – Вот странно... Столько лет я прожила в этой квартире, в этом доме, а сейчас ничего не чувствую.

– Значит, «была без радости любовь, разлука будет без печали», – заметил Богдан.

– Вовсе нет... радости как раз очень много было! – невесело засмеялась она.

Погрузили вещи в багажник машины, часть затолкали на заднее сиденье.

– Куда сейчас?

Рая сказала адрес.

Ехали молча.

Богдан иногда косился на Раю: та сидела, опустив голову, задумчивая и спокойная. Один нос торчал, и по бокам лица – пряди волос.

Прибыли. Потасили вещи по новому адресу. Этот дом – обычная панельная многоэтажка. Консьержка на первом этаже, за стеклянной витриной, удивленно поздоровалась с Раей, проводила их любопытным взглядом.

Поднялись на лифте, втиснулись в прихожую.

Эта квартира была меньше и проще. Застоявшийся, пыльный запах.

– Тут никто не жил?

– Нет. Сдавать не хотели – только портить... А так тут мы с Олегом гостили иногда – во время ремонтов у нас, например. Иногда селили тут гостей, какой-то родственник мужа тут часто бывал.

Коллеги из других городов. Что-то типа бесплатной гостиницы для своих, – пояснила Рая.

Прошла на кухню, открыла широко окно. Поставила чайник на плиту.

Богдан прошел следом за ней, встал у окна. На улице – уже глубокая ночь, светили фонари. И на удивление тепло, как летом. Хотя почему «как», ведь через пару дней – настоящее, календарное лето.

– Если можно, сделай кофе, пожалуйста, – попросил он.

– На ночь? Не уснешь ведь... Я вот точно от кофе не сплю.

– А я не хочу спать.

– А что ты будешь делать ночью?

– Не знаю. Еще не решил. – Он сел на стул напротив, положил ногу на ногу. – Я ведь думал сегодня целый день над твоими словами. Я понял, о чем ты меня спрашивала, какая моя главная проблема. У этой проблемы даже имя есть – Маша Гречихина.

– Да что ты! – удивилась Рая, заварила кофе, налила его в чашки.

– Спасибо.

– А кто она, эта Маша?

– Моя первая любовь. Наверное, мы с ней были, как ты и Олег. Знакомы с детства, юношеская страсть, мечты о будущем. Мама ее терпеть не могла.

– Почему?

– Мама так и не признала ни одну из моих подруг. А Маша... Маша вызывала у нее особую неприязнь. – Богдан отпил из чашки. – В сущности, именно мама нас и разлучила тогда с Машей.

– Ты жалеешь об этом? – осторожно спросила Рая.

– Теперь нет смысла жалеть. Прошлое не вернешь, – пожал плечами Богдан. – Но проблему ты верно угадала, я – маменькин сынок. Признаю.

– Да тут и угадывать было нечего! – засмеялась вдруг Рая. – Прямо на поверхности все лежало!

– Я понял, что я раньше сердился на маму за это. За Машу. Только не знал, что сержусь, боялся себе признаться и от этого испытывал перед мамой чувство вины. Но это глупо. Я простил маму. Да и вообще, при чем тут мама, это был мой выбор тогда – расстаться с Машей...

– Ну и славно, – усмехнулась Рая. – Вот какая я молодец. Помогла человеку. Ты теперь можешь не тратиться на психотерапевта...

– Спасибо, Раечка, – улыбнулся Богдан, любуясь ею. – Ты очень умна и иронична. И ты мне нравишься.

– О нет, я ему нравлюсь, оказывается... – расхохоталась Рая. – Какая честь для меня. Или ты из чувства сострадания пытаешься поднять мне самооценку?

– Само собой!

– Ой, нет... – Она опять засмеялась, затем вскочила, взъерошила себе волосы, потерла лицо ладонями. – Это не я. Я себя не узнаю. Я ведь, ты знаешь, трусиха и очень осторожная. Чтобы я, да с почти незнакомым человеком... Позвала к себе домой...

– Ты про меня? – Богдан встал, придержал мечущуюся по кухне Раю за плечи. Она подняла лицо, уставилась на него своими странными, болотного цвета глазами.

– А про кого еще...

– Значит, я тебе тоже нравлюсь, – заключил он и притянул Раю к себе. И поцеловал.

Они стояли, слившись в поцелуе, очень долго, пока у Раи, наверное, не закружилась голова и она не оттолкнула его.

– О чем ты мечтаешь? – вдруг спросил он. – Вот больше всего на свете?

– Я? – Рая чуть пошатывалась, затем замерла, прижав ладонь к губам. – Я мечтаю о ребенке. Да. Да, я мечтаю о ребенке. А ты о чем?

– Я мечтаю о том, чтобы мама ожила, – неожиданно вырвалось у Богдана.

– О господи... да ты точно сумасшедший, – горестно вздохнула она.

– Не более чем ты. Сидела больше месяца на кладбище, ждала мужа, чтобы он тебя убил, – напомнил Богдан.

– Ладно, мы квиты. Два психа. Теперь уходи.

– Я не хочу.

– А я хочу, чтобы ты ушел, – мрачно произнесла Рая. – Ты думаешь, если разгадал свою проблему, понял, наконец, в чем дело, ты перестанешь быть маменькиным сынком? О нет. Ты на всю жизнь теперь маменькин сынок. Твоей мамы нет, но она есть, она вечно

рядом с тобой, и все твои подружки ей не понравятся. Уходи. Уходи, уходи, уходи...

Богдан не стал спорить, кивнул и вышел. Рая захлопнула за ним дверь.

Он вернулся домой, лег в кровать и попытался уснуть. Не спалось категорически, видно, кофе оказался слишком крепким.

Лишь под утро Богдан наконец задремал. И ему приснился сон. Приснилась мама.

Она ни разу ему не снилась после ее смерти, а тут вдруг бац – и явилась ему во сне.

Открыла дверь, зашла в комнату, села рядом на кровать (причем он во сне почувствовал, как матрас слегка опустился, прогнулся, словно под чьей-то тяжестью). Села и наклонила голову к плечу.

– Ты знаешь, Данечка, а она миленькая!

– Кто, мам?

– Да эта Рая. Вот первая нормальная и хорошая девушка рядом с тобой, я довольна... Не упusti ее.

– Ты меня, что ли, благословляешь, мам? – улыбнулся во сне Богдан.

– Типа того. Ведь так теперь говорят? И вот еще что... – Она нахмурилась. – Ну сколько можно? Займись уже своей жизнью. Я устала.

– От чего ты устала, мам?

– От тебя. Ты же меня вечно на привязи держишь, никуда не отпускаешь. Ты думал, это я тебя держу? О нет, это ты в меня буквально вцепился, мне и на том свете даже не вздохнуть!

– Мам, что ты такое говоришь?! Не ты ли всех подруг от меня отвадила? – попытался пошутить Богдан.

– Да какие это подруги... – наморщила нос мама. – Пиявки те еще. Паразитки. Лишь бы на шею мужику сесть. Это не любовь была, Данечка, а чистое вампирство с их стороны. Ведь все, все они от тебя чего-то хотели, чего-то тянули с тебя. Особенно Маша. Эта вечно унылая, трагическая Маша, у которой тридцать три несчастья... Ты бы всю жизнь ее спасал, и утешал, и помогал, и вытягивал бы, пока она не вытянула бы из тебя душу и не отправила бы на тот свет раньше времени!

– Мам, не говори ерунды. А я еще был уверен, что ты нормальная современная женщина!

– Нет, ты точно глупенький у меня, – всплеснула мама руками. – Ты что, не понял? Хватит спасать всех этих несчастненьких, спасай себя. Думай о себе, о своем счастье.

– Так ты сама себе противоречишь. Ведь я Раю спасаю тоже...

– Нет, тут вы с ней на равных, ваша помощь взаимна, вы... вы сколько берете друг у друга, столько и отдаете. Держись Раечки, ладно? Эта девушка мне очень, очень нравится! И у нее хорошая семейная история, у нее хороший род, ей не надо ни за какие грехи предков расплачиваться.

– Мам, ты извини, но я в этот бред про карму и грехи не верю, – с досадой произнес Богдан.

– Ну и зря. С ней бы ты прожил долго и ничем серьезным не болел бы. И деточки ваши были бы умные и здоровые. И счастливые.

Мама встала, матрас опять дрогнул, выгнулся.

– Я больше не приду к тебе, Данечка. Все, устала. Сегодня я сказала тебе все, что могла. Теперь прощай.

– Прощай, мама... – пробормотал Богдан. Сердце у него сжалось, и он проснулся. Медленно открыл глаза, зачем-то огляделся.

За окнами сияло солнце, в комнате никого не было.

– Я сошел с ума, – с тоской произнес Богдан, сел на кровати. – Хотя, наверное, это все игры подсознания. Я сказал вчера Рае, что хотел бы, чтобы мама ожила – ну и вот, сон этот. Про ожившую маму. И никакой мистики...

Еще он подумал о том, что Рая ему нравится даже и без маминого «благословения». Более того, даже если бы мама сейчас, в его сне, отозвалась о его новой знакомой нелестно, он все равно не отказался бы от Раи.

* * *

Рая открыла глаза и в первый момент даже испугалась. Где это она? Потом вспомнила, что она дома, у себя дома. И подумала еще: она, наверное, больше никогда не вернется в ту, прежнюю квартиру, в которой они столько прожили с Олегом.

А потом Рая вспомнила Богдана. Когда вчера раздался телефонный звонок с незнакомого номера, она ведь даже отвечать не хотела, потом передумала, решила ответить. И когда услышала в трубке знакомый голос, то в первый момент даже не поверила, что ей звонит Богдан.

Но это оказался именно он. Просил о встрече, сообщил, что ему надо увидеть ее...

Это было так приятно – его звонок, его просьба о встрече. Конечно, Рая согласилась. И позже, потом, когда они уже вот здесь, у нее, кофе пили, – она почувствовала, что готова на *все*.

Но он псих. Или нет, просто очень горюет о своей маме... ведь она умерла прошлой осенью, то есть чуть больше полугода прошло. То есть, в сущности, горевать столь сильно и не успокоиться за прошедшие полгода – это, в принципе, нормально. Когда больно, говоришь всякие странные вещи, вот Богдан и ляпнул о том, что хотел бы, чтобы его мама ожила. А разве она, Рая, не хотела бы, чтобы ее мама тоже сидела сейчас рядом с ней, живая?

Ну что поделать, если любовь порой – больше чем жизнь...

Рая вдруг заплакала: от сочувствия к Богдану, от сочувствия к самой себе, но это были какие-то другие, новые слезы, в них не пряталась горечь. Просто дождик, смывающий пыль с оконных стекол...

Если Богдан вдруг решит еще раз ей позвонить, она не бросит трубку, услышав его голос. Если они опять встретятся, то она не оттолкнет его. Она ответит на все его поцелуи и пойдет еще дальше...

Рая встала с кровати, привела себя в порядок, позавтракала. Села за свой рабочий стол, включила компьютер, собираясь приступить к очередному переводу.

И внезапно поймала себя на том, что думает в этот момент об Ангелине. Не об Олеге вовсе! Ну что муж, он ушел и не вернется больше. А вот Ангелина – она хитрая лиса. Она – победительница. Захапала себе все – и деньги, и чужого мужа. А всегда представляла-то себя невинной овечкой... Хотя на самом деле Ангелина не такая. Что-то в ней есть, в этой юной женщине, – темное, зловещее, загадочное. Или нет никакой загадки, это просто Раина ненависть чернит соперницу?..

Рая зашла в одну из популярных соцсетей. Откуда-то из глубин памяти всплыло название Ангелининой школы... имени одного известного космонавта... И выпуск... выпуск был лет семь назад, наверное?

Раины пальцы порхали по клавиатуре. Один класс, другой... И – вот оно. Ангелина Байракова (ее девичья фамилия). А вот фото с их выпускного...

Вот это кто? Она или не она – на общем фото выпускников?

Рая смотрела на экран и не узнавала Ангелину. Нет же, она. Ангелина Байракова в детстве, оказывается, была темненькая. Миленькая девочка с ротиком вишенкой и длинными ресницами. Она, точно она. Теперь понятно: Ангелина, оказывается, красила волосы в блонд все последние годы. И правильно делала, светлые волосы шли ей больше...

Вот еще одно совместное фото класса, и еще. Смеются, Ангелина переглядывается с какой-то своей одноклассницей, наверное, подругой, другая девочка, с бантом на голове, смотрит на Ангелину неодобрительно. Кто она, эта недоброжелательница? Вот, на другом фото подписано под той девочкой: Елизавета Постышева. Наверное, эта Елизавета терпеть не могла Ангелину. Если вспомнить, у этих подростков все просто: с одними дружба неразлейвода, другие чуть не врагами кажутся. Хотя чего там делить, такая глупость все эти детские страсти-мордасти...

«Здравствуйте, Елизавета. Я бы хотела с Вами поговорить об Ангелине Байраковой», – написала Рая и отправила письмо Елизавете в «личку».

Через пару минут на экране выскочил ответ:

«Кто вы и что вам надо?!»

«Я жена мужчины, который ушел от меня к Ангелине».

«Ха-ха».

Рая замерла перед экраном. Судя по всему, номер с Елизаветой Постышевой не удался. «Может, еще кому-то из их класса написать?»

На экране выскочило еще одно сообщение, от Елизаветы:

«От меня-то что надо?»

«Не знаю. Хочу понять, что за человек она, эта Ангелина. Ангел она или демон».

«Обычная девчонка она была, – последовал ответ. – Только противная. Ныла все время. Думала, что все ей должны».

«Говорят, ее преследовал физрук», – написала Рая.

«Ха-ха. Многие были уверены, что она его оговорила. Тот редкий случай, когда жертвой стала не ученица, а учитель! Впрочем, я ни в чем не уверена», – написала в ответ Постышева и в конце фразы добавила рыдающий смайлик.

Потом, следом, пришло второе письмо от бывшей одноклассницы Ангелины:

«Вся школа тогда разделилась на два лагеря. Одни сочувствовали Гельке и считали, что наш физрук – дурак. Он и правда дурковатый дядька, помешанный на физическом здоровье. Гонял всех, заставлял заниматься спортом. До фанатизма! Гельку он тоже гонял будь здоров. А другие, кто спорт любил, к нему хорошо относились. В общем, дело ясное, что дело темное. Директриса не стала поднимать скандал, просто уволила тогда физрука».

«Расскажите».

«Сами у него спросите», – ответила бывшая одноклассница и отправила Рае ссылку на страничку того самого физрука. Уже в другой социальной сети.

Рая прошла по ссылке.

Виталий Валерьевич Басюк. Немолодой лысый дядька с тоскливыми глазами. Вся его лента забита фото с рыбалки. Мужики, рыба, костер, опять рыба, котел с дымящейся ухой, опять рыба в руках...

Судя по всему, в данный момент Виталий Валерьевич находился в сети.

«Добрый день, – написала ему Рая. – Хочу поговорить о людях, которые интригуют и занимаются оговорами. Собираюсь вывести на чистую воду Ангелину Байракову».

Физрук отозвался тут же, но в отличие от Постышевой не сдался сразу. Долго бомбил Раю вопросами: кто она да что ей надо... Рая отвечала максимально откровенно и своих целей не скрывала: она хочет вывести на чистую воду Ангелину.

В конце концов физрук Басюк раскололся и с горечью поведал: да, много лет назад одна из его учениц его оговорила. Был скандал, ему пришлось уволиться, но, к счастью, хотя бы до суда дело не дошло.

Жена ушла от физрука вместе с детьми. Теперь он один, живет в общежитии, у него все более-менее нормально, есть друзья, с которыми он ходит на рыбалку, ну а больше мужику и не надо.

«Вы не хотите вернуть себе репутацию?» – спросила Рая.

«А смысл? Ее уже не вернешь. И охота вам, Рая, всей этой гадостью заниматься...» – написал Басюк и исчез из сети.

«А и правда, зачем мне все это? – подумала Рая. – До чего я скатилась: собираю сплетни об Ангелине...»

Басюк вдруг вновь появился в сети и отправил Рае очередное сообщение: на этот раз он просил телефонный номер Раи. Сказал, что хочет поговорить лично.

Рая написала ему свой номер, Басюк перезвонил тут же.

Голос у него оказался противным, скрипучим, очень звонким:

– Рая? Это я. Виталий Валерьевич с вами говорит. Добрый день. Вот вы говорите, что надо вернуть справедливость и все такое... Но как? Как это сделать, я вас спрашиваю?

– Вы действительно не домогались Ангелины Байраковой? – спросила Рая серьезно.

– Тьфу ты... Да не домогивался я ее! Зачем... Это ж гадость все.

Он именно так и произнес: «домогивался».

– Были свидетели?

– Да какие свидетели! – возмутился Басюк. – Я ей говорю: ты нормативы ни одного не сдала, ты через «козла» ни разу не смогла перепрыгнуть, ты пять километров отказалась бежать, ты стометровку шагом прошла... Я тебе «годовую» оценку не поставлю, это что ж за издевательство надо мной как над учителем...

«Надо же, как точно Постышева описала этого человека, – слушая Басюка, его гневные и страстные излияния, думала Рая. – Он типичный физрук, похоже. Откуда-то из прошлого как будто, когда каждый сознательный гражданин был обязан сдать нормы ГТО, если бы еще вспомнить, как это расшифровывается... А! Готов к труду и обо- роне!»

– Как все произошло, лучше расскажите, – нетерпеливо перебила Басюка Рая.

– Ну как. Она мне сказала, Байракова то есть, что после пятого урока придет ко мне и пересдаст. И пришла. Что-то там пыталась изобразить, опять вокруг «козла» бегала... А потом упала на маты и

давай реветь. Ну, я к ней, типа, убилась, что ли? А тут уже следующий урок, другой класс ко мне в зал рвется. А она ревет и ревет и вставать не хочет. Просит директрису позвать. Ну что делать, позвали. Пришла Наталья Евгеньевна, Байракова ей: пусть все уйдут, я стесняюсь, хочу только с вами, Наталья Евгеньевна. Ну, всех выгнали, и Байракова директрисе типа: «Виталий Валерьевич меня неприлично щупал». А я к ней даже не прикасался!

Пауза. Затем Басюк продолжил:

– Скандала Наталья Евгеньевна не хотела, она... ну, мне она все-таки хоть немного, но верила, хотя и Байракову ей тоже было жаль... Попросила меня уволиться по собственному. И я уволился. Хотя это мало помогло, слухи потом ходили. Все про меня узнали. Это такой позор. Хотя... ну она ж ребенок тогда была, эта Байракова. Дурочка еще. Что с нее взять... Ну вот так...

– И свидетелей нет, точно?

– Да вот, нету. Точно. Бесплезно это все. Теперь уже ничего не докажешь. Ладно, прощайте.

Пошли короткие гудки. Рая нажала на «отбой». Она почему-то верила бывшему физруку. С другой стороны, и правда, Ангелина являлась тогда ребенком. Несовершеннолетняя девочка. Шестнадцать или семнадцать ей тогда было?.. Детская глупость.

Но. Но... А если это не детская глупость, а характер Ангелины? Характер – он иногда очень рано проявляется. Если доказать, что Ангелина когда-то оговорила невинного человека, то... то что?

Олег тогда разлюбит Ангелину?

Нет.

Олег захочет вернуться к Рае, пожалеет о том, что оставил ее ради мелкой пакостницы и интриганки?

Нет.

Но зато есть вероятность, что Раю тогда перестанут сжигать изнутри эти мысли об Ангелине как о той, что победила ее.

«Победила? У нас с Ангелиной соревнование? Чем я сейчас занимаюсь?! Я обвиняла Богдана в том, что он псих, а настоящий псих – это ведь я. Решила вывести на чистую воду несчастную вдову, которая совсем недавно потеряла любящего мужа и осталась одна с маленьким ребенком на руках. Выкидыш у нее еще случился! Даже если она и оговорила физрука, то расплатилась уже за это своей не

самой счастливой судьбой! Что мне от нее надо, зачем я к ней привязалась... – Рая спорила сама с собой. – Недаром же говорят, что самая лучшая месть – это когда забываешь своего обидчика и становишься счастливой вопреки его козням! Да и вообще, какие еще козни? Чего я к Ангелине привязалась, она-то тут при чем? Это у меня к Олегу должны быть претензии... Он меня предал, он от меня ушел... Хотя и это ерунда все. Брак – не тюрьма. Не пожизненное заключение. Ну разлюбил, ну ушел... Имеет право человек. Тем более он меня не голой на мороз, с голодными детьми выбросил! Нечего из себя несчастенькую изображать...»

Умом Рая понимала, что напрасно пытается раскопать чужое прошлое, но, верно, эмоции сейчас владели ею, они оказались сильнее голоса разума.

Она не знала, как отвлечься, металась по комнате от стены к стене, словно птица в клетке билась, затем включила телевизор. Говорят же, что просмотр ТВ отвлекает, отупляет, заставляет впасть в забытье. И чем ниже уровень передач, тем сильнее «тупеет» мозг. Вот как раз это Рае сейчас и требовалось. Забыться хоть ненадолго!

Она включила один из главных каналов и, благо имелась подписка на интерактивное ТВ, нашла одну из самых рейтинговых передач.

Там как раз пытались проверить на детекторе лжи, спал ли известный актер со своей гардеробщицей или нет.

Около пяти минут Рая бессмысленно таранилась на экран, хотя с самого первого мгновения, поймав суть этой передачи, поняла, в каком направлении ей надо двигаться, если она собирается копаться в прошлом Ангелины.

Свидетелей нет, видеокамер тогда тоже не было в школе, никаких доказательств, ничего... Все бесполезно? Хотя...

Есть же еще детектор лжи, полиграф. Если физрук Басюк действительно невиновен, то проверка на полиграфе это подтвердит.

«А где я достану полиграф? Отправить Басюка на передачу, всему миру рассказать об истории с Ангелиной? Это вряд ли, Басюк же не известный актер, кому он нужен, передачу с ним делать...»

Рая на всякий случай села за стол перед монитором, набрала в поисковой строке «проверка на полиграфе»... И перед ней на экране компьютера выскочила куча сайтов, где предлагались услуги подобного рода. Рая принялась исследовать их. Вроде и не так дорого

даже... Почитала условия, отзывы, узнала о возможностях подобной проверки. Обзвонила несколько организаций, предлагающих подобные услуги.

Вечером позвонила Басюку.

– Виталий Валерьевич, кажется, я придумала, что можно сделать...

Она рассказала бывшему физруку о своей задумке. Когда Басюк понял, как ему можно решить свою проблему, то пришел в невероятное волнение:

– Рая... Рая, я согласен! Вы гений! А сколько стоит? Недешево... Но я готов! Не мильён же стоит... Пусть мне справку потом дадут, что я вот прошел проверку на детекторе лжи, что я ни сном ни духом... И всем, кто ко мне опять подъезжать начнет, я – раз! – и эту справку покажу. Что, дескать, невиновен.

На следующий день они отправились в контору, которая занималась проверкой людей на полиграфе. Как поняла Рая, эта услуга пользовалась сейчас популярностью, особенно в бизнесе. Иногда ею пользовались для проверки неверных супругов... Ну, разумеется, тех, кто был согласен добровольно пройти эту процедуру. Иногда полиграф требовался в расследовании вот таких историй криминального толка. Единственное, проверка на полиграфе, как поняла Рая, не всегда являлась доказательством в суде. Но они же с Басюком и не собирались идти в суд, им требовалось лишь подтверждение того, что Ангелина оболгала несчастного физрука...

Как Рая узнала, начав изучать эту услугу, главное – это, конечно, не сам полиграф, а тот человек, что работает на нем. Тот самый полиграфист. Насколько умело подобраны вопросы для проверки, понята им личность испытуемого, его реакции – от всего этого зависит конечный результат.

Рая побеседовала с полиграфистом (вполне разумный оказался товарищ!), объяснила ему ситуацию с Басюком. Высказала свои сомнения: а что, если физрук на самые «острые» вопросыотреагирует вполне понятным волнением – будет ли это считаться признаком его вины?

Постепенно разобралась, что это нормально и, в принципе, вопросы так и построены, что волнение должно присутствовать, и «правильное» волнение легко отделить от «неправильного».

Наконец приступили к испытаниям. Басюка облепили датчиками, полиграфист начал задавать ему вопросы, отвечать на которые можно было лишь «да» или «нет».

Вопросов было очень много, они были поделены на несколько частей. Рая даже устала, наблюдая за происходящим.

«Допрос» закончили. Результат его расшифровки обещали выдать немного позже.

– Мне тоже экземплярчик выдайте, ладно? – сипло попросил Басюк.

...Наконец Рая получила на руки заключение экспертизы на полиграфе. Специалист-полиграфолог описал те методы, которые использовал, указал перечень вопросов, которые задавались испытуемому, и сделал выводы по ответам того. В папке лежала так называемая полиграмма – распечатка графиков физиологических реакций, имелась также и видеозапись «допроса».

И вывод эксперта: Басюк Виталий Валерьевич, скорее всего, не совершал тех противоправных действий, которые вменялись ему в вину.

То есть – невиновен. Его оболгали. Навели напраслину.

Басюк чуть опоздал, приехал за результатами экспертизы позже. С Раей он встретился уже на улице.

– Вот, получила уже. Ваш экземпляр.

– Да?.. Спасибо... – Басюк схватил папку с заключением, принялся листать ее дрожащими руками.

– Виталий Валерьевич, успокойтесь. Все хорошо, – сказала ему Рая. – Вы невиновны. Вы ничего такого не делали. Я вам верю.

– Да? Не может быть... Это невероятно... И как я сам не додумался... – пробормотал Басюк. – Почему сам не догадался раньше? На детекторе на этом провериться...

Он стоял перед Раей – испуганный, смешной, нелепый дядька, – кажется, не понимая, плакать ему сейчас или смеяться.

– Вы мне жизнь вернули, Раечка, – вдруг прошептал он. Сделал какое-то движение, верно, хотел обнять Раю, но смешался, не решился сделать это. Тогда Рая сама обняла его, похлопала по спине.

Басюк выдохнул, тоже обнял ее, но тут же отступил назад:

– Знаете, Рая, а я ведь одно время руки хотел на себя наложить из-за несправедливости такой, ну, и из-за того, что со мной было. От меня

ведь все отвернулись. И я работу свою потерял. А я любил ее, работу. Они ж все сутулые нынче, дети, согнутые все, скукожены, в телефоны свои уткнулись... А потом сколиоз, потом без очков никак... Я ж их это... Спасал физкультурой?..

Рая пожала плечами, улыбнулась.

– Но я на Байракову не в обиде, уже говорил. Что с детей-то взять. Девчонки не понимают, что спортом надо заниматься, двигаться все время... Хотя они ж будущие матери! А то сидят на лавке для запасных и ржут там, из телефонов не вылезают. Пенкина тоже хороша была – все справки от матери приносила, думала, что она меня этим шокирует...

– Кто? Почему шокирует? – машинально спросила Рая.

– Так у Пенкиной Нади мать гинеколог была и все отводы от занятий физкультурой писала. Типа, по известным физиологическим причинам прошу не допускать мою дочь до занятий... А эти причины что, раз в неделю? Ну не бывает такого...

– А Пенкина кто?

– Так подруга Байраковой!

Басюк говорил и говорил еще что-то, вспоминая годы своей работы в школе, но Рая уже не слушала его. Попрощалась рассеянно, вернулась домой со странным чувством опустошения в душе.

«И вот чего я добилась? Доказала, что Ангелина «подставила» своего учителя? Да, это плохо, но она тогда была еще ребенком, мало что соображала... Ребенком. Ребенок...»

Рая вдруг вспомнила, что тогда, на поминках, кто-то из присутствующих обронил, что как теперь Ангелине жить – одной, с двумя детьми (один уже есть, второй на подходе).

Тяжело.

Потом, после поминок, Ангелина просила всех оставить ее. Даже Олега прогнала. И лишь потом, спустя несколько дней, объявила, что потеряла ребенка.

Это как-то... странно?

«Олег говорил что-то о шве после кесарева, что он мог разойтись от удара во время аварии, но, к счастью, не разошелся, а это уже плюс, значит, и не разойдется... Да, но потом эти похороны, тяжело. Возможно, эмоциональная травма, вот и случился выкидыш после всего этого ужаса. Тогда почему Ангелина так не берегла себя, не легла

вновь в больницу, ее же просили... И Олега опять же прогнала. И молчала еще сколько после выкидыша... Словно она что-то хотела скрыть. И лишь потом сделала сообщение: а вы знаете, я потеряла ребенка. Только не беспокойтесь, со мной уже все в порядке, тьфу-тьфу-тьфу...»

Рая ненавидела себя за эти мысли. Ей самой от себя было сейчас тошно: в своей ненависти к сопернице обвинять ту во всех смертных грехах... С другой стороны, Рая при всей своей любви к детям и мечтаниях о собственных никогда не осуждала женщин, сделавших аборт. Их тело – их дело. Тем более она не имела права осуждать Ангелину, оставшуюся одной, с маленьким ребенком на руках... Мало ли, решилась молодая женщина на такой шаг – аборт, но это ведь от безнадежности... Кто знает, быть может, Ангелина уже жалеет о своем поступке.

И вообще. Не исключено, что у Ангелины действительно случился выкидыш. Тогда все эти домыслы об аборте – лишние.

Но если Ангелина действительно решилась избавиться от своей второй беременности, то она тогда, получается, ну уж никак не невинный ангел, находящийся во власти жестокой судьбы. Ангелина в этом случае – просто расчетливая молодая особа, хладнокровная и ничуть не сентиментальная. Она тогда – обыкновенная притворщица, разыгрывающая из себя «бедняжку».

Рая вновь зашла в ту социальную сеть, где обнаружила одноклассников Ангелины. Еще раз перелистала все фотографии, что хранились на страничке Ангелины и ее подруг. И поняла, что та девушка, что вечно рядом с соперницей, – именно Надя Пенкина. Та самая Пенкина, о ней упоминал физрук. Пенкина, у которой мать работала гинекологом.

Рая перешла на страницу Нади Пенкиной, изучила ее профиль в социальной сети, нашла среди ее друзей некую Генриетту Пенкину. Вероятно, это и есть мать Нади, немолодая женщина с черными подглазьями, чем-то напоминающая панду.

Работает в какой-то клинике, там у нее частный кабинет. «Все виды гинекологических услуг». Адрес клиники.

Рая сидела перед монитором, и внутри нее все дрожало. У нее было ощущение, что она сейчас идет по той дороге, по которой идти

нельзя. И вообще, нельзя думать обо всем этом, искать даже у врагов своих их грязные тайны. Нельзя лезть в чужую жизнь.

Раньше Рая никогда не опустилась бы до подобного, не стала бы слушать чьи-то сплетни, не полезла бы к незнакомым людям с расспросами.

Да к тому же она интроверт, всегда инстинктивно старалась уклониться от любого общения. Разговоры с незнакомцами – это не ее.

Рая всегда являлась очень примерной, правильной девочкой, девушкой, женщиной. Никого никогда не обманывала. Что ей мешало, например, перестать предохраняться в браке? Хитростью получить от Олега столь желанного ребенка? «Ой, дорогой, я не знаю, как такое произошло, но наша система предохранения дала сбой, я беременна...» И что мужу делать, ему уже некуда деваться... «Ну что ж, придется рожать, дорогая!»

Но Рае был отвратителен обман. Она на него не пошла и Ангелине не позволит. Не позволит потому, что Олег Рае даже сейчас, когда они расстались, близкий человек. Практически родственник. Родственник, находящийся в дурмане любви, не отдающий себе отчета в своих поступках. Олег сейчас недееспособный, недаром же психологи говорят, что любовь сродни помешательству, болезни...

Как выяснить, делала ли Ангелина аборт (если она его действительно сделала)? Никак. Никто не даст Рае таких сведений, это врачебная тайна. Но. Но... Если Ангелина, по старой дружбе (они же подруги детства с Надей Пенкиной, значит, и мать Пенкиной ей тоже вроде старого друга), обратилась именно к Генриетте Пенкиной, то... то можно же как-то обыграть все это?

С другой стороны, с чего это вдруг Генриетта Пенкина начнет откровенничать с Раей, из серии: «Да, да, Гелечка была у меня, и я ей помогла, ну как не помочь несчастной, она ж мне почти как дочь...»

Мадам Пенкина-старшая, если она в здравом уме, не станет откровенничать с первой встречной о других своих пациентках.

«Пенкина-старшая пойдет на откровенность со мной, если только поймет, что я – не первая встречная. Я должна прийти и сразу открыться. Дескать, я знаю Ангелину, мой муж дружил с ее покойным мужем, и она мне призналась, что вы быстро и легко решили ее «проблемку»... Если Ангелина общается с Генриеттой Пенкиной, ну хоть сколько-то рассказывает матери своей подруги о себе, то, в

принципе, есть шанс, что Пенкина-старшая хоть раз, но слышала обо мне от Анжелины. Или же она просто поймет, что я из одной компании с Анжелиной, раз знаю столько подробностей о ее жизни».

Рая даже не подозревала, что она, оказывается, способна на такое. Хитрить, интриговать, выведывать! Заниматься вот этим всем, таким гадким... «А почему гадким? – сама себе яростно возразила Рая. – Я же не совершаю преступление. Я никого не убиваю, я не краду, я не совершаю подлог. Я никак не собираюсь потом использовать эти сведения, то есть не вынесу их на всеобщее обозрение, я не стану делиться ими со всеми окружающими. Тайну Анжелины буду знать только я. И Олег! Мне нужна правда, и ему тоже... Мне – потому что я уже схожу с ума, а Олегу – потому что тот уж слишком идеализирует эту особу!»

Но Раю все равно немного трясло, когда она придумывала свой план. Ощущение, что она делает что-то не то, продолжало ее преследовать. Но остановиться, прекратить Рая уже не могла. Она хотела открыть последнюю дверь, узнать, кто на самом деле является отрицательным персонажем во всей этой истории. Либо Анжелина, притворщица и манипуляторша, либо... это она, Рая. Вздумавшая разоблачать бедную и несчастную Анжелину, перенесшую столько потерь.

«Стоп. Самое-то главное. Допустим, я скажу Пенкиной-старшей, кто я. А зачем мне все это ей говорить, чтобы что? Мне тогда придется соврать, что я тоже хочу решить подобную проблему. Что я хочу сделать аборт и потому прошу ее о помощи. О ужас... – Рая схватилась за голову. – До чего я дошла. Придумывать про себя такое! Ну ладно, чисто теоретически. Я прихожу к Пенкиной, сообщаю ей, что хочу сделать у нее аборт, потому что знаю, что Анжелина у нее это тоже делала... И Пенкина мне верит, что я действительно знакомая Анжелины. А что, если Пенкина в курсе, что мой муж ушел к Анжелине? И мы с Анжелиной, получается, соперницы и враги! А вот и нет! – опять возразила себе Рая. – Анжелина не стала бы говорить Пенкиной о том, что у нее появился новый мужчина. Это же в ее духе – прикидываться бедной овечкой. Ни о каком новом мужчине не может быть и речи! Скорее всего, она сказала Пенкиной, что она – бедная вдова и не поднимет второго ребенка, помогите, тетя Генриетта... То есть я могу спокойно сказать правду, что я – жена друга покойного

мужа Ангелины. И что беременна, но ребенок мне не нужен, типа я какая-нибудь чайлдфри...»

Рая быстро посмотрела расписание на сайте клиники. Оделась и выскочила из дома, чтобы успеть на прием к Пенкиной.

Клиника – в старом здании из красного кирпича, бывшей фабрики, похоже.

Оказалось, что гинеколог может сразу же принять новую пациентку. Рая заполнила бумаги на ресепшн, оплатила первичную консультацию и отправилась в кабинет к врачу.

Генриетта Пенкина в реальности выглядела старше и мрачнее:

– Здравствуйте, с чем пришли...

– Здравствуйте. Понимаете, я... – Рая сокрушенно вздохнула. – Я – знакомая Ангелины. Той самой, что с вашей Надей училась.

– Гели Байраковой... ну, у нее сейчас другая фамилия, да... Она меня вам рекомендовала, что ли?

– Да. У меня та же проблема.

– Прямо повадились, – с тоской произнесла Пенкина. – Нет чтобы рожать... Аборт, что ли, тоже хочешь сделать?

– Да.

– А муж что говорит?

– Муж мой гуляет. Я с ним развестись хочу. И вообще, дети – это не мое.

– А почему ко мне, не к своему районному врачу отправилась? Хотя понятно, у них там всякие «недели тишины»... А я-то что, я хоть сейчас. Но ты-то подумай, детонька, не торопись. С мужем все-таки поговори. И приходи ко мне тогда, если уж точно решила.

– Но Ангелине-то вы сразу аборт сделали! – с отчаянием произнесла Рая.

– Естественно. Я ж видела, она в ужасном состоянии. Муж погиб, один ребенок уже есть, денег нет у нее, как я поняла. Тяжелая ситуация. Она ж тут плакала-плакала у меня, умоляла... Вдова, такая молодая. Я потому сразу и согласилась. А ты-то с мужем... погоди, подумай, милая, – неожиданно ласково произнесла Пенкина.

– Ладно. Я подумаю, – пробормотала Рая, вставая.

– Вот-вот. А не передумаешь, так приходи, чего уж. Куда деваться... давай-ка УЗИ сделаем, кстати, может, там и нет ничего.

– Нет-нет, я уже передумала. Ничего не хочу.

Рая выскочила из кабинета, вышла на улицу, пошла в сторону остановки, тяжело дыша. «Так я и знала, так я и знала... ТАК Я И ЗНАЛА!»

Потом вспомнила, вытащила из нагрудного кармана телефон, в котором все это время была включена функция диктофона.

Прослушала запись разговора с Пенкиной. Кажется, из этого диалога вполне понятно, что Ангелина сделала аборт после смерти мужа.

Рая написала сообщение Олегу: «Надо поговорить. По делу, не думай». Ответ: «Я у себя в офисе, в главном магазине».

Рая поехала туда, по дороге отправила мужу на почту аудиозапись разговора с Пенкиной.

Олег сидел в своем кабинете, обложившись бумагами и документами.

Рая так давно его не видела, что в первый момент растерялась. Ее буквально раздирали противоречивые чувства – и нежность к нему, и ненависть...

– Я был в нашей квартире. Я в курсе, что ты наконец съехала к себе. И это правильно, – сдержанно произнес Олег. – Что ты хотела? Я, кстати, уже обсудил с юристом формальности нашего развода... Уже почти все готово. Давай обсудим, что и как мы сможем с тобой поделить...

Рая подошла к столу и молча положила перед Олегом папку с результатами полиграфической экспертизы. Он принялся листать ее, брови Олега поползли вверх.

– Что это? Ничего не понимаю...

– Проверка на детекторе лжи. В конце заключение эксперта. Физрук не приставал к Ангелине. Она его оболгала.

– Какой физрук? – Олег начал бледнеть.

– Ну как, Ангелина же любит прикидываться бедной овечкой, жертвой детской травмы... Забыл?

– А при чем... а при чем тут ты?

– Я нашла этого физрука и повела его на проверку на детекторе. И он ее успешно прошел. Несчастный дядька со сломанной жизнью. И эту жизнь ему сломала твоя Ангелина. И даже не извинилась потом, когда уже стала взрослой, когда могла вполне оценить результаты своего поступка...

Олег смотрел на Раю ошеломленно.

– Ты еще почту свою проверь, – сказала Рая. – Там аудиозапись моего разговора с гинекологом, которая сделала Ангелине аборт. Ты не в курсе? Не было никакого выкидыша, Ангелина все выдумала. Она пошла и хладнокровно избавилась от ребенка Никиты. Нет, я ее не осуждаю, это ее личное дело... Я ее только за одно осуждаю: за вранье!

– Ты с ума сошла, – прошептал Олег с ужасом. – Я понял. Тебя надо в психушку, точно. Какое еще расследование ты решила провести?

– Чтобы ты знал. Ты связался с лгуней и притворщицей.

– Рая... Все, это невозможно... завтра же обращусь в полицию с заявлением на тебя. Ты опасна. Только посмей приблизиться к Ангелине... – застонал Олег.

– Да не нужна она мне, – с досадой произнесла Рая. – Я тебе хочу доказать, что она врет.

– А почему я должен тебе верить? Ты что, не могла сама сострять вот это все? – Он затряс папкой. – Да я тебе сто таких документов могу сделать... в наше-то время... И потом, кто ж поверит полиграфу? А аудиозапись... Ну, Раечка, сейчас любую запись можно сострять, легко!

– Так встретись с физруком, тем самым, поговори с той врачихой по фамилии Пенкина... Это реальные люди, между прочим.

– Рая... Рая... – продолжал стонать Олег, схватившись за голову. – Уходи. Видеть тебя не могу. Я еще, дурак, собирался отступить тебе дать, думал, нехорошо вот так разводиться, а тут... ты от меня ничего не получишь, поняла? Ни-че-го. Ты самая настоящая дура, которая отпилила сук, на котором сидела.

– Ну конечно, я и не сомневалась, что ты мне не поверишь, – облизывая пересохшие губы, ответила Рая. – Я была уверена, что Ангелиночка тебя неплохо обработала. Ни копейки бывшей жене, да...

– Да при чем тут она, это же ты, ты своими руками только что меня от себя отвратила... Уходи!

Рая вышла вон.

Оказалась на улице, побежала куда-то, сама не зная куда. Она смеялась. Наверное, это был нервный смех, потому что через какое-то время Рая принялась плакать. Потом опять смеяться... На прохожих

она не обращала никакого внимания. Потом поняла, что ноги сами ее несут в ее любимый парк.

Уже смеркалось. На аллеях зажглись фонари. Рая забралась на самую дальнюю дорожку, что круто уходила вниз, и побежала по ней, раскинув руки:

– А-а-а...

Она кричала, и с криком из ее груди выходило что-то черное, страшное.

Уже совершенно обессиленная, Рая добежала до самого низа и там выскочила к реке и оперлась о гранитный парапет.

«Ну вот. Ты сделала все, как хотела. Ты доказала самой себе, что твоя соперница – вовсе никакой не ангел. Но и не демон, если подумать. Ангелина – обычная женщина. Расчетливая и безжалостная. Что, ты довольна?» – обратилась Рая сама к себе. И ответила: «Да, довольна. Я не струсилась, ввязавшись во все это. Я не побоялась пройти весь этот путь... ведь там, в конце, рядом с Ангелиной стою и я – мстительная бабенка, у которой соперница увела мужа. Я вполне ее достойна, я ничем не лучше и не хуже ее. Или нет. Нет. Я еще ни одного человека не оболгала и от детей я не избавлялась...»

Рая уже настолько измучилась, что даже не понимала, грустит она сейчас или радуется. Первые капли дождя упали ей на руки. Рая подняла лицо, закрыла глаза.

Дождь был уже настоящим летним, теплым. Пахло травой и землей, пахло озоном. Сверкнула молния на той стороне реки, затем раздался оглушительный треск – это прогремел гром.

Начиналась летняя гроза.

– Вот ты где, – произнес знакомый голос рядом.

Рая открыла глаза и увидела Богдана.

* * *

Богдан закончил кое-какие свои рабочие дела, переговорил с заказчиком, а потом решил позвонить Рае, потому что все это время он думал о ней. Не напрямую, а так... ее образ все время находился где-то близко. Висел на краешке сознания, на краешке ресниц. Когда вроде

идешь куда-то, делаешь что-то, говоришь с кем-то, а где-то неподалеку мелькает оно, знакомое лицо.

Он уже взял в руки телефон, чтобы набрать ее номер, а потом передумал. Не лучше ли сразу поехать к ней. Без звонка, без всякого предупреждения.

Не самый лучший способ встречи с девушкой, которая нравится. Это все равно что свалиться ей как снег на голову. Девушки этого не любят. Но Рая не такая, как все прочие девушки. Она особенная. Кажется, она понимает, что такое *поток*, когда словно несет какой-то волной... и страх, и восторг – все вместе.

Богдан сел в машину, поехал... Потом вдруг затормозил, проезжая мимо знакомого места. «Она говорила, что любит гулять тут. Если я сейчас ее встречу, то... то я даже не знаю, что это будет значить! Но это будет так здорово, словно чудо какое-то».

Он прошел по центральной аллее. Уже было темно, горели фонари. Потом вдруг подул ветер, небо осветилось молниями, загрохотал гром. Навстречу бежали люди. Они торопились к выходу, желая поскорее убежать от начинающейся грозы.

«Раи там нет, – сказал сам себе Богдан. – Ну куда тебя несет, ее там нет».

И все же он спустился к набережной, прошел чуть вперед. Людей не было, ветер трепал ветви деревьев. А потом Богдан увидел силуэт на фоне сверкнувшей молнии. «Она? Что, правда? Так бывает?»

Он подошел ближе и увидел Раю. Это была действительно она. Стояла у перил, положив на них руки и подняв лицо вверх, с закрытыми глазами. Именно в этот момент и начался дождь.

Богдан открыл зонтик, сделал еще шаг. Он смотрел на Раю и удивлялся. Ну как можно быть такой красивой?!

Дождь припустил сильнее. И тогда Богдан наконец смог произнести:

– Вот ты где.

Рая повернулась, с изумлением посмотрела на него. Он сделал еще шаг, и теперь они оба стояли под зонтом.

– Как ты здесь оказался? – спросила она.

– Я ехал к тебе. Потом решил проверить, а вдруг ты тут. И правда, ты тут. Я, наверное, экстрасенс? – Он засмеялся и свободной рукой прижал Раю к себе.

– А зачем ты ехал ко мне? – спросила она.

– Как зачем? Я тебя хотел увидеть.

– А ты не мог позвонить?

– Мог. Но не позвонил. Ведь так лучше, правда? – Он поцеловал ее в лоб.

– Мне в последнее время тоже все кажется, будто я знаю то, чего не знают другие, – призналась Рая. – Словно какой-то третий глаз открылся, что ли... И все правильно, и все совпадает. И я в конце концов оказываюсь права.

– Я тебя понимаю.

– Но только ничего хорошего в этом нет, в этом дурацком тайном знании! – с отчаянием произнесла Рая, и это ее детское почти отчаяние невыразимо умилило Богдана.

– Почему нет, – возразил он. – Я вот так прямо счастлив сейчас, что угадал, где тебя искать.

Она подняла лицо, и в полутьме, при свете фонарей и вспышках молнии, Богдан увидел на нем улыбку. Он прижал Раю к себе еще сильнее и поцеловал.

Рая ответила на его поцелуй. Она и не думала его отталкивать. У Богдана было такое чувство, будто все эти молнии, что сверкали вокруг, пропустили через него.

Сколько прошло времени, Богдан не знал. Наверное, время остановилось... Долгое, долгое, прекрасное мгновение. Они стояли и целовались, а летний дождь барабанил по куполу натянутого над ними зонта, словно само небо протянуло руки и захотело прикоснуться к ним, чтобы погладить, утешить.

Еще недавно они были двумя одиночествами, неприкаянными и, каждый по-своему, несчастными. Что же изменилось в этом мире, почему так легко и радостно вдруг стало на сердце, когда они наконец соединились? Ничего же не прибавилось и не убавилось вокруг, ни-че-го, ни одна проблема не решилась, ни одна из прошлых ошибок не исправилась... Никто не выиграл миллион в лотерею, ни на кого не обрушились слава и успех, не было изобретено ничего нового... Почему же так хорошо, словно именно с этого мгновения началась новая, прекрасная жизнь, в которой начали сбываться все мечты?..

Дождь был сильный, даже зонтик не спасал. У Раи намокли волосы. Влажные, они теперь пахли сандалом и кедром, каким-то

приятным, терпким восточным ароматом.

Когда Богдан с Раей уже устали целоваться, то просто стояли обнявшись, не в силах хоть на сантиметр отойти друг от друга, перестать быть единым целым.

– Я еще никогда не целовалась с бородатым мужчиной, – с удивлением произнесла Рая, прикоснувшись ладонью к его бороде. – И ты рыжий. Вот удивительно.

– А ты вообще на человека не похожа, – весело произнес он. – Когда я в первый раз тебя увидел, то решил, что ты инопланетянка, прилетевшая на Землю с другой планеты.

– Что значит «не похожа»? – возмутилась она. – Руки-ноги есть, голова на месте... У меня что, хвост или жабры... ты, между прочим, показался мне сумасшедшим. Я серьезно.

– О, можно подумать, ты – образец разумности и адекватности!

Они хохотали, шутили, потом опять принялись целоваться.

– Ты вся промокла... – Богдан посмотрел вниз: Рая была в босоножках, открытых, на низкой подошве. – Пойдем.

– Пойдем, – легко согласилась она.

Они побрели по дорожке вверх, обнявшись. Дождь скоро закончился, Богдан закрыл зонт.

На широкой аллее, ведущей к главному выходу, росли белые пионы. И листья, и сами соцветия, большие и тяжелые, словно пригнулись от только что прошедшего дождя, в свете прожекторов, над клумбами переливался молочный туман – это земля отдавала свое тепло. Все блестело от воды, и ручейки бежали по асфальту.

Прохожих – никого. Всех разогнала гроза... Откуда-то сверху, наверное, из громкоговорителя, вдруг зазвучала музыка. Богдан перехватил правой рукой Раину левую руку, чуть помедлил, выжидая, для того чтобы попасть в такт, и затем повел Раю вперед, под музыку. Затем закружил, потом опять повел.

Они танцевали на пустой аллее, в свете фонарей, и смеялись.

– Парам-пам-пам-пам, парам-пам-пам... Опа... – Богдан закружил Раю, потом прижал к себе, затем развернул. – Ты хорошо танцуешь!

– Еще бы! – со странным выражением произнесла она. – Мы года четыре, еще в студенчестве, ходили с мужем в школу танцев... По вечерам, раз в неделю. В каких-то конкурсах даже участвовали. Мне

все завидовали: ах, у тебя постоянный партнер, как это мило, как это мило...

– О нет. Я ревную, представляешь?! – с веселой яростью произнес Богдан. – Я в детстве посещал танцевальную школу. Вот тоска была... Обязаловка. Если бы я знал, что когда-нибудь встречу тебя. Парам-папа...

Танцуя, они добрались до главных ворот. Еще одно «па» на автомобильной стоянке.

– Прошу, – Богдан распахнул дверцу машины перед Раей, помог ей сесть. Куда они едут, Рая не спросила. Она вообще молчала, пока они ехали, смотрела куда-то в сторону с едва заметной улыбкой на лице.

Богдан тоже не стал ничего говорить и направил машину к своему дому. Заезжать в какое-то кафе? Промокшими после этого дождя? Смысл?

В общем, он привез Раю к своему дому, там, во дворе, у подъезда, опять помог ей выйти. И она опять ничего не произнесла, лишь улыбалась загадочно.

Когда ехали в лифте, Богдан нюхал ее волосы.

– Кедр. Это кедр, я знаю.

– Что – кедр? – лишь тогда спросила она.

– Твои волосы пахнут кедром.

– Да? А я как-то и не интересовалась...

Он открыл дверь, пропустил ее вперед.

– Ванная там, и там все есть. Беги, грейся, а то замерзнешь. А я пока сделаю глинтвейн. Ты будешь?

– Ага...

Она закрылась в ванной и вышла минут через пятнадцать в белом махровом халате до пят. Уже серьезная, смотрела вниз. Волосы ее после мытья казались совсем черными, толстыми тяжелыми прядями они лежали на белом, и эти темные глаза болотного цвета... Игра контрастов. А еще узкие запястья в широких рукавах. Богдан опять поразился тому, какие у Раи красивые руки.

...Они пили глинтвейн, расположившись на большом диване перед телевизором. Богдан включил какой-то музыкальный канал.

Он думал только об одном сейчас, но не хотел форсировать события. Пусть будет как будет. Ни словом, ни жестом он не хотел

разрушить эту волшебную гармонию.

– Еще? – спросил он, когда Рая протянула ему пустой бокал с фруктами на дне.

– Нет, спасибо...

Он убрал ее бокал и тут все-таки не выдержал. Сел с ней рядом, обнял. Прижал к себе, буквально подгрёб. Рая подняла к нему лицо, и он поцеловал ее.

И все, все, дальше уже невозможно было остановиться. Белый халат сполз, упал на пол. У Раи были влажные холодные волосы, горячие губы.

Богдан поцеловал ее запястья. Потом прижал ее руки, ладонями, к своей груди.

– Давно мечтал, – прошептал он.

– О чем?

– Чтобы ты прикоснулась ко мне вот этими своими руками.

– Ты об этом мечтал? Когда? – выдохнула она.

– Когда в первый раз увидел тебя.

– Ты смотрел на меня с такой ненавистью...

– Конечно, ты была не моя тогда.

Рая провела руками по его телу, Богдан замер. Легкое касание, словно ласточка на лету задела его своим крылом. Прижала ладони к его горячей коже, сжала. Пробежала пальцами.

– Так? – спросила она.

– Да. Еще.

Она вдруг засмеялась, и ее смех показался Богдану таким нежным, почти неземным, что ли... Он открыл глаза и встретился с ее глазами. Потом она закрыла глаза, а он, наоборот, глаз не закрывал, и сверху вниз с какой-то жадностью все смотрел на ее лицо, сначала томно-расслабленное, безмятежное и слегка удивленное. Потом лицо стало меняться, щеки чуть порозовели, крылья носа раскрылись, словно ей не хватало воздуха. Потом она закусил губу, подняла брови, приподнялась и некоторое время трепетала, вибрировала почти как натянутая струна. Потом опустилась затылком назад, расслабилась, и губы ее замерли, полураскрытые.

Они лежали некоторое время неподвижно, затем Рая прикоснулась к своим волосам, нахмурилась. Богдан вскочил, принес фен, включил

его и стал осторожно сушить ее волосы, разметавшиеся по изголовью дивана.

– У тебя волосы, как змеи, ты знаешь?

– Я что, горгона Медуза? – улыбнулась она, повернулась на бок и уютно поджала ноги.

– Ага. – Богдан поцеловал ее в плечо. – Такая красавица, такая красавица...

– Что смотреть страшно?

– Да просто не оторваться! Полностью околдованный...

Она улыбнулась хитро, потрепала его за бороду. У Раи, оказывается, было чувство юмора, она умела и могла шутить, в состоянии была поддержать веселую болтовню, но в то же время не сваливаясь при этом в бесконечный стеб. «Господи, как она мне нравится! – подумал Богдан. – И какой ее муж дурак...»

* * *

Рае позвонили с незнакомого номера. Она ответила, и оказалось, это был юрист по разводам. От Олега. Юрист предложил Рае встретиться для оформления всех необходимых документов. Сказал, что готов приехать к ней домой или, по желанию, Рая может подъехать к нему.

Рая сказала, что лучше к нему.

...Юридическая контора в новом современном здании. Приемная, отделанная деревом, длинные коридоры с золотыми цифрами.

Секретарша подвела Раю к нужной:

– Вот, прошу, Юрий Антонович ждет вас.

Юрий Антонович оказался довольно-таки молодым человеком – лет тридцать ему было, не больше. В костюме, абсолютно лысый, глаза за стеклами без оправы. Вел себя настолько нейтрально-спокойно, что у Раи даже возникло ощущение, будто она сейчас общается с роботом.

Обсудили все детали развода. Растолковали по пунктам все вопросы. Рая кивала, соглашалась. Иногда переспрашивала, потом опять кивала.

– Ну что ж, кажется, мы пришли к соглашению. Вам все понятно, Раиса Игоревна?

– Да, все, спасибо, – вздохнула Рая.

– Точно все? – Юрий Антонович пристально смотрел ей прямо в глаза.

– Да.

– Что вы поняли, простите?

– Что мы с Олегом любовно расходимся и претензий друг к другу никаких не имеем. И ничего не делим. То есть каждый при своем... Так?

– Совершенно верно, – бесстрастным кивком подтвердил юрист. – Подпишите здесь и здесь, сейчас еще кое-куда съездим, кое-что заверим, поставим печати...

Еще через час, полностью закончив с формальностями, Рая распрощалась с юристом.

Вернулась к себе домой, принялась варить легкий летний супчик из овощей.

Звонок. Это был Олег.

– Ну что ж... Ты молодец, – сказал муж. Вернее, уже бывший муж. – Ты сделала это. Мы сделали это!

– Поздравляю тебя и себя, – усмехнулась Рая, одной рукой держа телефон у уха, другой мешая суп.

– Трудно привыкнуть. Столько лет мы были вместе и тут оп – как отрезано... – задумчиво пробормотал муж.

– Да ну, перестань, брак – это ж не пожизненное заключение!

– Ты такая спокойная. Даже странно. Но это хорошо, что ты наконец сумела взять себя в руки, перестала истерить, вести все эти дурацкие расследования... Ведь перестала же? – в голосе бывшего мужа слышалась тревога.

– Да, перестала, – добродушно согласилась Рая.

Рая все ждала, что он начнет прощаться, но Олег чего-то медлил, тянул. Словно его еще что-то мучило.

– Рая... ты хоть что-нибудь чувствуешь? Я серьезно! В принципе, мы ведь с тобой даже можем остаться... не друзьями, нет, но приятелями... Пусть мы и ссорились в последнее время...

– Нет, что ты. – Она выключила плиту, закрыла кастрюлю крышкой. – Умерла так умерла. В смысле, наша любовь. Наш брак, наши отношения. Все умерло. Ты мне теперь чужой. И твоя мама, Любовь Петровна, тоже чужая, и все твои друзья... Все чужие. Я

ничего к ним не обязана больше чувствовать, я ничего не должна им, в смысле помогать там, делать подарки и прочее. Ну, и тебе в первую очередь, да!

– И ты мне чужая, – мрачно подхватил Олег. Прокашлялся, словно опять хотел о чем-то спросить, но сдерживался.

– Прощай? – сказала Рая.

– Что? А, да... Прощай, Рая. Прощай!

Рая нажала на «отбой». Потом села на стул, словно этот короткий разговор отнял у нее все силы.

«О чем еще он хотел поговорить? А я знаю о чем. Я же сегодня, по сути, согласилась со всеми его условиями. Что мне при разводе ничего не полагается. И юрист этот тоже все очками сверкал: вы поняли, вы поняли? Да, я поняла и ничего не требую. Они, верно, думали, что я права начну качать, бизнес делить и все такое... А мне ничего от Олега не надо. Да пропади оно все пропадом...» – Рая оттолкнула от себя телефон, и тот отъехал на другой край стола.

Вечером за Раей заехал Богдан, как и договаривались заранее. Зашел с букетом и с порога:

– Готова? Прогуляемся, детка? Сегодня чудесный вечер. Такси внизу, уже ждет. У меня на примете есть одно летнее кафе...

– Прекрасная мысль. Прекрасная, – страстно произнесла Рая, на ходу влезая в летние туфли. – У меня сегодня случилось очень важное событие, и это определенно надо отметить! Погоди, я цветы в вазу поставлю... – Она убежала на кухню.

– Какое событие? – с любопытством крикнул из прихожей Богдан.

Рая поставила цветы в вазу, вернулась к своему кавалеру:

– Я с сегодняшнего дня официально разведена.

– Ого! – поразился он. – Определенно это надо отметить!

В лифте он принялся целовать ее:

– Значит, ты теперь свободная женщина...

– Да, ни в чем себе не буду отказывать!

Сели в такси, поехали.

Всю дорогу шутили и смеялись, даже таксист иногда улыбался, поглядывая назад. Рая сама себя не узнавала: как это возможно, ее многолетний брак рухнул, а она смеется и ни о чем не думает.

В летнем кафе, расположившемся на берегу озера, они сели как раз у воды. Заказали шампанского и всяких морских гадов.

– Ну, за тебя. За свободную женщину.

– Отличный тост!

Рая выпила бокал залпом, закашлялась, засмеялась.

– У меня возникла мысль, – сказал Богдан.

– О, давай за мысль!

– погоди, не гони, – он взял ее за руку. – Поехали куда-нибудь? У меня «окно» в июле... Поехали?

– Куда?

– Куда скажешь, – ласково произнес он, глядя на Раю с таким обожанием, что ей даже не по себе стало.

– Хорошо, я подумаю, – ответила она.

Официантка принесла блюдо с устрицами.

– Ты знаешь, как их есть? – спросила Рая у Богдана.

– Ты ни разу не пробовала раньше?

– Нет. Мне это казалось ужасной гадостью. А теперь даже интересно, – призналась Рая. – И мне уже ничего не страшно.

Она попробовала устриц, задумалась. Потом изрекла:

– Ничего так... Съедобно, оказывается.

Богдан взял ее руку, поцеловал.

– Какая же ты милая.

– Еще шампанского?

После ужина Рая и Богдан принялись бродить по городу. Оба были навеселе.

– ...ты знаешь, я раньше всего боялась. Чтобы вот так напиться где-нибудь, как мы с тобой сейчас, – да ни в жизнь! – призналась Рая.

– А что в этом страшного?

– А вдруг меня заберут в полицию?

– С чего тебя должны забрать в полицию? Ты же не хулиганишь, не нарушаешь общественный порядок... – удивился Богдан. – И потом, мы, считай, особо и не пили – всего бутылка шампанского на двоих. Ты видела своего мужа сегодня? – неожиданно спросил он.

– Нет. Только с его юристом общалась. Но потом Олег позвонил, да. Предложил остаться друзьями.

– А ты согласилась? – ужаснулся Богдан.

– Нет! Сказала, что он мне чужой и все их семейство тоже.

– Это правильно.

– Ты ревнуешь, что ли?

– Я тебе уже сто раз говорил: да, да, да, я тебя ревную! К твоему мужу и ко всем!

Рае вдруг стало обидно:

– А мне каково? Я, может, до сих пор не могу забыть Машу Гречихину. Твою первую любовь. Ты ведь до сих пор ее вспоминаешь?

– Нет, – быстро ответил Богдан. Рае не понравилось, что он так быстро ей ответил. Слишком быстро!

– Врешь.

– Честное слово.

– Ты искал ее?

– Нет. Возможно, сейчас Маша – почтенная мать семейства. Солидная матрона, забывшая мое имя.

– А если она не забыла тебя? А если она вдруг появится? Кто знает, быть может, она все эти годы помнила о тебе, считала ваше расставание ошибкой.

Богдан бросился уверять Раю, что ничего подобного. Рая не верила и капризничала.

Потом ей стало вдруг нехорошо, просто ужасно нехорошо. Она побежала, Богдан – за ней.

– Куда? Да что случилось-то?..

– Меня тошнит, – с яростью произнесла Рая. – Я не могу... тут люди, а я...

Она забежала на какой-то пустырь, остановилась у старого гаража.

– Волосы держи! – наклонившись вперед, закричала она.

– Зачем?

– Держи волосы! – Рая запуталась в собственных волосах и едва не упала.

В конце концов Богдан догадался, что надо делать, и все то время, пока Раю рвало, он терпеливо держал ее волосы над головой. Потом сбегал за водой в ближайший супермаркет и отмывал Раю. Потом сидел с Раей на лавочке в сквере, вытирал ей влажным платком лицо и шептал слова жалости и утешения.

– Никогда. Никогда-никогда...

– Что – никогда?

– Я никогда больше не стану пить шампанское и есть устрицы! Ненавижу алкоголь.

Он засмеялся и обнял ее, прижал к себе. И произнес с восхищением:

– Ты такая милая. И я теперь вполне готов к отпуску. Потому что я знаю, как это – держать волосы!

– Это мой развод из меня выходил сейчас, точно...

Рае стало немного лучше, и Богдан повез Раю к себе домой, поскольку это было ближе.

К ночи Рае стало совсем хорошо, ну и Богдан не преминул этим воспользоваться. Рая не была против.

* * *

Ангелине нравилось, что Олег очень понятно и обстоятельно рассказывает ей обо всем – о себе, своих принципах, о бизнесе, который ведет... Как надо руководить сетью продуктовых магазинов, общаться с поставщиками, лавировать среди законов и реагировать на жалобы покупателей – словом, сообщал все управленческие тонкости и подробности Ангелине. Он это называл «вводить в курс дела». Олег надеялся, что когда-нибудь в будущем Ангелина станет его полноправной помощницей.

Никита, покойный муж, Ангелине так не доверял. Не то чтобы он ее за дурочку считал, нет... Но Никита всего боялся и, как теперь уже догадалась Ангелина, сам многого не понимал в отличие от Олега.

Просчитывать все наперед Никита не умел, сложности его пугали, и чуть что он бежал к своему компаньону: «Олег, все пропало, что делать?!» На помощь жены Никита поэтому совсем не рассчитывал. Самому бы справиться...

Он был хорошим человеком, чего зря покойного оговаривать. Добрый, совершенно не агрессивный. Дочку обожал, возился с Серафимой все время... У Ангелины же не хватало терпения выносить все Серафимины закидоны, еще этот дурацкий период детского негативизма, когда ребенку все наоборот делать хочется... А у Никиты хватало. Он никогда не орал на дочь, все ее выходки переносил очень мирно. Иногда Ангелина думала, что лучше бы они поменялись ролями с мужем: он бы дома сидел, а она руководила бы бизнесом.

А вот Олег очень хвалил Ангелину за энтузиазм. Объяснял, показывал, чертил схемы. Потом вздыхал, правда, когда она что-то начинала путать: «Слушай, зайка, но тебе точно бы экономическое образование не помешало... Может, пойдешь на заочный или какие-нибудь курсы хорошие я тебе найду?»

Ангелина колебалась. Она не очень любила учиться, никогда не мечтала о высшем образовании. Пять самых лучших лет молодости угрохать на зубрежку?.. Школу она тоже без восторга вспоминала. Эта скучная литература, где ничего непонятно, потому что про старые времена, какие-то странные персонажи. Сплошные идиоты и лишние люди! История – тоже скука. Даты и сражения. Скопище чужих ошибок и ненужных жертв. Причем ладно бы какой-то опыт люди получали, изучая историю для того, чтобы не совершать потом тех же ошибок... так нет! Веками люди наступают на одни и те же грабли, так что смысл учить историю?

Геометрия, алгебра и прочие логарифмы? У Ангелины к ним в школе была тихая ненависть. Вот что ей точно не могло пригодиться в жизни. Да и вообще, многие вещи не обязательно учить, все ответы есть в интернете. Зачем зубрить, когда можно погуглить?

Физкультура? О нет. Дурацкая форма эта спортивная, душная вонючая раздевалка. Душа не было, конечно. Противные старые маты в спортзале, брусья с канатами... «Козел»! Орудие пыток. Нет, ну парням-то еще ничего, но зачем ей, нежной хрупкой девочке, был нужен этот «козел»? Таким же козлом являлся и учитель физкультуры, мужлан Басюк. Настолько тупое создание, что он даже и половины тех шуточек, что отпускали в его адрес Ангелина с ее подружкой Надей, не понимал, принимал всерьез.

Ангелина вспоминала эту физкультуру как страшный сон, как унижение своего достоинства. Своего тела. Да, это было насилие – выполнять чьи-то указания – пробежать, прыгнуть, отжаться, залезть на канат.

Много позже, уже после рождения дочки, Ангелина, чуть поправившись, решила пойти на фитнес. И поразилась, какая огромная разница между занятиями в спортклубе и школьной физрой! В первом случае – сплошная радость и удовольствие. Мало того, и деньги за то немалые платились, но не жалко, вот нисколько не жалко за это заплатить.

Поэтому над предложением Олега получить высшее образование Ангелина всерьез задумалась. Может, и правда стоит этим заняться?

Но пока она пыталась сориентироваться в бизнесе, руководствуясь советами Олега.

Он нанял Серафиме няню, а Ангелину стал брать с собой на работу.

Как-то посадил ее в своем офисе, что при центральном магазине, подсунул бухгалтерскую ведомость: «Попробуй разобраться, детка, может, поймешь, куда сто тысяч пропали...»

С бухучетом Ангелина не справилась. Сразу поняла: пока этот вопрос не по зубам ей. Захлопнула ведомость, принялась разбирать папки на столе Олега.

Открыла одну, пролистала – и мороз по коже. На миг Ангелине показалось даже, будто она сходит с ума. Откуда тут это ненавистное имя – Басюк Виталий Валерьевич?! Ангелина лихорадочно просмотрела всю папку. Перечитала раза три вывод какого-то там эксперта в конце... Вывод гласил: Басюк и не думал помогать несовершеннолетней Ангелины Байраковой. То есть ее.

Ангелина, оцепенев, сидела над этой папкой. Как, кто, откуда? Зачем?! В таком состоянии ее застал Олег.

Зашел в комнату, испугался:

– Зайка, что с тобой? На тебе просто лица нет!

– Олежка, это что?

Олег увидел папку:

– Прости. Забыл выкинуть. Раиса принесла. Она сумасшедшая, я понял.

– Что еще она принесла? – прошептала Ангелина. – Пожалуйста, расскажи мне, чтобы я была ко всему готовой. Я не маленькая девочка, я должна знать!

Олег сообщил, что Раиса отправила еще ему какую-то аудиозапись. Якобы она записала разговор с какой-то докторшей... и речь там о том, что Ангелина сделала аборт.

– Так твоя Раиса утверждает, что у меня не выкидыш случился, а я сделала аборт? И это я, я добровольно избавилась от ребенка Никиты... после его смерти... какой кошмар.

– Я же говорю, она сумасшедшая! – с отчаянием произнес Олег. – Эта дурацкая ревность... Ну ты же ее видела, она неменяемая. Зря

мы, что ли, с тобой столько в гостинице жили, лишь бы она нас не нашла!

Ангелина вышла из-за стола, пошла прочь. Олег – за ней.

– Зайка, куда ты?

– Оставь меня. Никогда еще так плохо не было... Даже когда погиб Никита. Тогда-то понятно – дорога, скользко... такие обстоятельства. Судьба. А тут... Кто она, твоя жена? Чудовище. Мне, мне, столько вытерпевшей, ножи в спину втыкает. Это подло.

– Да не жена она мне больше, нас позавчера уже официально развели! Хочешь, я в полицию на нее заявление напишу, давно собирался!

– Смысл... Ты же в курсе, у нас пока нет трупа – никто не реагирует.

– Да я всех на уши поставлю...

– Олечка, ну что ей будет за эти писульки. – Ангелина кивнула на стол, где лежала злосчастная папка. – Разве ты не понимаешь, чего Раиса добивается? Чтобы ты во мне разочаровался. Чтобы ты бросил меня.

– Глупости. Я ей не верю.

– Сейчас не веришь, потом поверишь. Вода камень точит.

– Ну чем, чем тебе доказать, что я ей не верю?!

Ангелина печально покачала головой. Поехала домой, туда, вернее, где жил Олег (Раиса наконец убралась из той квартиры, очень большой и удобной, там теперь всем хватало места), принялась собирать свои вещи и вещи Серафимы.

Олег приехал следом, с ужасом наблюдал за действиями Ангелины. А она ничего не боялась, она собиралась уходить всерьез. Если Олег никак не отреагирует на подлости бывшей женушки – значит, все, надо куда подальше от этого Олега. Ненадежный товарищ.

Она вообще ничего никогда не боялась.

Ни когда лежала на матах и плакала в ожидании директрисы (а вдруг та не поверит? Вдруг поймет, что Ангелина придумала про Басюка, тот же ей обещал двойку в году влепить, все об этом знают, легко догадаться, что это, возможно, месть с ее стороны), ни когда Ангелина вертелась в переворачивающейся машине. Ну, попали в аварию, что теперь... Ни потом Ангелина не боялась, когда пришла к матери Надюхи и попросила ту об услуге. Всегда же можно

вывернуться и соврать. Главное, вести себя при этом убедительно. Тетя Генриетта откажет? Ну и что. Полно других врачей. Тетя Генриетта просто привычней как-то, всегда готова помочь... Тут мать школьной подруги вполне могла осудить Ангелину за аборт, но нет же, не осудила, помогла.

И мертвых Ангелина тоже не боялась. Того света нет. А значит, нет смысла ходить на могилу к Никите. Олегу же Ангелина сказала, что ее совесть мучает – за то, что так быстро сошлась с ним после смерти мужа. Сказала, что сейчас не готова идти на могилу. Иначе упадет в обморок, заболит и не исключено, что сама помрет. И Олег ведь, умный мужчина, поверил и даже сам на кладбище перестал рваться, вроде как этим взял часть вины на себя... Чувствовал, что виноват перед Никитой.

...Олег не выдержал. Когда Ангелина, несмотря на его мольбы и уговоры, уже упаковала чемодан и потащила его к двери, другой рукой ведя за собой ревущую, ничего не понимающую Серафиму, он сказал:

– Ну как еще мне доказать, что я люблю тебя, люблю больше жизни? Ты же знаешь, я не верю Раисе, я никому не верю, только тебе... Мне ничего для тебя не жалко! Ты помнишь, я же на тебя часть бизнеса переписал...

– Я тебе эти двадцать пять процентов верну, – печально улыбнулась Ангелина. – Не надо. Все равно, ты видишь, из меня пока никакущий компаньон. Мы с Серафимой лишь гиря на твоей ноге.

– Зайка!

– Договорись с твоим юристом, хоть завтра все переоформим. Мне ни-че-го не надо.

– Ты мне не веришь? Зайка, ты же самое лучшее, что было в моей жизни... И Серафима мне как родная. Мне ничего для вас двоих не жалко.

– Прости, милый. Не хочу тебя обременять.

– Господи, да что ж мне делать... Я на колени встану...

– Ну, это легко, – с печальной иронией произнесла она.

– Зайка, я на тебя весь бизнес перепишу, хочешь? – вдруг озарило Олега. – Я отдам тебе свои пятьдесят процентов.

– И зачем? Я же не справлюсь с бизнесом.

– Я буду руководить, управлять, направлять, распоряжаться всем, а ты станешь единственной владелицей. Послушай, мы же с тобой

навсегда. Я никого не любил...

Ангелина еще немного покапризничала, а потом неохотно согласилась. Очень неохотно. Так неохотно, что Олег на следующий день подготовил все бумаги, поднял на уши всех своих юристов... но он сделал так, чтобы Ангелина больше не сомневалась в его любви.

И теперь она владела всем бизнесом. Все сто процентов – она одна.

Порадовало ли это Ангелину?

Ну так, средне. Дохода от сети продуктовых магазинов было вовсе немного на самом деле. Это же не нефтяной бизнес, не фармкомпания...хлопот выше крыши.

Да и хитрый был Олег, если подумать, знал ведь, что Ангелина без него, без его помощи все равно никуда не денется... Он не доказывал ей свою любовь, он привязывал ее к себе. Так чего радоваться?

Через несколько дней внезапно прилетел из Милана Лев.

Олег хотел пригласить его к себе домой, втроем помянуть Никиту, но Ангелина выразила недовольство: уж лучше встречайтесь где-нибудь в ресторане, ни к чему эти хлопоты в доме, тем более у нее, Ангелины, постоянной помощницы по хозяйству нет. Та женщина, что приходит два раза в неделю для уборки, готовить не умеет, для приема гостей она не годится. А она, Ангелина, не прислуга двум мужикам.

Олег горячо согласился со своей возлюбленной, договорился встретиться со Львом на нейтральной территории. Вернулся – немного пьяный, усталый.

– Лева предлагает еще встретиться, втроем. Мало нас осталось. Ты как? Серафиму оставим няньке, сходим куда-нибудь...

– Нет-нет, без меня, не могу видеть людей. Не могу слушать кого-то, говорить... Кроме тебя, конечно. Все мне тошно, Олежка... Встречайся с Левушкой сам.

На третий день в дверь позвонили.

– Кто там? – спросила Ангелина в переговорное устройство.

– Это я. Открывай.

Ангелина обреченно вздохнула и нажала на кнопку. Через пару минут в квартиру вошел Лев.

– Одна?

– Да. Олег поехал к поставщикам, Нина Филипповна повела Симу в театр. Нине Филипповне сделали операцию, она теперь скачет как

конь.

– А я знаю. Я все знаю. Кто где. Потому и пришел. Гадкая девочка. Скрывается она от меня. Ну что же ты... – Он обнял ее, прижал к себе.

– Пусти. Больно. И ты опять воняешь.

– Чем я воняю? – изумился Лев.

– Какой-то дрянью. Будто ты три дня на вокзале ночевал.

– Дурочка, – ласково произнес он. – Давай прямо сейчас, а... побыстрому.

– Отстань от меня! – с ненавистью произнесла она. – Скотина. Ты отказался от меня, ну и пошел ты.

– Я не отказывался от тебя.

– Ты всегда от меня отказывался. И тогда, четыре года назад, и этой весной... Но ничего, как видишь, я могу и без тебя прожить.

– Когда Сима придет?

– Для тебя – никогда.

– Ну хоть фото ее покажи... – мрачно взмолился Лев. Ангелина достала из кармана халатика телефон, принялась показывать фото и видео с дочерью. Потом он произнес сипло: – Какая, а...

– Я всегда говорила, Сима – твоя копия.

– Поехали со мной. Ты и Сима.

– Куда?!

– В Милан, куда.

– И где ты раньше был?

– Раньше ты ждала ребенка от Никиты. Я не мог. Ну вот не мог и все тут. А позавчера Олег признался, что ты потеряла ребенка.

– И что?

– Мне очень, очень жаль. Это ведь ребенок Никиты.

– Ну да, – сквозь зубы произнесла Ангелина. – Я так хотела, чтобы он родился. Это память о нем. Его частичка осталась бы в этом мире. Но, видимо, та авария дала знать о себе.

– Ужасно, – вздохнул Лев и своей тяжелой, заскорузлой ладонью потрепал ее по голове. – Но ты теперь свободна. Я готов взять тебя с собой.

– Да пошел ты, – отмахнулась Ангелина.

– Я ее отец. Сима должна жить со своим отцом. Со мной то есть. Я ее люблю, ты знаешь. И других детей у меня нет.

– И на каком основании я там, в Милане твоём, буду жить? Как кто?

– Я официально признаю Симу.

– Ага. А мне-то что с того, – фыркнула Ангелина.

– Я женюсь на тебе.

Когда Лев произнес эти слова, Ангелину буквально передернуло. Она ждала этих слов столько лет...

– Да ты подлец, Левушка.

– Почему это?

– Ладно, с Никитой подло поступил, но еще и с Олегом...

– Я знаю. Я перед ними обоими виноват. Что поделывать, грешен. И не беспокойся ты об Олеге, он к Райке своей вернется.

– О, это вряд ли, – усмехнулась Ангелина. – Она тут такое учудила...

– Знаю. Олег рассказывал. Но все фигня. Он к ней точно вернется, я его знаю. Он однолюб, он женщинами брезговал всю дорогу, ему одна нужна была всегда. Чтобы как стена. Вот Райка такая, а ты нет. Он все равно тебя через пару месяцев бросит... А то я его не знаю.

Ангелине было неприятно это слышать.

– Поехали со мной, – настойчиво повторил Лев. – Вот прямо сейчас. Скоро Сима придет?

– Ну еще где-то через час, – Ангелина повернулась к настенным часам.

– Отлично.

Лев подхватил ее на руки, посадил на широкий подоконник.

– Так я и знал, мы не любим нижнее белье.

– Перестань. Ну правда... Уйди. Я потом вся в синяках после тебя, ты знаешь.

Конечно, он не слушал ее. Но, в сущности, именно этого Ангелина и добивалась столько лет – чтобы Лев пришел за ней, увел за собой. Она и ненавидела его, и любила. И он всегда делал ей больно – что физически, что морально. Огромный грубый медведь. Совсем не ее мужчина. Ему бы какую великаншу...

«Верно, противоположности сходятся. И чем больнее, тем слаще...» – почти теряя сознание в его железных ладонях, подумала Ангелина.

...Он застегнул ремень – грубый, какой-то солдатский, потрепанный, из потрескавшейся кожи, но, верно, очень прочный. Ремень, когда его застегивали, свистел и шуршал, пряжка на нем звенела и клацала. Жуткие звуки! Ангелину передернуло, и она спросила:

– Ты не пойдешь в ванную?

– На фига? – пожал плечами Лев.

– Дикарь. Троглодит. Питекантроп.

Прозвучал звонок в дверь.

Ангелина, закусив губу, слезла с подоконника и, прихрамывая, зашлепала к двери.

Открыла дверь. На пороге стояли Нина Филипповна с Симой.

– А мы пришли... – тоненьким голосом пропела свекровь. – Такой чудесный спектакль! Я сама с удовольствием посмотрела...

– Колобок-Колобок, я тебя съем! – сурово произнесла Сима и топнула на Ангелину.

– Кто это у нас тут? – из комнаты вышел Лев. Сима его не испугалась, опять зарычала и топнула ногой.

– Левушка приехал... – вздохнула Нина Филипповна. – Ну ладно, пойду. Олег-то скоро?

– Да вот прямо сейчас, – как ни в чем не бывало произнесла Ангелина. – Может, дождетесь его, Нина Филипповна?

– Нет-нет, не стану вам мешать, ребятки. Симочка, пока-пока!

– Пока-пока, бабушка.

Ангелина закрыла дверь за свекровью.

– О май дарлинг, – нежно произнес Лев, сев перед Серафимой на корточки. – Ты помнишь дядю Леву?

– Помню. Дядя Лев похож на льва. И р-рычит, рычи давай!

– Р-р-р... Ррр! – Лев обхватил Серафиму, зарычал ей прямо в живот. Та захохотала, стала отбиваться. Лев сделал вид, что ему больно, упал навзничь. Серафима хохотала, пинала его ногами, шлепала по щекам своими ладошками. Они очень уморительно возились. Ангелина ушла в спальню, легла на кровать. Через пару минут в комнату заглянул Лев:

– Ну, чего лежишь. Я же сказал, собирайся. И, главное, все документы возьми.

– И куда?

– Ко мне в гостиницу. Утром вылетаем. Много одежды не бери. Что надо, потом купим.

– Олег будет искать, – пробормотала Ангелина.

– Напиши ему сообщение, позже только. Так и напиши: «Не ищи меня, мы не сможем быть вместе».

* * *

Все последние недели Олег не ходил, а летал. Еще никогда он не чувствовал себя столь окрыленным... Недаром же говорят, что хорошая женщина рядом прибавляет сил, а плохая отнимает их у мужчины. С Раей подобного подъема Олег давно не ощущал. Рутинка, бытовуха. Рая еще, кстати, принципиально не интересовалась его делами, его бизнесом...

Ангелина же – сплошной праздник! И она стремилась стать помощницей Олегу. Такая милая «компаньонка»... Правда, она пока не понимала, как это – руководить сетью продуктовых магазинов, но зато старалась, интересовалась всем. Олег понимал, что до настоящей помощи от нее еще очень далеко, пока Ангелина скорее способна изрядно накосячить, чем исправить что-то, ведя дела. Но все еще впереди!

Кроме того, Олегу было очень приятно чувствовать себя отцом. Сима – очаровательная девчужка. Немного невоспитанная, но столько прелести заключалось в этом ее детском нахальстве, в непосредственности, которые, наверное, должны были пройти со временем.

...Олег вернулся домой пораньше, было всего лишь полвосьмого вечера. Открыл дверь своим ключом, закричал, снимая обувь в прихожей:

– Милая, я пришел!

Тишина в ответ. Олег обошел все комнаты – никого. «Наверное, гуляют». Набрал номер Ангелины – абонент недоступен.

Олег вышел на балкон, оглядел двор перед домом. Было еще светло, как днем. Дети играли на площадке, в стороне группой стояли взрослые, Ангелины и Серафимы среди них не наблюдалось.

Он пошел на кухню, приготовил сам себе бутерброды и поужинал в одиночестве, читая новости в своем телефоне. «Нет, ну это нехорошо, даже не предупредила меня...»

Олег опять принялся звонить Ангелине и без ответа. «Кажется, они собирались в детский театр? Или это Нина Филипповна хотела туда сводить внучку? Не помню... Хотя, если я не ошибаюсь, спектакли для маленьких детей заканчиваются рано!»

Олегу вдруг стало нехорошо. Он еще прекрасно помнил ту аварию, произошедшую в начале весны. И все, что было связано с дорогами, машинами, вызывало теперь у него тревогу. Ангелина же наверняка вызвала такси, чтобы добраться до театра... Или они втроем поехали – Ангелина, девочка, Нина Филипповна?

«Рая. А вдруг это все козни моей бывшей женушки... Она же чокнутая! Мало ли... И только притворялась нормальной, когда мы с ней в последний раз говорили по телефону. Кто знает, может, у нее совсем крыша поехала после развода и она решила мне отомстить, выбрав мишенями моих девочек...»

Олег хотел немедленно позвонить Рае, но потом все же набрал номер Нины Филипповны.

– Олежек? Дорогой мой, золотой... Ну как ты там? Левушка уже уехал?

– В смысле? – опешил Олег.

– Ну как... я с Симочкой сегодня из театра вернулась, а дома у вас – Левушка. Сказали, тебя ждут.

– Меня?

– Да, вроде как ты с минуты на минуту должен подъехать... Погоди, что-то случилось? – мгновенно встревожилась Нина Филипповна.

– Нет, ничего, все в порядке. Просто хотел узнать у вас, как спектакль.

– Чудесно, чудесно, эти актеры – такие молодцы!

Нина Филипповна рассыпалась в комплиментах – актерам, театру, спектаклю. Она в последнее время вела себя несколько экзальтированно. Все твердила, что Олег теперь ей вместо сына. Постоянно говорила «спасибо» за операцию, благодаря которой она теперь спокойно могла ходить. Нина Филипповна словно убеждала

себя, что все хорошо и жизнь продолжается. Олегу почему-то тяжело было общаться с ней.

Он быстро попрощался, нажал на «отбой».

Если быть до конца честным с собой, то Олег немного ревновал Ангелину ко Льву. Старый друг вел себя несколько развязно. Помнится, на дне рождения Никиты, в тот, последний вечер, тоже как-то фамильярно обнимал Ангелину, потом на похоронах все с ней шептался... То есть тогда, конечно, Олег еще не являлся возлюбленным Ангелины, но... наблюдать со стороны за всем этим, происходящим между Львом и Ангелиной, было неприятно.

Вот и сейчас – зачем Лев пошел сюда, даже не предупредив Олега? И с какой стати Ангелина пустила его... А теперь она не отвечает на звонки.

Олег вышел из дома, сел в машину и отправился к гостинице, где остановился Лев. Позавчера Олег уже заходил туда, они со Львом немного посидели в номере, поговорили, опять помянули Никиту...

Олег поднялся по ступеням в главный вход, оказался в просторном холле и там попросил девушку на ресепшне соединить его с номером Льва.

– Пожалуйста, говорите, – протянула трубку девушка.

– Алло, – Олег услышал в трубке голос Льва.

– Привет. Это я. Сейчас поднимусь к тебе, ладно?

– Нет.

– Почему? – удивился Олег.

– Я сам спущусь, жди.

Лев вышел из лифта в холл минут через десять, махнул Олегу – пошли, мол.

– Ты куда? – нервно спросил Олег.

– Походим, воздухом подышим.

– Опять пил, что ли? – вздохнул Олег, неохотно следуя за другом.

Лев спустился вниз по ступеням с гостиничного крыльца, направился к небольшой площади с фонтаном. Было тепло, по площади гуляли туристы, в основном китайцы, работали летние кафе. Солнце уже село, но было светло, запад неба горел золотым огнем.

– Слушай, я ничего не понимаю, – начал Олег. – Ты у меня был сегодня? Зачем? Почему не позвонил, не предупредил?

– Ангелину мне надо было увидеть.

– Вот приспичило тебе, зачем... – недовольно нахмурился Олег. – Ее лучше не трогать, она не в настроении.

– Прости меня.

– Что? В каком смысле? – опешил Олег. – Да и ты мне скажи лучше, куда потом Ангелина с Симочкой отправились? Дома их нет, на звонки Ангелина не отвечает, я прямо места себе не нахожу...

– Они у меня сейчас.

– У тебя?! Как это понимать?..

– Мы уедем завтра. Вместе. Втроем. Я уже все устроил, документы в порядке, никаких препятствий, – сказал Лев и сел на край фонтана.

– Погоди... – Олег без сил опустил на скамейку напротив, вытер враз вспотевший лоб. – Втроем? Почему?

– Сима – моя дочь.

– Ты бредишь... Погоди, как?! Не-ет... Не может быть! Твоя дочь?!

– Да, – просто ответил Лев.

– А Ангелина в курсе? Хотя, минутку, как это она не в курсе... Сима – твоя дочь? Родная?

– Да. Никита не знал, – спокойно произнес Лев. – Воспитывал Симу как свою. Ну я дурак тоже, не понимал, что это такое – дети... Не хотел себе лишних проблем, как мне тогда казалось. Если ты помнишь, мы все тогда в одной компании были – я, Никита, Ангелина. Он за ней ухаживал, про меня не знал. Ну потом она залетела, я свалил, а она вышла замуж за Никиту.

Олег слушал эту исповедь и чувствовал, как мурашки бегут у него между лопаток.

– Сима ведь моя копия. Думали, что она в Ангелину беленькая, так нет, в меня. – Лев провел ладонью по своим волосам – белым-белым. – И нос мой, и все повадки мои. Я потом понял, как люблю ее. Мое дитя. Только мое.

– Ты не шутишь сейчас? Ты серьезно?

– Очень. Дети – это главное, я понял. Она мое сердце... Все в мире тлен, кроме моего дитя.

– Минутку... А что же ты не увез Ангелину сразу после похорон Никиты? – спросил Олег.

– Так она в положении тогда была. А я не выношу *чужих* детей, и вообще... Думал, буду любить Симу на расстоянии, потом как-нибудь откроюсь, буду общаться с девочкой. Я так и сказал тогда Ангелине, кстати: если бы ты не была беременной, я бы тебя увез с собой.

– Ты ей так сказал? Погоди-погоди... – Олег застонал, пытаюсь сконцентрироваться.

– А потом у нее выкидыш случился, ты сам мне рассказал об этом позавчера. Ну я и решил, прямо позавчера, что это шанс.

– Погоди, погоди... Это ведь все не так... Рая... Я думал, Рая сумасшедшая и все это придумала, а нет... Короче, не было никакого выкидыша, Ангелина на самом деле сделала аборт. Сразу после похорон Никиты, получается... Сразу! То есть я так понимаю, она его сделала из-за тебя! Ты ей сказал, а она...

– И правильно сделала, – совершенно спокойно произнес Лев.

– А что ж она тебе не позвонила тогда, сразу же...

– Ты странный, – сказал Лев удивленно. – Настоящая женщина никогда ни о чем не просит. Ангелина – не попрошайка. Она ждала, что я сам к ней приду. И дождалась.

– О нет... Она же со мной... я же ей все... – Олег почувствовал, как сильно бьется у него в груди сердце.

– Что – все?

– Я же ей свою долю отдал. Было пятьдесят на пятьдесят, а я отдал ей все, ты понимаешь, все! Теперь официально она – владелица бизнеса!

– Ты дурак. Что я могу сказать, – вздохнул Лев. – Она просто сука, да.

– И как ты с ней можешь после всего этого? – держась за сердце, с трудом произнес Олег.

– Ну я с самого начала знал, что она сука. Я люблю сук, – простодушно признался Лев. – Я сам... сволочь, да. И что такого.

– Как она могла, как она могла со мной так...

– Она тут при чем? – поморщился Лев. – Это ты сам виноват. Она ничего не крала, не выпрашивала, поди, ты сам все ей отдал. Дурак, значит.

– Я же ее любил не знаю как... – Олег вдруг с ужасом осознал, что он сейчас плачет. – Послушай, и вот тебе не противно, что она с Никитой так, с их нерожденным ребенком...

– Нет.

– Что ты сам за человек такой...

– Какой я человек, какой? Нормальный я. Делаю что хочу. У меня одна жизнь. Если где накосячил – стараюсь исправить. Я вас вот не понимаю. Всех. Живете какой-то старой моралью, какими-то принципами дурацкими... Театр мелодрамы. Сплошные эти... эмоции. Я, уж прости, только одну эмоцию понимаю – это любовь к собственным детям, *родным* детям. Все. Больше нет ничего. А дети – действительно святое.

– Я хочу поговорить с Ангелиной. Дай мне с ней поговорить!

– Нет, – Лев встал, направился в сторону гостиницы. – О чем тебе с ней говорить? Опять эти эмоции. «Как ты могла, я для тебя все, а ты меня обобрала...» – передразнил он печально. – О чем вам с ней говорить, ну о чем? Сам подумай. Словами уже ничего не исправить.

– Ты ведь не друг. Ты, ты подлец!

– Чем я подлец? Что я своего ребенка не могу бросить? А, или я должен переживать из-за того, что Ангелина что-то там плохое сделала? Кого-то обманула, кого-то предала? Лично *мне* она ничего плохого не делала. И знаешь почему? Да потому что она меня ценит, действительно. Сделала бы она хоть что против меня – я б ее в одну секунду из своей жизни выкинул. И она это знает! А вы дураки с Никитой, терпилы... И она это тоже знает. Короче, я ее принимаю такой, какая она есть. Сука, да. А ты люби всяких паинек, потому что они безопаснее...

– Будь ты проклят! Будьте вы с ней оба прокляты!

– А вот не надо, – Лев со всей силы сжал Олегу плечо так, что он едва не закричал от боли. – Ты сам дров наломал и теперь других обвиняешь? Зря...

Лев оттолкнул Олега, поднялся по ступеням и скрылся за прозрачными дверями.

* * *

Рая сидела дома над переводом. Увлеклась сама. Даже про обед забыла! Интересный какой роман... Телефонный звонок. Рая, не отрывая глаз от монитора, направила рядом свой телефон:

– Алло.

– Рая, это я.

– Привет, Олег.

– Я сейчас возле твоего дома. Можно, зайду?

Секунду Рая колебалась, потом ответила спокойно:

– Да, хорошо.

...Когда муж (ох, теперь уже – бывший!) вошел в квартиру, Рая его в первый момент не узнала – бледный, встрепанный, с перекошенным лицом...

– Что-то случилось? – серьезно спросила она.

– Раечка... – Олег неожиданно обнял ее, буквально упал на нее. И зарыдал, уткнувшись лицом Рае в плечо.

– Олег... Олег! – Она попыталась оттолкнуть его. – Ну перестань. Говори толком.

Олег сам отлепился от нее, прошел, шатаясь, в комнату, упал там в кресло. Закрыв лицо руками.

– Ты меня пугаешь, – с тревогой произнесла Рая. Она и не знала, что думать.

– Ты была права, – быстро произнес бывший муж, опустив руки. – Ты во всем была права, а я тебя не послушал.

– А, ты про Ангелину, наверное? – сделала предположение Рая. Хотела позлорадствовать, но почему-то не получилось – уж больно пугающе вел себя Олег.

– А ты знаешь, почему она сделала аборт?

– Почему? – с тоской спросила Рая. Хотя на самом деле Ангелина ее уже не волновала.

– Потому что Лев ей сказал, что он взял бы ее без ребенка, а так, беременной – нет, она не нужна ему... И она сделала аборт, избавилась от ребенка Никиты! Чтобы быть со Львом, ты это понимаешь...

– Нет. Не понимаю, – пробормотала Рая. – Лев тут при чем?

– Ты не представляешь... Все еще гораздо хуже, чем ты вообще могла предполагать. Это такие бездны вдруг открылись, такие бездны! – Олег чем дальше, тем сильнее пугал Раю. – Лев – отец Серафимы.

– Да ну?!

– Лев приехал на днях в Москву, узнал, что Ангелина больше не беременна, и забрал ее. Ее и девочку. К себе в Милан.

– Она согласилась? – ошеломленно спросила Рая.

– Да она об этом только и мечтала, оказывается! Я как узнал, что они все вместе решили улететь, просто рвал и метал... Хотел полицию подключить, органы опеки, уголовное дело завести на Ангелину... Ты еще не в курсе, что она меня обобрала?

– Так напиши, правда... – сказала Рая.

– А толку? – взвизгнул Олег. – Не придерешься... Симу она имеет право вывезти, она мать, она ее, как это... единственный опекун, бизнес мой я сам ей передал, добровольно...

– Ты о том, что двадцать пять процентов бизнеса ей передал тогда, после смерти Никиты?

– Если бы! Да, у нас с ней было пятьдесят на пятьдесят, но я же дурак... Я ей недавно отдал и свои пятьдесят, теперь она единоличная владелица всего моего дела, у нее все сто процентов, а я – никто и никак...

– Ничего себе, – растерянно произнесла Рая.

– И про того физрука, думаю, тоже правда, ничего он ее не домогался, она сама его подставила... И наверняка полно других людей, которых она тоже подставила в том или ином виде. Это никакой не ангел, что ты, это самый настоящий демон!

– Мне очень жаль, Олег. Я действительно тебе сочувствую, – сказала Рая. Потом подумала: «А что ж я вру-то. Мне все равно. Мне – ВСЕ РАВНО».

– У меня теперь нет никого. Одна мама и ты вот. Два человека, которые никогда меня не предавали. Всегда были рядом. Любили меня. А я предал – тебя! Единственную свою любимую, самую главную, свою жену... Прости меня.

Сказав это, Олег вдруг вскочил с кресла и бросился к Рае, упал к ее ногам. Он стоял на коленях и обнимал ее. Что-то бормотал, целовал в живот.

– Бог меня наказал... а ведь я тебе – ничего... Ничего я тебе не оставил при разводе. Ни-че-го. Ей всю свою жизнь отдал, главное дело своей жизни, а тебе – ничего!

– Не переживай, – сказала Рая. – Помнишь, ты все время жаловался, что устаешь, что даже в отпуск некогда съездить? Ну вот, ты теперь свободен. Знаешь, во всем можно найти свои плюсы.

– Я дурак... Я с чужим ребенком возился, как со своей дочерью, а тебе в детях отказал, тянул все с родительством... Я с тобой в отпуск отказался ехать, на май у нас тогда был он запланирован, помнишь? Типа Ангелиночке досадно будет... а она...

Олег еще что-то сокрушенно бормотал, потом иступленно вскрикивал и говорил, говорил... А Рая вдруг вспомнила, как общались между собой Ангелина и Лев. Ведь правда, они изначально вели себя странно, эти двое. Между ними существовала какая-то тайна, и теперь понятно какая.

– Рая. Раечка. Давай все вернем назад. Давай снова станем жить вместе. Это было наваждение, глупая ошибка... Я всей следующей жизнью попытаюсь доказать тебе свою любовь и преданность.

– Не надо, – вздохнула Рая. – Поздно, и вообще... Я другого человека люблю. А тебя не люблю. Извини.

– В смысле? – отстранившись, посмотрел на нее снизу вверх Олег. Встал, пошатываясь, затем опять без сил рухнул в кресло. Рая уже окончательно перестала узнавать своего всегда бодрого, подтянутого мужа. Вернее, бывшего мужа...

Да и, в сущности, получалось, что она, Рая, все-таки победила свою соперницу. Она доказала, что Ангелина – обманщица и интриганка.

Но эта победа, как оказалось, не принесла никакой радости Рае. Ей было искренне жаль Олега, такого доверчивого...

– В том смысле, что я больше не люблю тебя. Наш долгий, долгий роман взял, да и кончился вдруг, – с грустным смешком произнесла Рая. – Вот честное слово, сама не понимаю, как такое могло произойти. Любила-любила тебя всю жизнь, а потом, в какой-то момент, раз – и разлюбила.

– Ты просто обижена на меня... Это обида в тебе говорит! – прерывисто вздохнул Олег. – На самом деле не могли наши чувства так быстро закончиться. Это трагическое наваждение случилось с тобой и со мной.

– Олег. Олег, а ты ведь меня совсем не слышишь... Я тебе говорю: у меня теперь другой мужчина. Я... э-э... я, как нынче принято говорить, уже в новых отношениях! – с иронией произнесла она.

– Минутку. У тебя что, другой? – сморщился Олег.

– Да, – легко призналась Рая.

– Но кто?!

– Человек, кто... мужчина. Интересный. Милый. Смешной. Класный.

– Ну ты подросток такое говорить?..

– А я вообще не знаю, как об этом говорить, какими еще словами я могу свои чувства описать!

– Ты же филолог, переводчица, ты со словом работаешь...

– Вот именно! – закричала Рая. – Слова – лгут! Я вообще красивым и правильным словам не верю теперь! Я не верю ни клятвам, ни обещаниям! Всё – обман!

– Ну так и твой новый хахаль тебя тоже обманет, чем он лучше меня... – с раздражением возразил Олег.

– А я больше не думаю о будущем, я живу одним днем – сегодняшним! – мстительно произнесла Рая.

– Где ты его нашла? Этого своего...

– На кладбище.

– Где?!

– На кладбище, – повторила Рая без тени смущения. – Я ведь там, на могиле у Никиты, почти два месяца просидела, когда тебя с Ангелиной ждала. Ну, а на могиле, что справа, был он. Богдан. У него мама там похоронена. Вот так и познакомились.

Олег молчал, смотрел на Раю с изумлением. Потом спросил:

– А зачем ты нас ждала?

– Так поговорить хотелось же, и вообще... – Она смутилась, не договорила фразу. – Вы же скрывались! А я тогда подумала: ну не могу я вас по всему городу искать, зато вот есть место, куда вы точно должны прийти... Кстати. Почему вы с Ангелиной туда так и не пришли? – спросила Рая. – Ну вот ни разу своего друга... и мужа... не навестили!

– Ангелина не захотела. Сказала, что слишком больно... так больно, что она может умереть на могиле мужа... не выдержит всего этого... – с трудом произнес Олег.

– Ха-ха. Какая прелесть. И вот эти *слова* тебя вполне удовлетворили, им ты поверил. Эти ее слова показались тебе убедительными!

– Ну что ты привязалась, что ты все злишься... Ты ведь все-таки ревнуешь, да!

– Ничего я не ревную, мне плевать...

– Да твой Богдан тоже тебе голову заморочит, ему тоже верить нельзя...

Они ругались, и в это время у Олега зазвонил сотовый телефон. Он вытащил его, мельком взглянул на экран и вдруг изменился в лице.

– Рая...

– Что?

– Рая, это Нина Филипповна мне звонит.

– Ну так ответь ей, – нетерпеливо произнесла Рая.

– Ты не понимаешь, – пробормотал Олег и постепенно убавил звук у телефона, затем осторожно, словно гранату, убрал телефон в карман. – Как я ей все расскажу...

Рая вздрогнула. Она поняла, о чем ей сейчас пытается сказать бывший муж.

– Она не знает? – почему-то шепотом спросила Рая.

– Она ни-че-го не знает!

– Ох... Бедная женщина. Ну и не говори ей ничего.

– Да я бы рад, но... Она же захочет узнать, где ее невестка, где ее внучка... которая и не внучка ей вовсе!

– И не говори ничего!

Олег пожал плечами. Потом пробормотал:

– Знаешь, если бы Ангелина не сделала бы аборт... то у Нины Филипповны точно был бы родной внук или там внучка... А так она осталась одна. Совсем одна в этом мире.

– Ужасно, – сказала Рая, потом нетерпеливо махнула рукой: – Но это уже не мои заботы. Не мне об этом думать. Ты мне чужой, и все твои родные, все твои друзья – тоже чужие. А чужие проблемы мне не нужны. Поэтому уходи и... и не звони мне, не приходи, не рассказывай, не советуйся, не делись. Не мое уже это все. Не мое.

* * *

В сущности, Рая не просто не приняла его извинения, его раскаяние, Рая взяла да и выгнала его. Она морщилась, слушая Олега, махала руками, словно муху надоедливую отгоняла, потом начала

зажимать уши, не желая ничего слушать, а затем и вовсе вытолкала Олега прочь.

Но больше всего Олега поразило ее признание. То, что у Раи есть теперь, оказывается, мужчина. Нет, ну теоретически Олег предполагал, что такое возможно после их развода, и это даже хорошо, если бывшая женушка найдет себе нового возлюбленного, и успокоится наконец, и перестанет преследовать Олега с Ангелиной... Но об этом Олег думал раньше. Когда еще находился в отношениях с Ангелиной. Да, тогда он из гуманистических соображений вполне искренне желал Рае найти нового мужа, новое счастье...

Теперь же известие о том, что бывшая уже не одна, вызвало у Олега шок. Он не мог поверить, что его Рая, которую он знал с детства, его первая и единственная на протяжении многих лет женщина, полюбила другого мужчину. И у них наверняка уже была близость... Рая – и другой мужчина?! Какой-то дядька ее целует, прикасается к ее телу, которое принадлежит только Олегу и никому больше... Да как такое возможно?...

Может быть, Рая соврала для того, чтобы ударить его побольнее, отомстить ему? Вряд ли. Рая никогда не врала, не умела и не видела в том смысла.

Ее честность раньше казалась Олегу почти деревенской простотой. Примитивностью. Вот особа, настолько прямая, что нет в ней этого милого женского лукавства, хитрости, игры... Теперь же, после истории с Ангелиной, Олег полностью изменил свое мнение по этому вопросу.

Простота и прямолинейность Раи показались ему чуть ли не светом истины. Показателем душевной чистоты!

...Олег в подборе персонала постоянно пользовался услугами службы безопасности. Нет, ну конечно, продуктовые магазины – это вам не банковские сферы, это не про нефть и миллионные прибыли... Слишком уж пристрастно нет смысла выбирать работников, иначе на такую зарплату никто не пойдет. Но и связываться с подозрительными, вороватыми личностями, имеющими судимости, – тоже нехорошо.

Поэтому Олег какой-никакой, но отбор низовых сотрудников делал. Руководителями отдельных магазинов и вовсе назначал полностью проверенных, знающих, опытных людей.

Проверкой персонала занимался Борис Борисович, «из бывших», гм... Очень ценный сотрудник. Мог раскопать любую подноготную, собирал сведения о людях быстро и по существу. Мог составить психологический портрет человека, просмотрев и проанализировав его соцсети.

Олег обратился к нему – помоги по старой памяти. «У бывшей жены кавалер появился, надо бы узнать, кто да что. Мало ли, аферист или альфонс какой... Все ж таки Рая как родня мне уже». И дал ориентиры: могила на таком-то кладбище, справа от того места, где захоронен лучший друг Никита, так вот, там лежит мать того самого кавалера, которого, кстати, зовут Богдан...

Олег немного сомневался, реально ли найти человека по захоронению его близкого родственника, но, видимо, для опытного Бориса Борисовича не существовало ничего невозможного.

Через неделю Борис Борисович принес Олегу досье. Богдан Дорожкин, такого-то года рождения (36 лет ему сейчас, получается), родился там-то, жил там-то, мать такая-то, умерла в прошлом году, отец неизвестен, учился в такой-то школе, затем в архитектурном вузе, работает по специальности, нареканий особых не имеет, что редкость, возможно, потому, что соглашается не на все проекты, а значит – товарищ расчетливый, умный, хитрый, за длинным рублем не гонится, репутация ему важнее. Уж точно не альфонс и не аферист. Не нарушал, не задерживался, не подозревался. Ни разу не был женат, детей нет.

Далее Борис Борисович привел список ссылок на различные конторы и проекты, где упоминалось имя Богдана Дорожкина. Только официальная информация. В популярных соцсетях Дорожкина не было, судя по всему, социальной активности архитектор не проявлял. Иногда участвовал в дискуссиях на закрытых, узкоспециальных форумах, статьи на темы архитектуры и урбанистики любил разбирать с друзьями-архитекторами...

Словом, личную информацию о себе Дорожкин нигде не оставлял и никак к нему ближе не подобраться.

Но Борис Борисович не был бы хорошим специалистом, если бы этим и ограничился. Он исследовал соцсети, где могла присутствовать матушка Богдана, в первую очередь «Одноклассники». Постоянно переписывалась с некоей Наташей Свенсон (Рязановой в девичестве),

которая была ее одноклассницей и лет тридцать назад уехала в Америку к мужу.

Если заглянуть на страницу Наташи Свенсон уже в другой популярной сети, то там эта самая Наташа очень подробно описывала свою жизнь в России, своих близких и друзей, а также свою лучшую подругу, ныне покойную, к сожалению. Имен Наташа не называла, но было понятно, о ком она ведет речь, кто эта ее «милая А» и сын «милой А» под литерой «Б».

Наташа Свенсон, видимо, писала мемуары в той соцсети. Она никого не оскорбляла и не унижала, нет, она просто подробно рассказывала о своих друзьях, родных и своем прошлом... Ну, и о том, как сложилась жизнь всех ее знакомых. Так вот, если изучить посты Наташи Свенсон о ее «милой А», то можно многое узнать о жизни Богдана и его покойной матери.

Наташа считала, что ее подруга, «милая А», слишком любила своего сына. Всю свою жизнь посвятила ему, замуж так и не вышла. Жила «милая А» вместе со своим сыном «Б» и даже не думала отселить его. Всех подруг своего сына «милая А» раскритиковала и ни одну из них не считала достойной его. Далее Наташа Свенсон описала отношения «Б» и его подруг, и то, как к этим подругам относилась «милая А».

«Милая А» терпеть не могла их всех. Первую любовь сына – некую Машу, его бывшую одноклассницу, затем какую-то Варвару и потом Люду. Все эти девушки были недостойны ее сына, считала «милая А». Ну, и далее шли уже подробности, почему именно недостойны... Наташа Свенсон считала, что «милая А» загубила жизнь своему сыну и тем самым даже внуков себя лишила. Свенсон делала вывод: к сожалению, многие российские матери отличаются столь повышенным чадолюбием, что тем самым губят своих детей. Но это была уже лирика, так сказать.

Так вот, перекопав эти тонны лирики, Борис Борисович, со свойственной ему краткостью и точностью, сделал вывод: Богдан Дорожкин вполне приличный мужик, хотя и из разряда так называемых «маменькиных сынков». Но поскольку его маменьки уже нет в живых, то, вполне возможно, из него получится весьма неплохой муж... так что Олегу не стоит беспокоиться за Раю, судя по всему, Богдан Дорожкин ничем ей жизнь не испортит.

Олег после прочтения этого увлекательного досье задумался. С одной стороны, он почувствовал в этом рыжем Богдане (фото этого товарища, кстати, прилагалось) опасного соперника. Свободный, небедный дядька, без обременений – ни бывших жен, ни детей, на которых надо перечислять алименты, и даже маменьки – и той нет, а нет свекрови – и нет половины проблем у невестки!

С другой стороны, «маменькин сынок» – это ведь навсегда печать на мужике, даже если матери уже нет в живых. Некая инфантильность, капризность... Вот на этом надо сыграть, чтобы переубедить Раю, заставить ее отказаться от новых отношений...

И кстати, про то, как влияют на жизнь своих детей матери.

Надо сходить к маме и попросить ее поговорить с Раей. Возможно, именно общение с бывшей свекровью заставит Раю вернуться к нему, к Олегу.

* * *

Любовь Петровна последние лет пятнадцать чувствовала себя абсолютно счастливой женщиной. Раньше она все мечтала найти себе второго мужа (с первым, отцом Олежека, они давно развелись), но нормальных мужчин соответствующего возраста почти не наблюдалось. Вокруг только какие-то пьяницы, больные, проблемные, норвящие сесть на шею женщине дядьки... А в сорок пять Любовь Петровну неожиданно *отпустило*.

Она вдруг резко перестала мечтать о любви и страстях. И так хорошо ей сразу стало, спокойно. Оказывается, можно жить одной и в гармонии с собой и миром. А что муж? Ну был бы рядом какой-нибудь немолодой капризный мужик – ухаживай за ним, готовь, подстраивайся под его настроение... А заболит – ночи не спи, сиди возле немощного ворчуна.

И Любовь Петровна успокоилась душой. Общалась с подругами, они все вместе, дружной «девичьей» компанией ходили в театр и на концерты, ездили то в путешествия, то по старинным русским городам, то отправлялись к кому-нибудь на дачу... Весело и спокойно проводили время. И никто не мучил Любовь Петровну ревностью и претензиями – не туда пошла, не так посмотрела, не то сделала.

Сын, Олежек, тоже был пристроен в жизни, бизнесом занимался. Тяжело, без выходных и отпусков работал, но разве это плохо? Гораздо хуже, когда взрослые сыновья от бесперспективности спиваться начинают...

Жену его, то есть свою невестку Раю, Любовь Петровна не то чтобы не любила, нет... Она к невестке относилось весьма нейтрально. Уже привыкла, как-никак. К тому же Олежек встречался с Раей чуть не с детства, такая романтика... А Любовь Петровна уважала чувства сына.

Но всегда помнила одно: сын один, а невестка – явление временное. Поэтому Любовь Петровна всегда была на стороне сына. Ну, а от себя – просто не лезла в жизнь своих «молодых». Живут они себе спокойно и хорошо.

О внуках Любовь Петровна особо не мечтала. Не будет их – ну что ж, такая судьба, зато хлопот меньше, будут – тоже неплохо, главное, чтобы родители не свалили все заботы о ребенке на «бабку»... То есть на Любовь Петровну, уже привыкшую к свободной размеренной жизни.

Внезапный развод сына и его роман с другой женщиной несколько шокировали Любовь Петровну (не усложняет ли Олежек себе жизнь, связываясь с особой, у которой уже есть свой ребенок), но, с другой стороны, а что такого...

А вот зато последующие за теми событиями перемены ошеломили Любовь Петровну. Сын, в припадке чувств, отдал весь свой бизнес новой возлюбленной, Ангелине. А та взяла да и свалила с любовником в другую страну... Олежек от переживаний стал выглядеть очень плохо, у него вдруг все заболело, словно у старика какого...

И финансовой подушки теперь никакой. Раньше Любовь Петровна жила со спокойной уверенностью, что у их семьи есть деньги, есть возможности благодаря этим деньгам, а теперь-то – пшик. Все свободные средства Олежек вкладывал в бизнес, а как лишился его, то и денег не стало. А случись что с сыном? Как выживать в этом жестоком мире...

Вот тогда Любовь Петровна и стала сожалеть о том, что не поддержала Раю.

А потом случилось вот что – умерла внезапно лучшая подруга Любви Петровны, Валюшка. Ей всего-то шестьдесят один

исполнилось... Валюшка была по жизни «зажигалочкой»: спорт, турпоходы, выставки, поездки... Это именно она приучила Любовь Петровну к прогулкам с палками по парку, кстати. Валюшке вечно было некогда – столько событий, столько интересных занятий... Так что не до семьи. Ни мужа, ни детей у Валюшки не было.

Хоронила Валюшку ее старенькая, восьмидесятилетняя мама. И на похоронах своей подруги Любовь Петровна внезапно осознала, как это ужасно, когда нет... внуков! Ну что теперь эта восьмидесятилетняя старуха, кому она нужна, какая «радость» доживать в полном одиночестве! Это же ужас и мрак.

Нет, ну понятно, у иных и дети, и внуки есть, и все равно они умирают в одиночестве, никому не нужные, но эти истории – про какой-то другой мир, других людей. Про маргиналов, про необразованных и черствых, про людей, у которых, возможно, какие-то проблемы с головой, психикой... Потому что нормальные люди все же держатся семейных ценностей.

И вот именно тогда, попрощавшись со своей дорогой подругой Валюшкой, Любовь Петровна яростно захотела внуков. Тех, кто поможет ей совсем в старости, в дряхлости. А вдруг Олежек раньше ее покинет мир? Или может наоборот случиться: она, Любовь Петровна, внезапно умрет раньше срока, а Олежек что, один останется? Внуки – это те, кто будет после ее ухода поддерживать Олежака. Да-да, теперь Любовь Петровна хотела внуков не только для себя, она, мечтая о внуках, тем самым заботилась о сыне. Чтобы, в свою очередь, и о ее сыне позаботился кто-то родной и близкий.

И третий момент, на который прежде, когда у сына были деньги, Любовь Петровна не обращала внимания. У женщины, у которой есть сын, а дочерей – нет, обязательно должна иметься в наличии невестка. Та, которая заботится и ухаживает за пожилой свекровью. Ведь абсолютно все на сиделку не скинешь и ни за какие деньги не получишь доброе отношение!

Это была третья причина, по которой Любовь Петровна осознала, что совершенно напрасно оттолкнула свою невестку Раю, потому что Рая действительно заботилась о Любви Петровне. И она и сказала тогда так, в последнем разговоре: «Это я о вас заботилась, я, а не Олежек».

Вот взять Нинку, мать Никиты. Осталась одна. Ангелина удрала в Милан с любовником, как недавно рассказал по телефону Олежек. Хорошая невестка не бросила бы несчастную старуху. Хорошие невестки – на вес золота! Они и сыновьям поддержка, и свекровьям.

Звонок сына:

– Мам, сейчас приду... Есть важный разговор.

– Да-да, конечно!

Олежек появился через час. Выглядел так, что у Любви Петровны даже сердце закололо от жалости к нему. Ну кто ж знал, что эта Ангелина окажется такой гадиной...

– Олежек, мне Нинка уже который раз звонила. Все плачет, куда Ангелина с внучкой уехали да как могли не попрощаться... Очень она по внучке скучает, – призналась Любовь Петровна.

– Нина Филипповна и мне постоянно названивает, – устало кивнул сын. – Все с теми же вопросами. Сима, внучка, ее единственная радость. Где она, что она... И, ты знаешь, я себя каким-то дураком чувствую, что ли. Я ведь Нине Филипповне операцию оплатил в лучшей клинике... А сейчас думаю – зачем? Ну сделали бы ей то же самое в обычной больнице, в три раза дешевле. Чего ради я из себя героя пытался изобразить? Она ведь после смерти Никиты постоянно меня допекает с какими-то мелкими проблемами. То кран у нее сломался, то лампочка перегорела... Понятно, ей тяжело, ей хочется общения, поддержки, помощи, но я – не электрик, не водопроводчик же!

– Да-да, я и то тебя этими мелочами не грузу, сама знаю, куда звонить в случае чего... Придут наемные работники и все сделают, – согласилась Любовь Петровна.

– Я вдруг понял, что совершенно напрасно дал понять Нине Филипповне, что я ей теперь вместо сына. Что я за нее отвечаю. Я не хочу, я не могу за нее постоянно отвечать, она ж не старая еще женщина... Я и так ей помог с операцией, чего она вцепилась в меня, неужели не понимает, что это наглость – из-за какой-то лампочки меня дергать.

– Ты сам слабину дал, – скорбно произнесла Любовь Петровна. – Позволил сесть себе на шею... Ты ведь и с Ангелиной так. Ты по своей доброте потерял все!

– Мам, я знаю. Мам, ты абсолютно права. Людям не нужен Данко!

– Какой Данко?

– Это из Горького, помню, мы с Раей все спорили об этом персонаже... такие, как Данко, только развращают людей. И сами себя губят. И Рая была права, во всем права... Мам, сходи к ней. Попробуй помириться. Я к тебе за этим пришел.

– Ладно, – согласилась Любовь Петровна.

– Ты... ты имей в виду, что она уже себе завела ухажера, архитектора одного. И он ведь не дурак, думаю, понимает, какую редкую, необыкновенную женщину встретил... Мам, постарайся сделать так, чтобы Рая поняла: ей не будет счастья с другими мужиками. Ну как-то так, по-женски поговори, вдруг она растает и вернется ко мне!

– Обещаю.

– И еще. Про Нину Филипповну. Я тебе не все сказал тогда, когда Ангелина в Милан со Львом рванула. Мам, ты сядь сначала. Мам... Сима – дочь Льва.

– Ой! Что ты! – схватилась за голову Любовь Петровна. – Эта Ангелина... просто приличных слов нет для нее. Если так, то теперь все понятно.

– Мам. Я вот думаю, может, мне Нине Филипповне признаться, что Сима – не ее внучка? Может, тогда она успокоится и перестанет меня терзать – где Сима, где Ангелина... да как они могли ее бросить... Сказать ей?

– Не знаю. Погоди пока.

– Ладно. Вот и Рая мне так посоветовала молчать. Но я, честно, долго молчать не смогу, меня просто убивает эта навязчивая тетка... И почему Никита погиб?! С его смертью словно лавина какая-то сошла и все смела на своем пути...

На следующий день Любовь Петровна позвонила Рае.

– Раечка, дорогая, надо встретиться.

– Не надо, – равнодушно отозвалась бывшая невестка.

– Пожалуйста!

Короткие гудки.

Тогда Любовь Петровна отправилась к Рае – а что делать, тут не до гордости...

Когда Любовь Петровна принялась звонить Рае по домофону, та все-таки не выдержала, спустилась вниз.

– У меня такое чувство, что, если я с вами не поговорю, вы от меня не отстанете, – с тоской призналась Рая. – Хорошо, я слушаю вас, Любовь Петровна.

Они сели во дворе дома, на лавочке перед цветущей клумбой.

– Я виновата и хочу извиниться, Раечка.

– Извиняю.

– Ну кто ж знал, что Ангелина окажется настоящим демоном...

– Ну да, на фоне Ангелины я смотрюсь значительно лучше! – вдруг засмеялась Рая.

– Послушай, вы с Олегом созданы друг для друга, вы знакомы с детства, это такая любовь... – молитвенно сложив руки на груди, начала Любовь Петровна.

– Если бы я стала судиться с Олегом за часть имущества, за доходы от его бизнеса, то, думаю, он не смог бы отдать Ангелине те пятьдесят процентов. На имущество наложили бы арест, судили-рядили бы... И передачу тех двадцати пяти процентов, думаю, тоже можно было как-то... вернуть? Если бы я стала протестовать и требовать свое при разводе. Да, да, ту сделку с передачей первых двадцати пяти процентов могли вполне счесть незаконной! В сущности, Олег мог бы сохранить *весь* свой бизнес, окажись я чуть построптивей.

Любовь Петровна вся сникла. Слова бывшей невестки поразили ее. А ведь и правда...

– А что же ты не протестовала? – дрожащим голосом спросила она.

– Да как-то... все равно. Я думаю, что я этими деньгами, что недополучила, оплатила свое спокойствие. Теперь я знаю, чего стоила любовь Олега. Я, по его мнению, и копейки лишней не достойна. И мне от этого легче, от того, что я поняла его истинное отношение ко мне! – улыбнулась Рая. – А так была бы я к нему привязана, страдала бы сейчас, сомневалась: а может, правда, вернуться к бывшему мужу... Теперь же мне не о чем переживать, все ясно и просто. И легко.

Любовь Петровна молчала, придавленная этими словами. Потом она заговорила: сначала неуверенно, несмело, затем все более оживляясь. Любовь Петровна рассказала Рае о том, что с момента их знакомства относилась к ней весьма прохладно. Считала главным сына... Потом Любовь Петровна поведала о Валюшке, о том, как ушла

из жизни ее лучшая подруга, и ей, Любви Петровне, открылись некие истины, недоступные прежде. И как не повезло Нине Филипповне с невесткой, а ведь кто будет выхаживать пожилую женщину в старости... А внуки, как без внуков?

Словом, Любовь Петровна махнула на тонкости дипломатии рукой и теперь говорила с Раей искренне, не боясь показаться подлой и глупой. А что, так оно и есть!

Постепенно в лице Раи что-то менялось... Она, кажется, начала понимать Любовь Петровну.

– ...Я была не права, когда считала, что сын один, а невесток может быть сколько угодно. Не-ет... Хорошая невестка – тоже одна. И она на вес золота. Теперь я ни за что не стану поддерживать Олега в противостоянии с тобой. Он сын, да, я люблю его больше, честно признаюсь. Но тебя я бесконечно уважаю. Ты основа семьи, на тебе все держится. Я была легкомысленной дурочкой... А теперь я прошу тебя о внуках. О детях, которые станут поддержкой Олежеку, я ж не вечная... Ну и мне, чего врать, они и меня поддержат, я надеюсь, когда я стану совсем дряхлой. Я буду помогать тебе с внуками. Вот я все спортом занимаюсь, с палками хожу по парку... Да я с внуками гулять должна! Старая эгоистка... Они – мое спокойное будущее и здоровье мое. Ведь рано или поздно я все равно сдам, упаду, и никакая скандинавская ходьба меня не спасет. А внуки – да, они понесут меня. Они меня понесут на кладбище, а не чужие люди за деньги! – вдруг закричала, сцепив кулаки так, что косточки побелели, Любовь Петровна и зарыдала в голос.

Рая ошеломленно смотрела на нее. И уже совсем другими глазами – понимающими, сочувствующими.

«Кажется, ее проняло», – подумала Любовь Петровна.

* * *

После разговора с бывшей свекровью Рая долго не могла прийти в себя.

Что-то странное произошло с нею... Она вдруг поверила Любви Петровне. И может, бывшая свекровь права и им надо сойтись с Олегом? Ради будущих детей, ради семьи. И эта новая история будет

уже не про страсти, влечение и порывы, а про какие-то другие ценности. Где важнее уважение и поддержка, терпение и верность, где дети – главное. Да, и любовь тоже будет, но уже какая-то новая, связанная не с похотью, а с нежностью, например.

И они все, герои этой истории, – тоже, возможно, стали другими, переплавившись в котле безумных эмоций и переживаний? И она, Рая, другая, и Олег, и даже Любовь Петровна...

Рая думала над всем этим, сидя в комнате с распахнутыми окнами перед экраном монитора, отвлекшись от перевода романа.

За окном медленно плавился август, теплый, пропитанный солнцем, золотой, янтарный, медовый и яблочный... Пахнущий флоксами и скошенной травой.

Еще совсем недавно она думала лишь о Богдане. Когда тот вернется из очередной командировки, связанной со строительством. Как хорошо с этим мужчиной и как это приятно чувствовать себя желанной и влюбленной.

А вот поди ж ты, эта лиса Любовь Петровна взяла да и сбила с толку!

На экране выскочило сообщение – пришло письмо.

Письмо от Олега. С вложением. Сговорились они все, что ли?!

«Рая, я ничем не лучше тебя, тоже вот решил поиграть в следователя. Как и ты недавно, когда пыталась меня отговорить от отношений с Ангелиной. Ну что ж, я решил повторить твой опыт. И не вижу в этом ничего плохого. Мы по-прежнему близкие люди и должны друг друга поддерживать и, если надо, спасать тоже. Ты пыталась меня спасти, а я к тебе не прислушался. Надеюсь, ты окажешься умнее меня и прислушаешься к тому, что я сейчас хочу тебе рассказать. Я собрал кое-какие сведения о Богдане. Почитай, подумай. Да, он неплохой мужик, но он уже настолько «маменькин сынок», что его уже не исправить. И даже то, что его матери уже нет в живых, не поможет вашим отношениям. Во вложении – подробности его связей с прежними подругами. Со всеми он расстался, жизнь его никак не складывается. Всеми своими женщинами он в результате оказывается недоволен. Рано или поздно он найдет недостатки и в тебе и расстанется с тобой. Такова психология всех «маменькиных сынков» – они вечно недовольны. Ты готова потратить кучу времени на этого странного человека? Я жду тебя, Рая. Я ни в чем не клянусь, знаю, что

клятвам и обещаниям ты не веришь. Я просто хочу быть снова с тобой, я хочу детей от тебя. Ты столько просила меня о ребенке, теперь я прошу тебя о том же...»

Рая открыла вложение – это был довольно объемный текст со ссылками. Там подробно рассказывалось о матери Богдана, полностью подчинившей себе сына и тем самым сломавшей его жизнь и характер, и описание его отношений с прежними возлюбленными. Особенно подробно – с той самой Машей Гречихиной.

Звякнул телефон – пришло сообщение.

Рая открыла его – фотографии от Богдана. Лес, речка, грибы в траве, цветы, какие-то строения, штабеля досок, вот селфи – Богдан смешно щурится на солнце, а позади него кипит работа, рабочие строят дом.

Так Богдан рассказывал, чем он занимается в данный момент.

Рая улыбнулась, отправила Богдану смайлик, затем убрала телефон. Ей вдруг стало как-то не по себе. Ее отношения с новым возлюбленным – какие-то ненастоящие, что ли... Все слишком идеально и красиво. И в этом подвох. Когда вдруг начинает преследовать это ощущение, из ниоткуда, сродни интуиции, что там, за этими яркими открытками, полными солнца, неба и цветов, прячется что-то неприглядное.

«Если бы Богдан сейчас был рядом со мной, я бы этой ерундой не страдала, – подумала Рая. – Ну кому я верю – Олегу, человеку, уже предавшему меня...»

Рая поморщилась, затем отправила Олегу сообщение по телефону: «Откуда у тебя все эти сведения о Богдане? Почему я должна тебе верить?»

Рая стала ждать ответа, но, судя по всему, Олег даже не открыл ее сообщение.

Она подождала немного, опять заглянула в телефон. Даже не прочитал!

Рая не выдержала, собралась быстро, вызвала такси и поехала к Олегу. Ей просто жизненно необходимо было поговорить с ним, потому что та информация, что он сообщил Рае, буквально разрушала ее изнутри.

...Зашла во двор дома, где они прожили с мужем столько лет. Некоторое время стояла перед панелью домофона на входной двери,

затем набрала выученный наизусть код. Короткий сигнал, дверь распахнулась, впуская ее внутрь.

Рая поднялась на лифте, оказалась на лестничной площадке, такой знакомой и такой чужой теперь. Вот цветок на высокой тумбе, кто его теперь поливает? Позвонила, подождала... Никто не вышел, в квартире царила тишина.

Дверь напротив распахнулась, вышла соседка – немолодая дама с сумкой-тележкой. Сочувственно посмотрела на Раю, кивнула. Все всё знали, ну да...

– Раечка, если вы Олега ищете, то он к своей маме на дачу отправился. Вчера вечером его видела, он выходил с новой газонокосилкой. Я его спросила... сама же дачница... где купил, почем. Рассказал и добавил, что к маме на дачу ее повез. Наверное, до сих пор там, я так думаю.

– Понятно... спасибо.

Такси еще стояло у дома, водитель сидел, уткнувшись в экран телефона.

– Это опять я, – постучала по стеклу Рая. – Не отвезете меня еще кое-куда?

...Через два часа Рая уже подъехала к даче своей бывшей свекрови. За забором мелькнул кто-то в пестром халате, поднимался, судя по запаху, дым от жарящихся шашлыков. Значит, хозяева на месте. Рая расплатилась с водителем, вышла.

У ворот просунула руку между досок, скинула крючок, оказалась на участке. Некоторое время колебалась, затем решительно направилась по дорожке к дому.

И сразу же увидела Олега – он стоял возле большого современного гриля, напоминающего танк, и поворачивал шампур с шашлыками. Глядел на жарящееся мясо с лицом удивленным, напряженным, тревожным... Поднял голову, увидел Раю и... его лицо совсем перекосилось, превратилось в трагическую маску. Этим утром писал покаянные письма, а к вечеру уже и не рад Рае?

– Привет, – растерянно, «убитым» голосом произнес он. – Как ты тут оказалась?

– Я писала тебе, а ты мне не ответил.

– А? – Он достал из кармана свой телефон, рассеянно поглядел на экран. Убрал телефон обратно. – Ну да... Некогда было.

На крыльцо из дома вышла Любовь Петровна в своем любимом летнем халате до пят.

– Олежек, ты не помнишь, где еще стул один, на чердаке, что ли... – Она увидела Раю и чуть не споткнулась, вовремя схватилась за перила. И опять это странное, испуганное выражение лица... Такое впечатление, будто и Олег, и Любовь Петровна не Раю увидели, а привидение.

Да, безусловно, они могли удивляться ее внезапному визиту, но откуда столько страха в глазах? Еще недавно молили о прощении, стояли на коленях, рыдали...

– Вы чего это? – удивленно спросила Рая. – Я не понимаю...

Она не успела договорить. Потому что в следующий момент из дома вышла... Ангелина.

Этого Рая совсем не ожидала. Откуда здесь Ангелина? Она же со Львом и Симой в Милане... И потом, Ангелина, как было понятно из покаянных речей Олега и Любви Петровны, – настоящий демон во плоти! Они что, согласились вновь общаться с демоном?

– Привет, – вяло произнесла Ангелина, заметив Раю. – Не ждали, называется? Ну вот так-то... – неопределенно заключила она и исчезла обратно в доме. За ней следом шмыгнула и Любовь Петровна.

Рая и Олег остались одни во дворе. Олег молчал, хмурился, время от времени переворачивал шампуры над грилем.

Рая постояла минуту, затем пожала плечами и, повернувшись, направилась обратно к калитке. «Ничего не понимаю. А впрочем, и зачем мне все это понимать...»

– Рая. Рая, погоди, – Олег все ж догнал ее у калитки. – Я не знал. Она два часа назад приехала.

– И вы ее приняли?

– Ты не понимаешь... Лев отнял у нее ребенка! Буквально выкрал, с помощью этой... ювенальной юстиции! Ангелина разбита и сломлена. Чувствует себя виноватой. Говорит, что это ей наказание за то, как она поступила со мной...

– И ты ей поверил?

– Ну не будет же она врать про ребенка!

– Ты сам-то себя слышишь? – с укором произнесла Рая.

– Зачем ты приехала? – проигнорировав ее вопрос, поинтересовался Олег.

– Я сегодня получила от тебя письмо... Уже забыл? Я хотела узнать, откуда у тебя эти сведения о Богдане...

– От службы безопасности, откуда. Они что хочешь раскопают.

– Ага. Понятно. И для чего ты мне эти сведения отправил? – насмешливо спросила Рая. – Чтобы я Богдана прогнала? Или ты хотел меня вернуть? Да, да, я смягчилась, я простила и тебя, и Любовь Петровну... Вы хотите меня вернуть? Ну так вот, я согласна!

Олег молчал, хмурил лоб.

– Ты же на коленях стоял, просил меня вернуться. Передумал?

– Рая, я не понимаю твоей иронии...

– Ладно, не бойся. Ухожу.

– Рая! Прости меня. Ну вот опять, да... И что я могу сделать?! – негромко закричал он, схватившись за голову. – Мне жалко ее. Она бедная молодая дурочка. Она не со зла...

– Деньги. Все дело в деньгах. Ты ведь думаешь, что она вернет тебе деньги? Весь твой бизнес, то есть который теперь полностью у нее в руках?

Олег ничего не ответил. Рая опять пожала плечами и покинула двор бывшей свекрови. Такси стояло все на том же месте, водитель уткнулся в экран телефона. Рая постучала пальцем в стекло:

– Обрато в город повезете?

* * *

С тех пор как Олег вновь увидел Ангелину, он не находил себе места. Вернее, он сначала услышал в телефонной трубке ее голос: «Это я. Надо встретиться. Говори, где ты... Я приеду». Потом она стояла перед калиткой маминой дачи, держа одной рукой ручку хорошенького розового чемодана, и летний ветер ласково играл ее белоснежными кудрями, а она мрачно смотрела в сторону, наклонив голову, словно признавая его, Олега, право казнить или помиловать ее.

Он не казнил ее, конечно. Хотя очень хотелось ударить, сдавить горло... и плевать, что потом будет, пускай судят, пускай расстреливают. И все же любопытство пересилило гнев.

– Ты вернулась, надо же.

– Лев отнял у меня Симу.

– Как?!

– Очень просто. Сначала признал Симу своей дочерью, стал официально ее отцом, даже экспертизу сделал, доказал свое родство с ней, а потом натравил на меня опеку. Я думаю, он с самого начала собирался это сделать. Именно для этого нас и вывез, чтобы отнять ребенка, – пробормотала Ангелина, машинально смахнула слезу со щеки.

– Дура. Допрыгалась.

– Да. И это мне за тебя бумеранг прилетел.

– От меня-то что теперь надо?

– Я не могу управлять бизнесом. Ничего в этом не смыслю. Ты мне нужен.

В этот момент Олегу вдруг захотелось засмеяться. И так легко ему стало, хорошо, словно само собой возвращалось то, что он потерял, казалось, навсегда. Жизнь сама исправляла те ошибки – которые в свое время сделал Олег.

Сзади уже подходила Любовь Петровна:

– Вот она, явилась, не запылилась... – В голосе матери звучала угроза.

Олег пошел навстречу матери, подхватил ее под руку, развернул.

– Олежек, ты чего...

– Мам, только молчи. Ничего не говори. Есть шанс все вернуть.

– То есть?

– Всё, ты понимаешь, всё! Молчи, молчи, я тебя умоляю! – прошептал он.

– Ладно, – покорно согласилась мать. – Как скажешь, Олежек.

...Внезапный визит Раи оказался совершенно некстати. Олег кое-как выпроводил свою бывшую жену. Очень неприятно было слушать Раю, смотреть на нее, поскольку теперь он еще больше был виноват перед нею.

Любовь Петровна сказала больно, закрылась у себя в комнате, Олег и Ангелина сидели в саду, ели шашлык и пили вино.

– ...ты права, что вернулась. Еще месяц-другой, и дела шли бы неплохо. А потом без твердой руки все стало бы разваливаться.

– Я знаю, – вздохнула Ангелина. – Сама я управлять твоим бизнесом не могу, умишка не хватает. Помоги мне.

– Пятьдесят на пятьдесят процентов? – подмигнул Олег. – Иначе я не согласен. Или нанимай стороннего управляющего, только, я тебя уверяю, посторонний человек тут все развалит и разворует... Честных людей нет.

– Я... я подумаю, да.

Ночь была полна огня и страсти. Такое, оказывается, сладкое безумие, эта смесь любви и ненависти... Утром мама попросила их уехать. «Ну невозможно, все же слышно, тут стенки тонкие!» – недовольно прокомментировала она.

Уехали в город, жили у Олега. Он активно включился в управление бизнесом, подчистил кое-какие «косяки», кое-кого уволил, кого-то нанял. Персонал сразу стал ходить по струнке, уже никто не расслаблялся. Ко всему прочему, Олег нанял нового главного бухгалтера, очень опытную женщину, за которой давно наблюдал, мечтал переманить к себе. Роза Руслановна согласилась на эту должность, правда, и запросила немало.

Ангелина же все дни, с утра до ночи, бегала по инстанциям, пыталась найти способы вернуть дочь.

Однажды раздался звонок. На экране телефона высветилось то самое злосчастное имя: Лев?!

Некоторое время Олег колебался, не зная, отвечать на звонок или нет. С одной стороны, он перестал считать Льва другом, с другой... ну вроде как теперь спасибо ему надо сказать, нет?.. Иначе бы Ангелина не вернулась к Олегу.

Олег включил видеосвязь.

– Привет. – На экране возникла физиономия Льва. Где-то за его плечом, на заднем фоне, сидела на диване Серафима, играла в куклы. – Энджи где?

– Кто? А... она ушла. По делам, – сухо произнес Олег.

– Я ей не могу дозвониться.

– Ну, конечно, ты не можешь ей дозвониться, кто после такого с тобой разговаривать захочет... – язвительно произнес Олег.

– Нам надо с ней говорить, как иначе? Ты что, не понимаешь? – Лев покрутил пальцем у виска. – У нас ребенок, мы *обязаны* друг с другом говорить, блин...

– Ты отнял у нее дочь, я знаю. Ты негодяй, Левушка, лишил ребенка матери!

– Блин...

– Папа, не ругайся! – строго крикнула Серафима.

– Я не ругаюсь, Сима, это приличное слово, – ответил Лев дочери, затем опять повернулся к Олегу. Заговорил уже шепотом, так, чтобы дочь не слышала: – Ты не в курсе? Знаешь, что было? Они с Симой поперлись в торговый центр. И Энджи ее там потеряла... Искали с полицией. А она трепалась с кем-то, встретила соотечественницу, пили винище в пиццерии... Я ей чуть голову не оторвал... Потом думаю, ну ладно, думаю, расслабилась, бывает. Потом она опять с кем-то трепалась по телефону, за Симой не следила. А я сказал смотреть, если ребенок на задний двор выходит. И Сима упала там в бассейн и чуть не утонула, если бы я не пришел и не вытащил, вот как есть в воду бухнулся за ней, и все равно в госпиталь пришлось ехать, мало ли что, воды-то она наглоталась, и объясняться с наблюдающими службами, как так ребенок в бассейн упал...

Олег слушал Льва с нарастающей тоской. Он вовсе не так представлял себе этот разговор.

– Ладно, проехали. Я двух няnek нанял. А потом Энджи ударила Симу. Дала ей подзатыльник. Ударила ребенка. На улице, среди прохожих, где камеры всюду и люди... Капризничала девочка, видите ли. Энджи ударила ребенка, – с каменным лицом произнес Лев. – Ну чего, пришлось Симу от нее изолировать, я взял дочь под свою единоличную опеку. Ладно, думаю, Энджи дура, идиотка, но пусть хоть мозги лечит... Пусть встречаются по выходным или как... Так нет! – прорычал Лев. – Энджи отказалась ходить к психологу, работать над собой... С социальными службами отказывалась контактировать. Хамила им всем. И вот, дальше хуже – свалила из страны.

Сима вдруг бросила своих кукол, подбежала ко Льву, забралась к тому на колени. Потом уютно устроилась, положив голову на плечо Льву. Хитро улыбнулась Олегу:

– Привет, папа Олег!

– Привет, детка, – осипшим голосом ответил Олег девочке.

– Ладно, все. Ты понял. Так что скажи ей... ну должна понимать же... – Лев звонко чмокнул Симу в макушку.

Сейчас, когда девочка была у Льва на руках, Олег поразился тому, насколько похожи эти двое. И почему раньше никто не замечал этого невероятного сходства?!

Экран погас.

Олегу было как-то нехорошо. Мутило, руки-ноги словно онемели, и он не понимал почему. Ну да, ничего странного он сейчас, в принципе, не услышал. Все произошедшее – вполне в духе бунтарки Ангелины... Пора бы привыкнуть, что она совсем не ангел. Но почему же так тошно...

Опять звонок.

– Олег Николаевич, это Роза Руслановна. Можете сейчас подъехать? Я кое-что интересное нашла...

– Да, сейчас буду, – выдохнул Олег. Поехал в головной офис, зашел в кабинет, где новый главный бухгалтер разбирала бумаги.

– Олег Николаевич, посмотрите, – она протянула ему какие-то бумаги, накладные. – Видите?

Олег сел напротив, принялся изучать документы. Вот это год назад, это два... везде подписи Никиты. Олег пытался понять смысл написанного, всех этих цифр, а мозг сопротивлялся. Ну не может такого быть... Невозможно.

– Вы все искали, куда некоторые суммы время от времени пропадали, ну так полюбуйте. Ваш прежний соучредитель их... присваивал.

– Мягко сказано, – прошептал Олег. – Это мягко сказано, Роза Руслановна. Получается, Никита их... крысил. Тащил потихоньку... у меня. У меня крысил.

– Можно и так сказать, – согласилась главный бухгалтер. – Вот тут сто тысяч, тут сто пятьдесят... Еще вот кое-что...

– Спасибо. Спасибо, что разобрались со всем этим, – сказал Олег. Теперь ясно, куда деньги потихоньку пропадали...

Олег попрощался с Розой Руслановной, вышел на улицу. В груди уже явно щемило.

Как поверить в предательство близкого друга? «И ведь я его хоронил, я его матери оплатил операцию... Кто он после этого?!»

Очередной звонок! Имя абонента – Нина Филипповна. Это имя вызвало у Олега новый приступ гнева.

– Олежек... Олежек, ты не подъедешь? Я сейчас пытаюсь разобраться с водосчетчиками... не понимаю, как это – показания по интернету передавать...

– Да-да, скоро буду, Нина Филипповна! – злобно произнес Олег. Внутри у него все кипело.

Олег оказался у надоедливой тетки через полчаса.

– Нина Филипповна, вы меня достали, – едва та распахнула перед ним дверь, заявил он. – Хватит меня дергать, ну... Мало вам?

– Олежек, да что с тобой... Да, а Ангелиночка не звонила? Как там Сима?

– А зачем вам Сима?

– Как зачем? – испугалась Нина Филипповна. – Это же моя внучка, единственное родное существо...

– Она не ваша внучка. Не родная. Она дочь Льва. Вот поэтому Лев и увез ее в Милан.

– Олежек, да что ты такое...

– А ваш сын, Никита, был вором. Он тырил денежки из общей кассы, вы в курсе? О, вы все, какие вы все прилипалы и паразиты!

– Олег, не может такого быть!

– Вам документы принести? Меня сейчас в бухгалтерии прямо ошарашили, да-а... И вам еще номер Льва в Милане дать? Вот, вот, пожалуйста, где-то его визитка завалялась. – Он принялся шарить по карманам. – А, вот, прошу. Позвоните ему. Сеанс видеосвязи устройте. Он вам покажет ДНК-исследование, которое подтверждает, что Сима – его дочь, его, его, его! А вашего внука, вашего настоящего внука, ну, или внучку, распрекрасная Ангелиночка – того-с... она избавилась от него, сделала аборт, это не выкидыш у нее случился.

Нина Филипповна стояла бледная, губы ее тряслись.

– Будь ты проклят, Олежек, – вдруг прошептала она. – Будь ты проклят!

– За что? За что-о, Нина Филипповна? Я же столько для вас сделал, я вбухал кучу денег на похороны и памятник Никите, я помог вам с операцией... за что вы меня проклинаете? – завизжал Олег.

– За то... за то, что ты мне рассказал все это... Зачем? Лучше бы я не знала... И думала бы... что есть у меня внученька, и она просто где-то там, но она есть... а-а... Ты отнял у меня все! Проклинаю!

Олег едва не оглох от ее крика. Побежал по лестнице вниз, выскочил из подъезда. И вдруг свет померк перед его глазами. Он почувствовал, что тело перестало слушаться его и он падает прямо на асфальт.

* * *

Рая вышла из дома – решила купить яблок, для пирога. Вечером обещал прийти Богдан...

В город пришло настоящее «бабье лето». Было тепло, даже жарко для середины сентября. Деревья стояли в золоте, золотом блестели витрины, бока проезжающих мимо автомобилей и даже асфальт, черный, недавно переложенный, сверкал мириадами золотых блесков.

Рая прислушалась к себе, к своим ощущениям... Она и вправду сейчас счастлива?

Но ничего не успела подумать, поскольку увидела перед собой свою бывшую свекровь.

Любовь Петровна шла ей навстречу. Похудевшая, осунувшаяся, в каких-то новых, смешных очках. Нет, солнце на небе не погасло, и листва на деревьях не потускнела; просто каким-то холодом повеяло из соседнего переулка...

– Раечка...

– Здравствуйте, Любовь Петровна.

– Ну что ж ты делаешь, а... Не дозвониться. Вот, пришлось опять самой искать тебя. А у меня ни сил, ни времени.

– Я ваш номер в «черный список» поместила, Любовь Петровна. Ваш и Олега. Зачем я вам, зачем вы мне... Чужие же люди мы теперь, – вздохнула Рая, но тем не менее почему-то почувствовала себя виноватой.

– Беда, Раечка, – простонала Любовь Петровна.

– Какая беда? – с тоской спросила Рая. – Впрочем, не говорите, не надо, это меня теперь не касается.

– Ох ты... – бывшая свекровь пошатнулась, чуть не упала, пришлось Рае подхватить ее. Она усадила Любовь Петровну на скамейку.

– Олег умирает.

– Что?! – Рая плюхнулась на скамейку рядом.

– Вернее, он очень болен. Врачи ничего не понимают, сами руками разводят. Ноги у него отнялись. Не ходит, лежит. Пытались его лечить, а толку... Диагноз ведь не смогли поставить! Ну ты же знаешь

эту бесплатную медицину, – скривилась Любовь Петровна. – А на платного, хорошего доктора у нас денег нет.

– Так вы денег занять хотите? – спросила Рая. – У меня тоже особо нет. Пусть Ангелина поделится!

– Так ты не знаешь! Ангелина, она... Ну, короче, как она узнала, что Олежек заболел, так ушла от него. И мало того, взяла да и продала весь его бизнес. А он, бизнес, был налаженный, прямо загляденье... Олег перед тем в документации порядок навел, персонал поменял, главбуха нашел, уникальную такую даму... Не бизнес, а конфетка. Ну вот, Ангелина его и продала. И не прогадала, с большой выгодой продала... Прямо с руками его оторвали!

– Ангелина продала всю сеть магазинов? – удивилась Рая. – Зачем? Вы же сами сказали, что все налажено там было?

– Ну потому что Олег уже не мог все дела сам вести! Что тут непонятного, – всплеснула руками Любовь Петровна. – Ангелина поняла, что от моего сына уже никакого толка. Там ведь постоянно надо все это... мониторить. Днем и ночью там чтобы, ты знаешь. Нет, ну она, конечно, могла бы нанять управляющего, но где сейчас хорошего найдешь. Да и платить ему сколько бы пришлось за работу! Я тебе скажу, Рая, что Ангелина эта совсем не дурочка. Продала Олежкин бизнес на пике расцвета и задорого. Теперь она может спокойно жить на проценты от полученных денег. А проценты – немаленькие, я честно признаюсь...

Рая молчала. Она не знала, что сказать. Ей было жалко бывшего мужа. Вот жалко, и все тут...

– Бедный Олег, – пробормотала Рая.

– И бедная я, – мрачно произнесла Любовь Петровна. – Его ж выписали. Он дома теперь. На инвалидной коляске. Ходить не может. Конечно, пытается все сам делать, но как одному... Я помогаю. Пересесть там, встать-лечь. А он же тяжелый. А мне тяжести нельзя поднимать, больше двух килограммов, у меня же зрение. Была б я здорова, худо-бедно справились, но вот с этими моими глазами – просто наказание. Вот, уже новые очки себе купила, старые уже не годятся.

– Сиделку нанять, – прошептала Рая.

– На какие шиши?! Ох, Раечка... Приходи. Мы с Олежеком тебя ждем. Он же не чужой человек. И внеси нас обратно в «белый» список.

Приходи хоть ненадолго, помогать. А что, вон сейчас волонтеры везде помогают, добровольно и бесплатно... И ты бы могла таким волонтером стать для Олежека. Это благородное дело. Тебе зачтется!

– Вы шутите... Вы и правда словно не понимаете...

– Я все понимаю! – страдальчески вскрикнула Любовь Петровна. – Но что делать? Где твое милосердие, Раечка? Ты ведь столько лет за Олегом была как за каменной стеной! Не пора ли отплатить за все хорошее?

– Пусть Ангелина помогает.

– Ангелина – та еще аферистка, и ты это знаешь. Она нас всех вокруг пальца обвела. Олег уже все прекрасно понял, и он раскаивается. Знаешь, если ты его выходишь, если он выздоровеет, ты ведь вернее его мужа не найдешь. Он ведь по гроб жизни будет тебе обязан. Если он на ноги встанет, он тебя на руках будет носить. И я тоже твоей вечной должницей стану.

– И сколько еще раз мне его прощать придется? – пожала плечами Рая, вспомнила почему-то «до семижды семидесяти раз...».

– Он тебе пытался дозвониться, пробовал написать. Но ты ж его везде заблокировала, и меня тоже заодно. Зайди к нам, повидайся с Олежеком. Хоть просто так зайди... Как он тебе рад будет! – крикнула Любовь Петровна и разрыдалась.

Рая поймала себя на том, что уже видела нечто подобное. И слышала. Рыдания, клятвы... Но легче ей от того не стало.

– Я не знаю. Я сейчас ничего не могу сказать. Я подумаю, ладно, Любовь Петровна?.. – пробормотала Рая. Вскочила и быстро пошла прочь.

Этот день уже перестал ей казаться прекрасным. Еще полчаса назад она чувствовала себя счастливой, и вроде бы потом в этом мире ничего не изменилось глобально: солнце не погасло, небо не рухнуло на голову, но прежняя радость вдруг исчезла без следа.

...Яблоки она купила и пирог испекла. Только Богдан все равно заметил, что Рая выглядит подавленной и печальной.

– Что случилось? Ты такая грустная сегодня, – спросил он ее вечером, обнимая и целуя.

– Кое-что случилось, да. Но это тебя не касается, это так, из моей прошлой жизни...

– Нет, расскажи! – настаивал он, кружа Раю в своих объятиях, словно в танце.

Пришлось Рае признаться во всем: Олег тяжело болен, денег нет, Любовь Петровна с обязанностями сиделки не справляется.

– Понимаешь, мне не надо об этом думать, а я все равно думаю, – в конце этой грустной истории откровенно сказала Рая. – Я пытаюсь их забыть, этих людей, а не получается. И жизнь меня ничему не учит словно! Я вот умом понимаю: никакой им помощи, они чужие, и я им чужая, и они мне не один раз показали, что я им чужая, и сколько раз мне по носу «щелкали»... А вот все равно их жалко!

Богдан задумался.

– Послушай... да, я согласен, они много неприятных моментов тебе доставили. Но правда их жалко. Даже мне. И я вот что думаю...

– Ты не обязан об этом думать!

– Нет, нет, если я чем-то могу помочь... и хочу помочь... Короче, – уже бодрым, оживленным голосом воскликнул Богдан, и глаза его заблестели. – У меня одна бригада есть, свободная на данный момент. И я таким уже занимался, в курсе, что к чему. Мы за две недели полностью переоборудуем там все, в квартире у твоего Олега. Архитектура и дизайн не стоят на месте, между прочим! Полно хитрых приспособлений, специально подобранной мебели и прочего такого... Того, что значительно облегчает жизнь инвалида в быту. Система подъемников! Я переоборудую квартиру Олега, и его матери не придется таскать сына на себе. Посмотрю еще, что там в подъезде, легко ли выбираться на улицу человеку в инвалидной коляске... В принципе, это задача городских властей, и тут тоже особых трудностей возникнуть не должно.

Рая, ошеломленная, затаив дыхание, смотрела на Богдана.

– Ну, как тебе такая идея? – сверкая глазами, возбужденно спросил он.

Рая не находила слов. Просто обняла его, чувствуя, как слезы щиплют глаза.

– Ну что ты? Перестань, – засмеялся Богдан. – Если мы можем сделать мир лучше, мы должны это сделать.

* * *

Олег уже две недели как жил в новой, переоборудованной квартире. Все в ней было приспособлено для человека в инвалидной коляске – мебель, даже плита... Все близко, низко, под рукой, удобно. Можно самому лечь в кровать, можно перебраться в ванну, если надо помыться. Система специальных креплений и ручек на стенах.

Кроме того, и государство о нем не совсем забыло – определенные льготы, помощь...

Но легче Олегу от того не стало. Во-первых, потому, что он не мог смириться со свалившейся на него беспомощностью, во-вторых, его, как мужчину, очень унизило появление в его доме нового возлюбленного Раи.

По сути, получается, Олега уже никто не считал за мужчину.

И помощь Богдана Олег принял, скрипя зубами, ради мамы. Маме необходимо было чуть отстраниться от забот о нем, иначе она просто не выдержала бы, сама стала бы инвалидом.

Ухажер Раи – франтоватый «хипстер» на вид. Внешне интересный, надо признать: рыжий, заметный такой. Спокойный и доброжелательный. Не он делал сам ремонт, он лишь руководил рабочими, но появлялся в квартире довольно часто – проверить, как идут дела с установкой необходимого оборудования.

Богдан Дорожкин сам за все платил – за материалы, за работу бригады... И это обстоятельство было особенно унижительным для Олега.

Раньше за все платил он. Он всем благодетельствовал: помогал деньгами и делами, а тут из него сделали прилипалу и паразита, неспособного позаботиться о себе. Хуже унижения не придумаешь.

Поэтому Олег Богдана ненавидел. Терпел, улыбался, благодарил, а сам мысленно проклинал того.

И часто вспоминал историю о Данко. В сущности, кто он, Олег? В какой-то степени тоже Данко. Собрал людей вокруг себя, повел к светлому будущему. А люди-то взяли и отплатили ему потом черной неблагодарностью.

Никита, Лев, Ангелина. Лжецы и воры.

Особенно к покойному Никите у Олега накопилось много претензий. Уж он с ним как с родным братом, с матерью его – тоже как с родной... Никита же крал деньги из общего бизнеса, его мать

буквально села на шею Олегу после смерти сына, а потом, мало того, прокляла его.

Сказано же: не делай добра – не получишь зла.

Лев? Хорош друг – увел девушку из-под носа, молчал о грязных тайнах, связывающих его с Ангелиной.

Про Ангелину Олег даже думать не хотел – это такая тварь, что убить ее мало.

Вот и рви свое сердце ради других-то... Чтобы потом, в случае беды, никто не пришел на помощь. Ну, кроме Раи.

К бывшей жене у Олега было сложное отношение. Он и любил ее (она одна не стала предавать его), и ненавидел (за то, что, в конце концов, предпочла ему другого мужчину). И все же она не до конца забыла об Олеге, она одна (ну, кроме матери, конечно) постаралась помочь ему, пусть и в унижительной форме, заставив Олега общаться с этим Богданом...

Олег в своем отчаянии уже дошел до крайней степени... Особенно когда в середине октября вдруг выпал первый снег. Это значило, что впереди полгода темной, холодной зимы, когда выбраться на улицу еще сложнее...

Теперь он заперт в этой квартире, словно зверь в клетке. И тут вопрос: а нужна ли Олегу подобная жизнь?..

Решение созрело моментально, когда Олег сидел напротив окна, смотрел на падающий снег. Одиннадцатый этаж, не спастись. Он открыл окно (какая прелесть, даже тянуться не надо до ручек), все теперь на уровне лица человека, сидящего в инвалидном кресле...

Схватился за подоконник, попытался подняться, но тут порыв ледяного ветра с улицы заставил его вздрогнуть, съежиться... Олег потерял равновесие и упал на пол. Ударился больно плечом, рассек подбородок о подоконник. От этого его злость и отчаяние только усилились.

Бормоча проклятия, он попытался подняться. И внезапно понял, что может шевелить ногами. Пока слабо, но может. Это поразило Олега до глубины души. Ну да, в больнице ему говорили, что подвижность вполне может вернуться, хотя и слишком надеяться на это тоже нельзя.

И все же случилось оно, чудо. Кое-как Олег смог подняться, забрался в кресло, закрыл окно.

Умирать ему резко расхотелось.

На следующий день он вполне мог шевелить ногами, на третий встал сам. Ноги были еще слабыми, не всегда слушались его, но неподвижность отступала все дальше.

Врач, к которому Олег приехал все же на коляске, отметил у Олега положительную динамику и сказал, что случившееся, скорее всего, результат сильного стресса. Именно от стресса Олег потерял способность ходить и точно так же, от стресса, вернул ее обратно.

Мама была вне себя от радости. Ну конечно, сын начал выздоравливать... Как ей не ликовать. Олег велел ей ничего не говорить Рае – та иногда звонила своей бывшей свекрови, узнавала, как у него, Олега, дела, и спрашивала, не нужна ли помощь.

Олег принялся вновь изучать те материалы, которые предоставил ему когда-то Борис Борисович, занимавшийся службой безопасности в его фирме (тоже ведь, уникальный сотрудник, сейчас на другого хозяина работает!).

Те материалы больше раскрывали отношения матери и сына. И отношения Богдана с его девушками – в том смысле, что все эти истории закончились одинаково – расставанием.

Три девушки, вернее, три уже взрослые женщины – Маша, Варвара, Люда. Одни лишь их имена известны из дневников Наташи Свенсон. Больше никаких сведений. Кроме одной зацепки, что некая Маша являлась одноклассницей Богдана.

«В сущности, как мы с Раей... Тоже одноклассники, эта детская любовь... Только мы с Раей стали супругами, а Богдана с его девушкой, судя по всему, разлучила его мать. А если бы не разлучила? В сущности, он до недавнего времени, до встречи с Раей, – одинокий, неприкаянный товарищ. Возможно, какая-то юношеская травма... Если найти эту Машу и сказать ей, что Богдан всю жизнь не может ее забыть? Интересно, эта Маша замужем? Да хотя бы и замужем! Если их свести, Богдана и ту Машу? Райка – ревнивая, узнает, бросит Богдана...»

Эта идея вдохновила Олега.

В сущности, он сейчас совершал опять то же самое, что Рая когда-то делала для него. Олег нашел в одной из сетей общее фото всех одноклассников Богдана. Маша там была одна. Маша Гречихина.

Олег принялся «копать» в ее сторону. И как это, оказывается, просто в наше время, когда буквально все люди – вот они, в социальных сетях, под своими именами, ведут годами свои дневники, все сведения о себе на публику вываливают!

Олег отправил Маше Гречихиной (надо же, и фамилию не поменяла) заявку в «друзья», та быстро ответила согласием. Уже плюс, такая отзывчивость, кстати, есть вероятность, что она одинока...

Теперь даже «подзамочные» записи госпожи Гречихиной стали открыты для Олега. И вот что он узнал, изучив журнал Маши от корки до корки: Маша – дочь детской писательницы Гречихиной (как ни странно, Олег вспомнил эту писательницу, читал в школьные года что-то про первую любовь, дружбу, занятно). У Маши, судя по всему, были ужасные отношения с матерью, хотя та по-своему старалась: оплачивала все прихоти дочки, полностью оплатила ее образование в престижном вузе, купила ей отдельную большую квартиру. С мужчинами у Маши были хронические проблемы: все уходило от нее, сбегали, иных Маша бросала сама. Маша мечтала о детях. Дети у нее не получались ни с кем, Маша отчаянно ссорилась с матерью, которая пыталась ее вразумить, отговорить от мечты. Маша матери не могла простить, что та принижала ее желания, не считала важными. Хотя, если подумать, писательница Гречихина пыталась помочь дочери, немного отвлечь ее от навязчивых мыслей.

Наконец Маша забеременела с помощью ЭКО тройней, и врачи посоветовали ей удалить два плода – была большая вероятность, что без ущерба для здоровья Маша всех не выносит, но Маша не могла пойти на такое (врачи же часто ошибаются, и к тому же это нехорошо, не по-человечески избавляться от детей!) и героически родила всех троих. Оказалось, что в этот раз врачи были правы. Первый ребенок умер сразу, при родах, затем второй – два года существовал «овощем» и все же скончался... третий выжил, к счастью, и был здоров, но поскольку Маша являлась яркой «антипрививочницей» и врачам по-прежнему не доверяла, ее непривитый малыш подхватил вирус, получил после него осложнения и стал инвалидом.

Муж у Маши, от которого было сделано ЭКО, тоже умер спустя некоторое время после трагедии, случившейся с третьим ребенком... Сбежать от трудностей и проблем он не смог, но в переносном – да,

получается, сбежал. Мать ее мужа ненавидела Машу, говорила, что это та уморила ее сына своим упрямством в важных вопросах...

Словом, это была какая-то летопись всех возможных несчастий, которые могли случиться с женщиной! Потом умерла и мать Маши, писательница; Маша теперь осталась одна, с больным ребенком на руках, и уже никто не мог ей столь основательно и много помогать.

Обо всем этом, о перипетиях судьбы, Маша подробно писала на страницах своего журнала. Как ни странно, у нее было много друзей, подписчиков, сочувствующих... Маше, вероятно, от матери достался талант писать легко и красиво, с ноткой иронии... Ее подписчики любили ее, жалели и поддерживали, как могли. И как-то она на страницах своего журнала не выглядела виноватой в своих бедах, скорее, наоборот, казалась человеком, старающимся поступать по совести, по велению сердца, но вот такие удары судьбы она получила... Олег же, который уже, кажется, вполне научился «разгадывать» людей, видел их сущность за нагромождением слов и считал, что ответственность за многие эти несчастья все же лежала на Маше.

Судя по фотографиям – многочисленным селфи – выглядела Маша Гречихина очень неплохо: золотистые вьющиеся волосы, светлые брови, почти незаметные на лице, огромные глаза, и, судя по всему, ни грамма косметики. Вторая Мона Лиза! Богдана в ее друзьях не было (Олег внимательно просмотрел все списки).

«А Богдан, судя по всему, человек жалостливый и совестливый. Вот мне же, по просьбе Раи, побежал помогать... Тоже своего рода Данко. И, если подумать, он всю жизнь выбирал каких-то проблемных женщин! А тут я ему роскошный подарок преподнесу – разнесчастную Машу... От нее он не сможет отказаться!»

Олег написал Маше письмо. Половину, конечно, выдумал, но кто ж станет проверять, тем более вторая половина являлась правдой.

А написал Олег примерно следующее: что познакомился с Богданом, и тот в разговорах признался ему, что до сих пор помнит свою первую любовь. То есть Машу Гречихину. А ему, Олегу, очень жаль Богдана, тот – хороший человек и много ему помог, но вот такой одинокий, неприкаянный... Может, Маша захочет встретиться со своим старинным поклонником?

Маша ответила Олегу в тот же вечер и призналась: да, она тоже часто, до сих пор вспоминает своего давнего друга Богдана. Она искала его одно время довольно долго в социальных сетях, но так и не нашла и потом оставила эти поиски. И вот какой неожиданный сюрприз... Оказывается, Богдан тоже помнит о ней? Но захочет ли Богдан вновь встретиться с Машей? Он-то ее мог легко найти, только набери ее имя в поисковой строке популярной соцсети!

«Возможно, он что-то слышал о вашем браке и потому сразу сдался, не захотел казаться навязчивым. Своего рода мужское благородство. А так он сам мне говорил, что хотел бы вас увидеть, – ответил ей Олег. – Приходите к нему первой – поскольку тот с годами превратился в старого холостяка, отрастил себе комплексы. Ну и недавняя смерть матери его еще подкосила. Кстати, да, он теперь свободный человек – в том смысле, что власть его матери над ним закончилась. Так что обязательно приходите к нему, спасите его от одиночества. И быть может, он тоже спасет вас от многих проблем».

«Хорошо, – Маша прислала улыбающийся смайлик. – Предрассудками я не страдаю, это глупость в наше время – самой не действовать и ждать первых шагов от мужчины, так что... да, я позвоню ему в ближайшее время. Номером его телефона не поделитесь?»

«Конечно, поделюсь. Но мой вам совет – идите сразу к нему, он часто дома, весь в работе. Личная встреча, без предупреждения, ошеломит его, произведет неизгладимое впечатление. Да, в наше время, время деловых людей, принято заранее договариваться и предупреждать о своих визитах, но сколько живых, настоящих эмоций мы теряем из-за этих строгих правил...»

«А вы правы, – согласилась Маша. – Так и сделаю. Пришлите мне и его теперешний адрес тоже».

Успешно закончив эту переписку с «первой любовью» Богдана, Олег приступил к следующему этапу.

Он собрал все сведения о несчастной Маше Гречихиной в один плотный текст, снабдив его для достоверности ссылками. Он-то убил кучу времени, листая летопись Маши, но Рая не станет тратить на это столько времени. Поэтому вот ей краткое резюме. Уж его-то Рая точно сможет осилить и, возможно даже ради интереса, из желания

удостовериться, все же сходит по паре ссылок и поймет, что Олег сейчас не солгал ей ни единым словом...

Этот текст-резюме о жизни Маши Олег прикрепил к своему письму Рае. А в письме он поведал бывшей жене вот что: «Дорогая Рая, я делаю вторую попытку рассказать тебе о прошлой жизни Богдана. Я очень благодарен этому человеку за то многое, что он сделал для меня, и, в свою очередь, хочу, чтобы вы с ним помогли и Маше Гречихиной, которая самоотверженно борется с трудностями жизни. Вот она действительно нуждается в помощи! Я это понял еще тогда, когда собирал «досье» на Богдана и пытался его разоблачить. Глупое, бесполезное занятие... Я раскаиваюсь в этом. Но, ты знаешь, в любом, даже самом бесполезном занятии можно найти свои плюсы. Поэтому я решил продолжить «цепочку добра», если можно так выразиться. Позаботьтесь и вы о Маше!»

Рая обязательно прочитает это письмо и вложение к нему. Женское любопытство... Она прочитает и уже не сможет противостоять Маше, когда та появится рядом с Богданом. Во-первых, Рая ревнива. Во-вторых, Рая жалостлива. Она решит самоустраниться, вполне в ее духе история, Олегу ли не знать свою жену... Бывшую жену то есть.

Когда Рая уйдет от Богдана, то она наконец станет свободной. (Тут осталось только надеяться на Машу, особу стойкую и упрямую, есть шанс, что она просто так не отпустит Богдана.) И тогда у Олега тоже появится шанс вернуть Раю себе.

Поскольку он теперь всерьез хотел ее вернуть – свою жену, которую когда-то потерял по глупости. Не бывшую, нет. Свою настоящую Жену, вот даже так, с большой буквы, пусть это и прозвучит пафосно...

* * *

Рая уже давно «разблокировала» и Любовь Петровну, и Олега. Ну вот так, пришлось... Старые связи невозможно оборвать полностью.

Впрочем, Любовь Петровна редко беспокоила Раю – это Рая теперь звонила ей узнать, как дела у Олега, ну, а бывший муж,

переживающий не самый легкий этап своей жизни, как-то отгородился от мира и ни с кем не хотел общаться.

Поэтому, когда Рая получила от него письмо по электронной почте, то искренне изумилась и, разумеется, не смогла не прочитать его.

Это письмо ее поразило своей странностью. Олег якобы беспокоился о какой-то там Маше... Ах, ну да, *той самой!* И все в этом письме было шито белыми нитками. У Раи возникло ощущение, что Олег намеренно написал о Маше – верно, надеялся, что когда Рая расскажет Богдану об этом письме, то он, узнав о нелегкой судьбе своей прежней возлюбленной, побежит спасать ее.

И правда, говорить ли Богдану об этом письме от Олега? С одной стороны, если рассказать, то получается, поддаться манипуляциям со стороны бывшего мужа... А если ничего не говорить Богдану, то это – поддаться ревности, и вообще нехорошо... А с третьей стороны, с чего это Богдан должен вдруг броситься заботиться о Маше?! А с четвертой стороны, Богдан же помог Олегу в обустройстве его квартиры под специальные нужды больного человека.

Словом, Рая была совершенно выбита из колеи этим письмом и не знала, что ей теперь делать. Не сказать – значит почувствовать себя довольно подлой особой, сказать – мучиться потом от неуверенности в себе, ревности... Патовая ситуация. И как хитер Олег, о, ведь даже не придерешься к нему, как он поднаторел в искусстве интриг! Это подлость с его стороны – напоминать Рае о бывших возлюбленных Богдана. Но в этом есть и нечто трогательное, наивное. Понятно же, что Олег, скорее всего, хочет вернуть Раю.

...Стоял легкий морозец, светило яркое солнце, как часто бывает в середине ноября, когда осень все еще борется с наступающей зимой. На черных ветвях деревьев трепетали последние листья, потемневшие от холодов, потерявшие свой цвет...

Рая направлялась к Богдану домой, по дороге зашла на почту – привычное в наше время дело, когда заказываешь покупки по всему миру...

Они, Богдан и Рая, привыкли работать каждый у себя дома, а вечерами встречаться. То у нее, то у него, то они договаривались и вместе шли куда-то... В этот раз была очередь Раи гостить у Богдана.

Рая свернула за угол, подошла к воротам. Обычно они были открыты, и жильцы спокойно проходили во двор, а иногда кто-нибудь, особо сознательный, закрывал их, и вот тогда нередко возникали проблемы.

У ворот стояла женщина в черном вязаном пальто необычного силуэта, похожем на какую-то средневековую одежду. «Мантия! – вспомнила Рая название модного фасона. – Интересно, мне бы такой фасон пошел? А пожалуй, да! Надо тоже заказать». Капюшон пальто у женщины был откинут назад, открывая длинные и густые, вьющиеся, красивого золотого оттенка волосы незнакомки.

Женщина повернулась к Рае. Почти безбровое, странное, притягательно-открытое лицо, взгляд чуть исподлобья... И тут Рая узнала ее.

Это была та самая Маша. Маша Гречихина, первая любовь Богдана. Олег прислал накануне ссылку на журнал той в соцсети, и там было много фото... Не узнать невозможно.

– Простите, у вас ключ от ворот есть? – обратилась женщина, то есть Маша, к Рае.

– Нету, – пробормотала Рая. – Хотя, минутку, я же код знаю...

Она набрала цифры на панели, калитка в воротах открылась.

– Спасибо, – печально, уголками губ улыбнулась Маша. – А я тут стою и не знаю, что дальше делать... Простите, а вы тут живете?

– Ну-у, наверное... – выдавила из себя Рая.

– А вы всех жильцов тут знаете? Видели Богдана Дорожкина из первого подъезда? Как он? Я к нему как раз направляюсь... Не хотелось бы сюрпризов.

– Да он вроде бы неплохо, – промямлила Рая, уже ненавидя себя, свою неспособность быстро собраться в неловкой ситуации.

– Понятно, – усмехнулась Маша и быстрым шагом обогнала ее, направляясь к нужному подъезду.

И что оставалось делать Рае? Идти вслед, затем в подъезде войти в лифт, подняться с Машей на нужный этаж, затем увидеть удивленное лицо Богдана... Тот ждал Раю, а придут они двое!

«Минутку... а если Богдан ждет ее и сам позвал к себе! – озарило вдруг Раю, но она тут же смешалась. – Нет, он бы предупредил меня, и вообще... Он бы сообщил ей код от ворот! Эти ворота – вечная проблема дома... Она сказала: «Не хотела бы сюрпризов», когда

спросила о Богдане. Значит, она еще не видела его и ничего о нем не знает. Как странно. Вчера Олег мне написал о Маше, сегодня я вдруг встречаю ее. Хотя чего странного, это наверняка проделки моего бывшего муженька! О, он тот еще интриган... – Рая истерично расхохоталась. – Он тоже написал ей, дал адрес Богдана. Ну, а меня лишил возможности противостоять ей, когда рассказал о ее тяжелой жизни!»

Тем временем Маша уже вошла в подъезд вслед за какой-то пожилой дамой. Было поздно бежать за ними, – да и смысл?

Рая не хотела присутствовать при первой после долгой разлуки встрече Маши и Богдана. Не хотела стоять перед ним рядом с Машей, пока он переводит взгляд с одной на другую... Возможно, сравнивая их обеих.

Словно выбирая.

Некоторое время Рая колебалась, раздумывая, затем направилась прочь.

Вся эта ситуация казалась ей невозможной, унижительной – именно для нее. Она никак не хотела становиться участницей встречи Богдана и Маши. Ну что она будет делать при этом – улыбаться неловко, слушать объяснения Маши, ловить потерянный взгляд Богдана... Ведь даже Олег в курсе, что этих двоих, Машу и Богдана, связывала когда-то любовь.

И теперь эти двое свободны. Ну а что, разве Богдан не свободен? Он же ни с кем не связан узами брака... Да, у Раи и Богдана вполне серьезные отношения, но они пока не семья...

Рая шла, не понимая, куда она идет и зачем.

* * *

В дверь позвонили.

Богдан открыл дверь сразу же, даже забыв поглядеть в «глазок», потому что знал, что с минуты на минуту должна была прийти Рая. В том, что это именно она позвонила, он даже не сомневался.

Распахнул дверь и замер – показалось, будто привидение увидел. На пороге стояла... Маша. Маша Гречихина. Машка...

– Видел бы ты свое лицо сейчас, – добродушно произнесла Маша (это все-таки была она, девушка из его прошлого, никакой не призрак). – Ну да, эмоции бесценны... Мой сюрприз того стоил. Привет, Даня.

– Привет, Маша.

– Что, ты так и оставишь меня на пороге?

– Проходи, только... – Он смешался, потом махнул рукой. Тут уж ничего не поделать, все равно придется объясняться с Раей.

– Ты не один? Ты кого-то ждешь? – настороженно спросила Маша. Богдан помог ей снять пальто. Под черным пальто у Маши было длинное черное платье.

– Как ты нашла меня?

– Да в наше время это не проблема... Дай посмотрю на тебя. – Маша взяла его плечи своими тонкими, словно птичьи лапки, руками, развернула к свету. Жест достаточно бесцеремонный и в то же время какой-то интимный, что ли... Потому что Богдану стало неловко.

Маша и изменилась с годами, и нет. Ее внешность стала более утонченной, изысканной. Очень худенькая, кажется, даже истощенная, огромные глаза. Золото волос. Эльф, а не женщина.

– Ты смешной, – сказала Маша, вглядываясь в Богдана и при этом хмурясь. – Настоящий мужчина. Кажется, даже выше стал, шире в плечах. И эти волосы... – Она провела пальцами по его волосам. – Эта моднющая-премоднющая борода! А я? Что ты обо мне скажешь?

– Ты как вино – только лучше с годами, – вполне искренне ответил он.

– Так ты ждешь кого-то?

– Да, жду гостей, – неопределенно ответил он. – Ну, ничего страшного, познакомишься. Ты хочешь чаю, кофе? Садись. – Он усадил ее на диван, прикатил с кухни столик с чашками, чайником.

– Я сама... У меня свой метод, свой рецепт чаепития. Ты будешь, да? – Она налила чаю. Пока Маша хозяйничала, Богдан с недоумением наблюдал за ее руками. У него была слабость к женским рукам, он всегда в первую очередь обращал на них внимание.

– Расскажи о себе, Даня.

– Лучше ты о себе расскажи, Маша... Я слышал, мама умерла?

– Да, давно. Ее иногда перепечатаывают, книги выходят, мне кое-что платят как наследнице.

– Муж? Дети?

– Муж умер, я вдова, Данечка. У меня сынок, Елистрат, и он... ну, он не очень здоров. Ему шесть, но это славный мальчишка... – Она улыбнулась так, словно собиралась заплакать.

У Богдана сжалось сердце. Инстинктивно он ожидал чего-то подобного. Мама всегда опасалась Маши, говорила, что та – тридцать три несчастья, и от таких людей надо быть подальше. Помнится, в детстве и юности Маша вечно чем-то болела, ломала руки и ноги, у нее носом то и дело шла кровь, она вечно все теряла и сама терялась в череде почти ежедневных неприятностей...

– Ты все там же живешь?

– Ну как сказать... Мама мне в свое время купила квартиру. А ту, в которой мы жили с мамой, пришлось продать.

– Жалко, – вырвалось у Богдана.

– Не то слово. Столько комнат... Если помнишь, ее дедушке дали от Союза писателей где-то в 60-е годы прошлого века. У нас вся семья – писатели, одна я не пойми кто.

– Ты работаешь? – спросил Богдан.

– Нет. Ну какой из меня работник сейчас... – пожала она узкими плечами, отпивая из чашки. – Даня... ты меня вспоминал? – вдруг подняла она голову.

– Да.

– Ты жалеешь, что мы расстались?

– Теперь нет.

– А я все время жалею, каждый день жалею. Почему мы расстались, ты помнишь?

– Потому что мы все время ссорились... – Он вздохнул, наклонил голову, потом засмеялся. Хотел добавить: «Потому что мне все время приходилось спасать тебя!», но не стал это говорить – слишком жестоко бы прозвучало. «Но это правда. Я всех старался спасти. Машу, Варю, Люду. Все, что было у меня, – это не про любовь, оказывается. Совсем не про любовь, мама оказалась права... Она говорила мне об этом, а я не хотел ее слушать. Она мне говорила – думай о счастье для себя, а не о счастье для других. А мне это казалось так низко – думать о себе. Я хотел изменить мир к лучшему, я хотел сделать людей счастливыми... Это так благородно и красиво. Но правда в том, что никого насильно не осчастливишь, – только ты сам себя. И если

каждый позаботится о своем счастье, то и мир станет лучше. Наверное, все беды в мире, войны и революции – от желания сделать мир лучше и дать людям счастье. А счастье нельзя взять или дать. Счастье – это дар».

– Мама написала повесть о нас. О тебе и обо мне. По нему даже фильм собираются снять, – улыбнулась Маша. – О двух подростках, Ромке и Юльке, которых разлучили жестокие взрослые. Если бы не родители, они бы стали самыми счастливыми любящими людьми. Со мной уже связались с киностудии, собираются договор подписать.

– Здорово, – безо всякого энтузиазма произнес Богдан. – Хотя, ты знаешь, если бы мы не расстались тогда с тобой, то прожили бы потом долгую несчастливую жизнь.

– Что ты такое говоришь? Несчастливую? – изумилась Маша. – Почему несчастливую?

– Потому что ты... Господи, Маша, ну зачем об этом говорить? – схватился за голову Богдан.

– Нет уж, скажи!

– Зачем мне тебя ранить? Эта правда, она никому не нужна... У тебя нелегкая жизнь, и добивать тебя еще сильнее было бы свинством с моей стороны. Маша, не надо. Жизнь развела нас давно, сама жизнь, не надо все валить на родителей. Они и так старались дать нам самое лучшее, их уже давно нет в живых, и мы давно взрослые, а все еще возимся со своими детскими обидками...

– Моя мама обо мне совсем не думала. Она была поглощена своей литературой. Я не чувствовала от нее душевного тепла...

– Твоя мама оплатила твой вуз! Купила тебе квартиру, ты сама только что сказала...

– Мне ничего этого не надо было! – закричала Маша. – Мне от нее нужны были только любовь и внимание! И поддержка! А она мне все время твердила, что ты мне не пара, что мне нужен другой мужчина, надежный и обеспеченный, а не нищий студент...

– О нет... – Богдан словно окунулся в прошлое, в те времена, когда они с Машей почти все время ссорились и выясняли отношения. – Твоя мама была права. Тебе и правда был нужен другой мужчина. Мы же с тобой и ссорились в последнее время из-за того, что я слишком мало уделяю тебе внимания, что мне вечно некогда, что я не готов днями и ночами находиться рядом с тобой, слушать только

тебя... Меня ты слушала?! Я ж учился тогда! Я мужик, я без образования, без дела своего, без профессии – был бы никто! Но тебя это не волновало! Ты хотела владеть всем моим временем, моим разумом, моими чувствами и душой...

– Это любовь, Даня.

– Любовь – это когда удавка на шее? Вечная повинность? Да ну ее на фиг, такую любовь... Вот почему ты сейчас пришла без всякого предупреждения? Ты все обо мне знала? Ну так и написала бы мне для начала, спросила бы, а готов ли я с тобой встретиться... Но нет, тебе, как всегда, было плевать на то, занят я или нет, есть у меня время для тебя или нет...

– Ты сейчас говоришь, как твоя мать. Я помню, она всегда меня отчитывала. – Голос у Маши задрожал, глаза заблестели.

– И она была права. Я полжизни все время кого-то спасал. Я был вечно кому-то должен. Все мои женщины – несчастные создания, которые не в состоянии о себе позаботиться, которые умрут без моей помощи. Мама прекрасно знала мою проблему и мне о ней напоминала... Она видела, что я все время наступаю на одни и те же грабли, и она не хотела, чтобы я всю жизнь был чьими-то костылями...

– А разве мужчина не должен помогать своей женщине? – вдруг надменно произнесла Маша.

– Помогать, но не тащить всю жизнь на своем горбу! Да и не в этом дело... Я же не любил тебя. И мама это знала. И она пыталась мне сказать: ну раз не любишь, зачем ты с Машей... Варей... Людочкой...

– Это твои девушки были? Как мило... То есть ты признаешь, что тебе тридцать шесть и ты по-прежнему один? Ну скажи спасибо своей маме за то, что внушила тебе, будто все женщины тебя недостойны... Она тебя со всеми разлучила!

– Да, я скажу спасибо своей маме за то, что я не связал свою жизнь с нелюбимой. Извини... – он достал свой телефон из кармана, проверил – может, не заметил сообщение от Раи?

– Да кого ты ждешь, Данечка? – высоким, странным голосом произнесла Маша.

– Свою девушку. Одновременно с тобой должна была прийти и вдруг куда-то пропала.

– Значит, ты все-таки не один. И ты ее любишь, да?

– Да. Я люблю ее и готов ради нее на многое.

– Надо же... Как глупо. Но я не знала, правда. Погоди... Твоя девушка такая темненькая... – Маша сделала над головой движение руками, обозначая сложную прическу. – С копной волос, да?

– Да!

– Так это она была! А я подумала – вот странная... мы встретились с ней у ворот. И я у нее даже спросила о тебе, не знает ли она такого жильца...

– И что? – встревожился Богдан.

– И ничего. Потом она ушла вроде, – устало произнесла Маша. Глаза ее словно потухли, она смотрела теперь на Богдана без всякого интереса.

– О нет...

– Она что, настолько ревнивая? Ревнует тебя ко всем подряд? – кисло улыбнулась Маша.

Богдан набрал номер Раи. Долгие гудки. «Точно. Это была она. Столкнулась с Машей и чего-то испугалась, обиделась...»

– Маша, прости. Мне надо бежать. Ты ничего больше ей не говорила?

– Даня, это смешно! – удивленно распахнула глаза Маша.

– Нет, прости. Мне надо найти ее.

– Ладно. – Маша поднялась.

Богдан помог ей накинуть на плечи ее пальто, они спустились вниз.

В лифте Маша молчала, печально опустив ресницы.

– Ну все, прощай? – сказал Богдан, когда они вышли из подъезда.

– И ты даже не подвезешь меня?

– Маша, вызови такси! Через пару минут же прибудет! Ну в чем проблема... Вот деньги, если у тебя их нет...

– Не надо мне твоих денег. – Она оттолкнула его руку с купюрой. – Ладно, прощай, – пробормотала она.

...Он ехал по улицам, высматривая знакомую фигуру. Затем остановился у дома Раи, позвонил по домофону. Без ответа. И окна темные.

Богдан поехал обратно. Он нервничал и злился.

Он не хотел терять эту женщину.

* * *

– Мама! – кто-то крикнул рядом звонким голосом.

Рая вздрогнула, оглянулась – мимо по дорожке проехал на самокате маленький мальчик. Женщина, шедшая впереди него, обернулась с улыбкой, остановилась.

«Это уже было...» – мелькнула мысль. Рая заставила себя встряхнуться и только тогда обнаружила, что находится сейчас в парке, на набережной. Вокруг – деревья, почти без листвы, за гранитными перилами внизу течет черная вода, несет на своей поверхности опавшие листья.

Рая провела рукой по лицу, словно снимая паутину.

«А чего я так испугалась? – вдруг подумала она. – Почему решила сбежать, даже не поговорив с Богданом?»

Она достала из кармана свой телефон. Семь пропущенных звонков. От Богдана.

– Нет, нет, нет... – пробормотала она. Нажала на надпись «перезвонить». Пошли гудки, потом послышался голос Богдана:

– Алло... Рая, куда ты пропала? Почему ты не отвечала?

– Я звук выключила, – улыбнулась Рая. – Вот только что заметила.

– Ты где?

– Я? Да все там же. В парке, гуляю.

– Сейчас буду!

Короткие гудки. Рая медленно пошла вдоль набережной, остановилась у очередного дерева с облетевшей листвой и вдруг заметила на одной ветке яблоко. Притянула ветку ближе, понюхала яблоко, уже засохшее, сморщенное... Отпустила ветку.

– Рая!

Навстречу мчался Богдан. В черных джинсах, короткой замшевой куртке. Рыжие волосы.

Он ловко съехал вниз по скользкой, уже покрытой ледком тропинке и с разбегу обнял Раю.

– Беглянка! – воскликнул он и с радостью, и возмущенно принялся ее целовать. – Куда ты вдруг сбежала?

– Я Машу Гречихину встретила, – честно призналась Рая. – И как-то мне не по себе стало... Не знаю.

– Погоди, но как ты поняла, что это именно она? – отстранился Богдан, с изумлением посмотрел на Раю.

– Олег накануне письмо прислал. С фотографиями.

– Ах Олег... Так это он все устроил! А я-то думаю... ты же не ревнуешь? – вдруг с ужасом спросил он.

– Ревную, – кивнула она.

– И я тебя. К твоему бывшему. Ишь, как он всерьез вздумал за тебя бороться...

– Ладно, ерунда. Просто не надо поддаваться, – усмехнулась Рая.

– Нет-нет, мне это надоело... – весело произнес Богдан. – И у меня мысль. Надо все это прекратить. Ну сколько можно...

– И как ты это прекратишь? – махнула Рая рукой с ощущением безнадежности.

– Давай поженимся. Очень надежный способ, сразу все отстанут.

– Ты серьезно? Ты... ты это потому, чтобы отстали все от нас?

– Нет, конечно. Не только, – уже другим тоном, серьезно произнес Богдан. – Я люблю тебя. И я хочу, чтобы ты стала моей женой. Ты согласна?

Рая в первый момент ничего не смогла ответить, закусила губу, оглянулась растерянно, словно ища какую-то подсказку в окружающем пейзаже.

– Рая, ты согласна?

– Да, – ответила она.

Богдан засмеялся, обнял ее и поцеловал. Рядом на дорожку со стуком упало яблоко.

* * *

«Скотина, ты меня подставил», – Олегу пришло сообщение от Маши Гречихиной.

«Значит, ничего не вышло!» – с огорчением подумал он. Поднялся из-за стола и пошел на кухню – сварить кофе. Здесь все было неудобно, низко – с расчетом на человека, привыкшего сидеть в инвалидном кресле. Он стал варить кофе, уронил банку на пол, все рассыпал, чуть не стукнулся о распахнутую дверцу подвесного шкафа. А Олегу уже ничего этого не надо было, этих особых условий, и всякое

напоминание о своей прошедшей болезни воспринималось им теперь очень остро.

Олег оделся и отправился в ближайший магазин – без кофе он никак не мог.

И – вот незадача! – при выходе из подъезда нос к носу столкнулся с Раей.

– Ты! – простонал он. Рая молча, с изумлением смотрела на его ноги. – Да, не удивляйся. Я теперь снова могу ходить.

– Это отличные новости, – наконец смогла произнести Рая. – Я очень рада за тебя. Правда рада.

– Я не говорил, боялся потерять тебя, понимаешь!

– Но ведь ты меня и так потерял, – сказала она. – Послушай... ты больше не пиши и не звони мне. Я тебя опять заблокирую. Ты в порядке, и, значит, помощь тебе больше не нужна.

– Рая, мне нужна ты!

– Нет, нет... Я выхожу замуж. У меня другая жизнь. И вообще... Ты хоть понимаешь, что это подло? Человек старался, помогал тебе, сделал бесплатно в твоей квартире ремонт, а ты плетешь интриги за его спиной?

– А я на все ради тебя готов! Я тебя люблю.

– Олежек, перестань... Это не оправдание. Если любовью объяснять всякую подлость, то зачем вообще она нужна, эта любовь? Нет. Я больше не имею с тобой никаких дел и отношений. Всё.

Она развернулась, направилась прочь.

– Рая!

Она не ответила, не обернулась, только дернула плечом – отстань, мол. Олег не стал ее догонять – вдруг почувствовал злость, обиду. Надо же, Рая выходит замуж...

Через некоторое время Олег окончательно восстановился, с него сняли инвалидность и все льготы. Не так уж и много было облегчения в этом, но и на том спасибо... Получается, Олег вновь превратился в обычного человека, который сам должен обеспечивать свою жизнь, сам заботиться о себе.

А сил у него уже не было.

Многие советовали ему начать бизнес заново – опыт есть, знания тоже, можно составить план, взять кредит... Но Олегу уже не хотелось. Он был совершенно пуст. Его внутренний огонь погас...

Олег пошел в наемные работники, в офис, с девяти до шести. Платили немного, Олег уже отвык от подобных мизерных сумм, которые ему ежемесячно перечисляли, но и на том спасибо...

Один раз он все-таки испытал сожаление, когда маму положили на операцию. В обычную государственную больницу, бесплатно. Глаза! Глаза у мамы нуждались в «починке». И вроде бы все более-менее хорошо, операция прошла, и осложнений никаких не возникло, и врачи вполне нормальные, доброжелательные, и больница чистенькая, однако вот один серьезный минус имелся – розетки в палате располагались почти у самого пола. А тем, кто только что перенес операцию на глазах, наклоняться категорически запрещено. Разрядился телефон – выкручивайся как хочешь, зови кого-нибудь на помощь... Кто тут ремонт делал, видно, совсем не соображал!

Неприятная мелочь, словом, но Олег тогда был очень зол. На себя зол.

Какую-то чужую тетку устроил в хорошую больницу со всеми удобствами, а мать вот не смог. И ладно бы Нина Филипповна была благодарна, так она с тех пор Олега знать не хотела...

Что касается личной жизни, то Олег пытался несколько раз завести отношения, но как-то не особенно успешно. Он подозревал своих женщин в корысти, в желании приобрести статус замужней – что угодно, но только не любовь видел.

В конце концов он отказался от любых отношений, жил один. По выходным – навещал маму.

* * *

Ангелина, продав бизнес, который раньше принадлежал Олегу, получила возможность жить в собственное удовольствие. Ко Льву она возвращаться не хотела, скучала только по дочери, но потом поняла – так даже удобнее, когда о девочке заботится отец. Лев не мешал ей встречаться с дочерью, несколько раз Ангелина приезжала в Милан, раз в неделю мать с дочерью общались по видеосвязи.

Потом Ангелина поехала в одну теплую страну и познакомилась там с очень красивым мужчиной. Вечера у моря, на белом песке, коктейли и свобода. Мужчина знал, что у Ангелины есть деньги.

Ангелина, конечно, не была дурочкой и понимала, что надо ей быть поосторожнее, терять голову от страстной любви она не собиралась.

Но почему-то у нее не получилось.

Как ее обманули, каким образом выманили деньги, уже неизвестно. Просто с какого-то момента Ангелина пропала, и деньги с ее счетов тоже исчезли.

Скорее всего, она лежала где-то мертвой, но точно утверждать это тоже нельзя. Пропала – и все.

Лев искал ее долго, ради дочери – но поиски никакого результата не дали.

...А Сима выросла чудесной. Такая капризуля и упрямица в детстве неожиданно превратилась в очень спокойную и добрую девушку. Сима училась на врача и мечтала спасать людей.

Лев ее обожал. Собственно, он во всем мире любил лишь одного человека – свою дочь. Протестовал, когда Сима объявила, что поедет в одну из неблагополучных бедных стран вместе с другими врачами-добровольцами... Но и противиться дочери Лев не мог. Сима уехала. И спустя месяц ее убил один из пациентов, находящийся в наркотическом дурмане.

Лев не плакал. Он просто спился. Умер через два года после смерти дочери.

* * *

Рая открыла глаза и увидела себя в белой-белой комнате. И пол, и потолок, и стены – белые-белые, и такие... волнами словно. Неровные. И мягкие на вид.

Еще в комнате находилась женщина. Невысокая, немолодая, с наполовину седыми, наполовину рыжими волосами, завязанными сзади в пучок.

– Ну как ты? – строго спросила женщина.

– Не знаю... А что со мной? И вы – кто? Вообще, где это я?

– Ох. Ты не помнишь. Ну ничего. – Неожиданно лицо женщины смягчилось, и она улыбнулась. – Я надеюсь, что все обойдется.

– Да кто вы такая? – с недоумением спросила Рая.

– Мало времени. Слушай. Я сейчас кое-что скажу, а ты запомни. Я вас очень люблю. Всех вас. Очень. Люблю. Ты меня больше не увидишь. Меня увидит только она, и один раз, больше и не получится... Когда-нибудь, когда ей понадобится моя помощь.

– А кто – она? Вы про кого?

– Она. Она есть смысл всего. Смысл всех нас – меня, Богдана, тебя. Твоей мамы. Всех.

– Послушайте, я не понимаю...

– И не надо. Иди. Иди обратно, иди, иди, Раечка... Рая... Возвращайся к ним, к живым.

– ...Рая!

Рая с трудом открыла глаза.

– Рая, ты слышишь меня? – над ней склонилась еще одна женщина, тоже незнакомая, в белом халате. – Уф, ну молодчина, глаза открыла. Сколько пальцев?

– Пять, – прошептала Рая.

– Как ты нас напугала, Рая. Но ничего, теперь все хорошо.

– Я сейчас кое-что видела... ко мне кто-то приходил.

– Это наркоз, милая, никто к тебе не приходил. Наркоз всегда так действует. Ну, а кто это у нас там, узнаешь?

Женщина в белом халате отошла в сторону, и Рая увидела Богдана. Он был такой смешной, тоже в белом халате. И волосы, его рыжие волосы спрятаны под специальную шапочку. У мужа был испуганный, ошеломленный вид и в то же время какой-то вдохновенный, словно он только что стал свидетелем чуда.

В руках у Богдана был маленький сверток, который муж держал максимально бережно, как будто сокровище какое.

И тут Рая вспомнила. Все-все вспомнила. Эту не самую легкую ночь в своей жизни, а еще то, что они, много раньше, просили не говорить им пол ребенка, пока тот не родится.

– Кто? – спросила Рая у мужа.

– Девочка, – ответил тот с восторгом, подходя ближе. – Настоящая девочка, ты представляешь?! Она рыжая, посмотри, это невероятно! Посмотри, Раечка... Наша дочь.

Table of Contents

[Татьяна Трoнина Изгнание Раи](#)

